

ВЛАДИМИР РЫБИН
ЗДРАВСТВУЙ,
ГАЛАКТИКА!

ЗЕМЛЯ ЗОВЕТ

Ужасающе бездны космоса. Суперкорабль «Актур-12» сто тысяч лет носился по межгалактическим параболам, без конца фиксируя звездные облака, то свитые в спирали, то рассеянные неведомыми силами, то сдвинутые в плотные молочные сгустки. Иногда приборы нащупывали в глубинах галактик планеты, похожие на Землю. Тогда корабль вонзался в звездную кашу, находил планету, и люди долго жили там среди иных существ как среди себе подобных.

Каждые сорок лет космолетчики запирались в антианнигиляционные капсулы, переводили корабль на субсветовую скорость и там, в беззвездном и бесцветном засветовом антимире, где все наоборот, возвращали себе молодость. А тем временем корабль проскакивал очередной межгалактический вакуум, и перед глазами обновленных людей вспыхивали новые звезды, возникали новые миры, ждущие исследователей.

Сто тысяч лет прошли как один год. Люди по-прежнему были молоды, неистово жаждали нового. Нов был и корабль, по частям многократно перестроенный, переконструированный. Но на нем уже не оставалось места для новой информации: панели с кристаллами памяти, на которых были записаны собранные знания, стояли во всех переходах и жилых отсеках.

Пора, давно было пора возвращаться с этим уникальным грузом, способным обогатить тысячу цивилизаций. Но и на обратном пути тоже попадались неведомые миры, и исследователи опять задерживались.

Командир был немолод. Седина на висках, которую он унес в космос, еще больше увеличилась, не от возраста — от усталости, от тоски по глубокому небу родной Земли, по неровному шуму морских волн и даже по исступленному галдежу мальчишек под окнами.

Это пришло к нему совсем недавно — всего семь лет назад, после того, как они побывали у странных существ тройного двухсолнечного мира.

Сколько было исследованных ими миров? Тысяча? Или больше? Этого командир точно не помнил. Зато он умел безошибочно находить нужные кристаллы памяти. И как старец, мучимый воспоминаниями, много времени проводил в объемной камере видений, перебирая эти кристаллы, заново переживая пережитое. Он снова ходил по ледяным куполам комет, собирал коллекции минералов на «диких» межгалактических астероидах. И тонул в живом океане загадочной планеты 926-Б-719. И умирал в заражающей беспричинным восторгом розовой атмосфере третьего гиганта четырнадцатой галактики. И отбивался от всепожирающих сгустков хищного тумана...

Но в последние семь лет командир редко возвращался в эти экзотические миры. Их вытеснил из памяти мир тройной планеты под двумя солнцами, где так хотелось остаться навсегда и откуда они улетели, гонимые программой экспедиции и острой тоской по родной Земле.

Это был мир невообразимо, сказочно развитой цивилизации.

Они даже не сразу поверили в ее существование, так непонятна была там жизнь. Космонавты не нашли на тройной планете ни сети дорог, ни россыпей городов. Зато поминутно встречали загадочное, необъяснимое...

Это началось задолго до того, как была обнаружена тройная планета. «Актур-12» пересекал окраину очередной галактики, делая первый зондаж звездной спирали. Как-то, проходя через боковые отсеки реакторной секции, историк корабля Войл заметил в конце коридора голого человека. То есть он был не совсем гол: на ногах, бедрах, груди и на голове незнакомца были какие-то светло-серые серебристые полосы.

— Здравствуй, Войл! — сказал человек, приветливо улыбаясь.

— Кто ты? — недоуменно спросил историк.

— Неважно.

«Хорошенькое дело», — подумал Войл, прижимаясь спиной к переборке. У него закружилась голова. Он пересилил себя, оттолкнулся от переборки и пошел навстречу странному человеку. И чем ближе подходил, тем расплывчатее становились контуры незнакомца, и наконец он совсем исчез, словно растворился.

Случившееся было настолько необъяснимо, что товарищи приписали видение неумеренному воображению историка.

Но вскоре таинственный человек появился вновь. Была объявлена общая тревога, первая за сто тысяч лет полета. В тот раз командир, как ему и полагалось, находился в своем наглухо заблокированном командном отсеке под защитой мощных силовых полей. Когда на пульте один за другим зажглись зеленые глазки и все космонавты доложили о готовности, командир включил «главную продувку». Полчаса по отсекам и переходам носился смерч. Но еще до того, как этого «беса» выгнали в вакуум открытого космоса, командир увидел в двух шагах от себя человека с четырьмя широкими серебристыми полосами поперек голого тела.

— Давайте договариваться, — сказал незнакомец ясно и четко, будто годы общался с землянами.

— Кто вы? — спросил командир.

— Уэн.

— Как вы сюда попали?

— Надо же с вами побеседовать, — улыбнулся незнакомец.

— Но вы прошли через силовые поля...

— Разве? — удивился он.

Командир хотел спросить о намерениях незнакомца, но не спросил: кто же сразу скажет о намерениях?

— Мы знаем о вас все. Но вам нечего опасаться.

Командир усмехнулся. «Можно ли знать всю бездну информации, хранящуюся в бесчисленных кристаллах памяти?»

— Да, там есть кое-что интересное, — неожиданно сказал незнакомец, заставив командира побледнеть и внутренне собраться. — Но в основном все это нам известно. Посудите сами: на десять парсеков мы можем переноситься даже без кораблей, а граница непосредственно исследуемой нами вселенной простирается на тысячи световых лет. Конечно же, мы путешествуем не со световой скоростью, как вы, и даже не с субсветовой. И нет преград, через которые мы не могли бы мгновенно и безопасно проникать... Как видите, вам будет интересно побывать у нас.

Командир торопливо соображал. Он верил и не верил таинственному Уэну. И боялся, что незнакомец видит его опасливые, растерянные мысли. Впервые за сто тысяч лет он, посланец могущественной цивилизации, чувствовал себя робкой птицей в клетке, где некуда спрятаться от чужих глаз.

— Мы поможем вам преодолеть пространство, — сказал незнакомец. — Разумеется, если вы пожелаете быть нашими гостями.

— Нам нужно посоветоваться, — сдавленным голосом сказал командир.

Человек кивнул и исчез. Командир опустился в зыбкое воздушное кресло, положил голову на подушку биостимулятора. Мысли потекли ровнее, но это не принесло ожидаемого облегчения. Сто тысяч лет он сам распоряжался судьбой корабля. Встречались опасные миры, встречались развитые цивилизации. Но всегда он, командир, имел возможность решать самостоятельно: оставаться или улетать? Правда, и здесь, как говорил незнакомец, они могут отказаться от гостеприимства. Но тут действовали другие законы, в чем-то страшные и даже унижительные. Да, это было похоже на свободу в клетке, у которой открыли дверцу: хочешь, оставайся, хочешь, лети.

«Не за тем мы отправлялись с Земли, чтобы бояться неведомого», — решил в конце концов командир. Он дотянулся до пульта и нажал кнопку общего сбора...

Это был странный мир. Идя по снижающейся орбите, командир видел дикие горные хребты в зеленых шапках непроходимых лесов, нетронутые степи, широченные песчаные отмели по берегам морей. Моря здесь пронизывали сушу частой сеткой широченных проливов, превращая пенную береговую черту в главную деталь ландшафта. С высоты казалось, будто планета закутана в причудливую разноцветную сетку голубых вод, белых пляжей, зеленых лесополос, коричневых горных хребтов.

Экспедиционная ракета землян опустилась на берегу одного из проливов. Высокие волны далеко в море вставали на дыбы и, потрясая пенными гривами, бежали по мелководью. Не добежав двадцати метров, они плюхались на песок и униженно ползли к ногам оторопелых землян.

— Морем пахнет! — воскликнул Войл.

— Исккупаться бы! — слышались возгласы.

— Позагорать на песочке!

— Как на Земле!..

И тут все увидели на мокром песке цепочку следов. Будто баловник-мальчишка только что пробежал босой по отмели перед отступившей волной. Но волна снова нахлынула, лизнула следы, смыла их. Звонкий веселый смех прозвучал в воздухе. Космонавты переглянулись.

— Всем на корабль! — приказал командир.

Семьдесят часов отсиживались они под защитой мощных силовых полей, отсекающих даже внешние излучения. Потом решили рискнуть и снова вышли на пустынную отмель, удивляясь шуму волн, влажному ветру, необыкновенно родным, как на Земле, запахам.

Постепенно проходило чувство настороженности. Иногда командир ложился на теплый песок, закрывал глаза и представлял себя вернувшимся домой, сбросившим с плеч вековой груз обязанностей. Но, открыв глаза, он видел два солнца в небе и два сверкающих негасимо полумесяца. И тоска по родной Земле — страшное чувство, которое ему удавалось подавлять так долго, — теперь захлестывала душной петлей, торопила в последнюю дорогу через бездну.

Им никто не мешал. Земляне свободно перемещались по планете, забираясь в самые глухие горные ущелья, в самые непроходимые дебри. Летали на другие две планеты, почти ничем не отличавшиеся от первой, исследовали множество мелких планеток с удивительно одинаковыми расстояниями между орбитами, будто кто сознательно расставлял их, как километровые столбы, на дорогах, ведущих к солнцам и в темные глубины космоса. Но нигде — ни на планетах, ни на планетках — земляне не нашли никаких признаков разумной жизни.

Время от времени загадочный Уэн навещал их. Всегда он был подозрительно нелюбопытен, но терпеливо и обстоятельно отвечал на все вопросы.

— Где вы живете? — однажды спросил его командир.

— В других пространствах, — ответил Уэн.

— В каких?

— Вы этого не поймете.

— Почему не поймем? — обиделся командир.

— Как бы вы объяснили природу электричества, например, обезьяне?

— Благодарю за комплимент.

— Не обижайтесь. Это действительно не объяснишь сразу. Мне пришлось бы убеждать вас в существовании законов природы, противоречащих тем, на которые опиралась ваша цивилизация. Затем другие законы, исключаящие первые. И так много раз. Существо, привыкшее мыслить логически, не в состоянии перенести столько потрясений. Легче согласиться с убеждением, что все объясняемое — абсурд. Истина может восприниматься только по этапам. Она должна вызреть, чтобы, отвергнув себя, родить другую истину. Переход сразу к конечному результату невозможен...

— Но можно же понять не принимая. Скажем, по аналогии.

— Аналогия? — повторил Уэн и задумался. — Ну что ж, вот хотя бы радио. В глубокой древности оно было у нас широко распространено. Вы ведь не удивляетесь, что в одном и том же пространстве уместается множество радиоволн? В одном и том же месте, не мешая друг другу, одновременно существуют тысячи сигналов, несущих самую различную информацию...

— У вас волновые формы жизни?

— Я же говорил, что вы не поймете. — Уэн усмехнулся, но не снисходительно, как ожидал командир, а вроде даже дружески, совсем так, как это сделал бы, например, Войл, услышав

от космонавтов ошибку в хронологии.

— А ваши дома, они тоже в других пространствах?

Уэн пожал плечами.

— Сколько же у вас этих пространств?

— Бесконечно много.

— Значит, и вас самих бесконечно много? Как же вы управляетесь?

— У каждого есть разум, — улыбнулся Уэн. — Еще в эпоху раннего коммунизма было провозглашено господство разума над стихией взаимоотношений.

— Почему же никто не считает разумным жить в этом пространстве, среди этих лесов и полей. Здесь ведь так хорошо!

— В других удобнее, — сказал Уэн. — Кроме того, все эти леса и горы — заповедник или, если хотите, наш парк. Ну вроде как место отдыха и работы желающих...

И он исчез.

Эта странная манера обрывать разговор на полуслове удивляла командира. Но, поразмыслив, он понял, что все правильно, ибо нельзя назвать прерванным разговор, когда все сказано...

Как-то короткой ночью, когда одно солнце уже зашло, а другое только еще золотило морскую гладь, перед командиром, любившим гулять в эту прохладную пору, встал некто, очень похожий на Уэна.

— Почему вы не улетаете? — спросил он.

Командир насторожился.

— Кто вы? — спросил он.

— Уэн.

— Уэн другой?

— Мы все уэны. Это как вы — люди.

— Нам грозит опасность?

— Нет, нет, — быстро сказал незнакомец. — Вас все любят.

«Вот тебе и раз, — подумал командир. — О нас, оказывается, все знают. Может, они из своих «других» пространств все время наблюдают за нами?»

Он представил это и поежился. Человеку совершенно необходима уверенность, что он хоть иногда остается наедине с самим собой. Поэтому у всех разумных существ вселенной есть свои дома или свои отсеки...

— Почему вы не улетаете? — снова спросил незнакомец.

— Вы этого хотите?

— Нет. Мы хотим, чтобы вы остались.

— Невозможно, — резко сказал командир. — Тогда вся наша экспедиция была бы бессмысленной. А что может быть хуже сознания бессмысленности сделанного? Мы улетим, но не раньше, чем поймем все ваше.

Незнакомец грустно улыбнулся.

— Для этого вам пришлось бы жить вечно.

— Состарившись, мы уйдем в космос, — сказал командир. — Возвратим себе молодость и продолжим изучение ваших наук.

— Не догоните.

— Кого?

— Науки. Пока вы будете летать, науки уйдут вперед.

Командир задумался. Впервые за сто тысяч лет странствий он почувствовал беспомощность перед стеной времени.

— Вот, — сказал незнакомец. Он протянул руку, как фокусник, взял откуда-то из пустоты небольшой цилиндр и начал снимать с его торца гибкие диски. — Здесь все наши знания, век за веком. Мы верим, что вы не будете слепо копировать нас. Использование знаний, заложенных в этих дисках, потребует пересмотра убеждений. Вы, конечно, понимаете, что спешка в таких делах опасна?..

— Понимаем, — пробормотал командир, опешивший от такой невиданной щедрости. — Но как вы можете передавать чужому такую ценность?

— Это не ценность. Это, как сказали бы древние, из моей личной библиотеки.

— И все же я хотел бы... — Командир замялся. Ему казалось невозможным вот так пользоваться доверием, тайно увозить этот бесценный цилиндр. — Надо бы сообщить тому Уэну.

— Сейчас он видит и слышит нас. — Незнакомец снова дружески улыбнулся. — Мы с вами очень похожи. Жаль, что между нами бездна времени.

И вдруг совсем по-земному похлопал командира по плечу.

Розовое солнце светило над чистым горизонтом. Тихо шумело море, ластилось к пологому берегу.

«Ну все, — подумал командир, оставшись в одиночестве. — Больше нам здесь нечего делать». Он представил, какую сенсацию произведет этот цилиндр там, на Земле, и заторопился к ракете...

...И еще семь лет мчался «Актур-12» в темных глубинах космоса. Все космолетчики только тем и занимались, что непрерывно изучали бездну информации, хранившуюся в бесчисленных дисках уэнцев. И часто эта информация была столь неожиданна, что рождала на корабле неистовые долгие дискуссии.

Постепенно командир привык к легкости, с какой наука жителей тройной планеты отказывалась от стройности взглядов в пользу парадоксальности. Он понимал, что легкость эта — лишь видимость, кажущаяся снисходительность дальних потомков к заблуждениям предков. И все же не мог отделаться от ощущения, что история их науки — длинная цепь единогласно и восторженно принимаемых сюрпризов.

«Должно быть, такова природа уэнцев, — с завистью думал командир. — Недаром они так обогнали всех».

Он вспомнил Землю, жестокие схватки самолюбий на любом, даже самом незначительном, повороте науки и утешал себя надеждами, что за сто тысяч лет и люди, вероятно, достигли немало.

И вот случилось: очередной диск с информацией о древнейших временах уэнцев принес самый главный парадокс, невероятнейшую сенсацию.

Однажды командира разбудил тревожный вызов. Этим вызовом давно не пользовались, и командир, успевший забыть его назначение, не сразу понял, что делать. Он вскочил и кинулся было в командный отсек.

— Командир, — позвали его, — пройдите срочно в объемную камеру.

— Войл? — удивился он. — Что случилось?

— Надо поговорить.

— Что за спешка? У нас впереди не меньше тысячи световых лет.

— Боюсь, что меньше.

— Вы хотите сказать?..

— Мы летим не туда.

— Автоштурман ошибается?

— И это тоже.

Командир сел в кресло биостимулятора, чтобы отойти от долгого электросна и успокоиться. То, что сообщил Войл, могло означать только одно: они заблудились. Превратиться в вечных скитальцев, этаких «летучих голландцев» космоса, обреченных на бесплодные поиски своей пристани, — хуже ничего не могло быть.

— Ну, — сказал командир, входя в камеру видений, — рассказывайте с самого начала.

— С начала? — почему-то переспросил Войл. — Пожалуйста.

Он сделал быстрый жест рукой, и сразу пропали стены. Вокруг до горизонта простиралась залитая солнцем бескрайняя степь. Вдали, в центре огромного черного круга, стоял космический корабль, похожий на острый конус с тяжелым широким основанием. От корабля в разные стороны быстро разбегались сотни машин, похожие издали на разноцветных букашек. Высоко в небе невидимый снизу гравилет огненным кругом очерчивал широкое пространство, предупреждая всех об опасности полета в этой зоне. Над степью тяжелым медным звоном гудел усилитель хронометра, отбивал секунды. В тот миг, когда затих последний удар, конус корабля бесшумно оторвался от земли и начал подниматься к центру горящего в небе кольца. Потом где-то там, куда ушла точка корабля, ослепительно вспыхнуло. И погасло. И опять голубела высота. Только опадающие лохмотья огненного кольца напоминали о буйстве сил, излившихся в небо...

— Ну и что? — сказал командир, когда камера видений снова приобрела свой обычный вид.

— Это отлет нашего «Акура». Сто раз я видел эту запись.

— Да? Ничего особенного? — Войл был необычно взволнован. — Так вот, эту запись я нашел

на диске уэнцев.

Командир удивленно уставился на историка.

— Что вы хотите сказать?

— То, что отлет «Актура-12» — факт далекой истории уэнцев.

— Что вы хотите сказать? — недоуменно переспросил командир, тряхнув вдруг отяжелевшей головой.

— Планета, на которой мы были, — это наша Земля.

— Но она тройная.

— Вероятно, они перестроили планетную систему.

— А солнце? Второе солнце?

— Вероятно, оно им понадобилось...

Они долго молчали, думая каждый о своем. Откуда-то из глубин корабля доносился металлический стук. В углу прерывисто дышал преобразователь воздуха, напоминая не то всхлипывание, не то нервные смешки.

— Почему они нас не узнали? — устало спросил командир.

— Мы их тоже не узнали, — отозвался историк. — С чем и поздравляю. Мы теперь сами по себе. Нас никто не понимает, и мы никого не понимаем. Прямо-таки самостоятельная цивилизация.

— Почему они нас не вернули? Похоже, что уже тысячи лет назад наша экспедиция стала бесполезной.

— Они нас искали. Здесь, на дисках, говорится об этом. Сейчас найду...

Командир жестом остановил его.

— Значит, мы были там, где еще не бывали уэнцы?

Он даже привстал, такой обнадеживающей показалась ему эта мысль.

— Скорее всего они тоже были там, но в другое время. Ведь они же говорят, что знания, записанные на наших кристаллах, им известны... Подумать только: сто тысяч лет, миллионы парсеков, сотни обитаемых миров — и все впустую!..

— Безрезультатных опытов не бывает.

— Послушайте, командир, а может, найдем подходящую планетку?..

— Для цивилизации нужно не только качество, но и количество.

— Будут же там какие-нибудь «дикари»?

Командир покачал головой:

— Эх, Войл, как вы не понимаете! Ведь это значило бы подчинить «дикарей» и выродиться в касту полубогов, которым будут поклоняться. Или мы сами ассимилируемся, растворимся, исчезнем вместе со всеми своими знаниями.

— А может, остаться вечными странниками? — не унимался историк. — Будем летать такими добрыми духами от галактики к галактике, устанавливать связи между мирами, сеять знания?

— Благотворительство? От него больше вреда, чем пользы. Ценности ценятся, когда они добыты трудом. Своим трудом, заметьте. Нет, Войл, мы земляне, летим домой.

— Будем жить как никому не нужные заморские диковинки? Да сколько мы там протянем?

— Разве вы еще не поняли, что вечно жить бессмысленно? Одного этого вывода довольно для оправдания всех наших трудов.

— Но ведь мы им не нужны! — воскликнул Войл. — Нельзя жить, когда ты никому не нужен!..

И тут рядом послышался тихий и мягкий голос:

— Все не так просто.

Командир и историк разом оглянулись и увидели у стены бледный силуэт человека с матово поблескивающими полосами на голове, на груди и на бедрах.

— Вы знали, кто мы? — спросил командир, опомнившись.

— Я говорил: мы им не нужны! — раздраженно сказал Войл.

— Все не так просто, — повторил уэнец.

— Почему же вы нам не сказали?

— Это было бы как взрыв. Мы не могли лишать вас надежд. Это верно: нельзя жить с сознанием, что ты не нужен. Вам требовалось время, чтобы привыкнуть и понять.

— Ну вот, Войл, а вы говорили: ничего общего. Они мыслят, как мы.

— Слабое утешение.

— Это лишь начало. Сколько еще найдется общего.

— Каково будет нашим, когда они узнают, что все труды напрасны! Нам нечего сообщить Земле, там и без нас все знают.

— Все знать нельзя, — сказал уэнец. — Пусть знания, которые вы собрали, нам известны. Но есть информация, и есть выводы из нее. Вы сами по себе феномены. Новая информация в вас самих. Она не может быть неинтересной. Но нас разделило время, и вы вправе сами решать свою судьбу.

— Вот именно, — сказал Войл.

— Вот именно, — сердито повторил командир. — Только «мы» — это не я да вы. Мы — это весь экипаж «Акура». Всем и решать...

Командир опустил в кресло. Вот когда почувствовал он, что устал, смертельно устал от стотысячелетних забот. Он закрыл глаза и откинул голову. Потом медленно, очень медленно поднял отяжелевшую руку, дотянулся до приборной панели и нажал красную кнопку.

Во всех самых отдаленных уголках корабля, ввинчиваясь в сознание и спящих и бодрствующих, забились, застонали, засверкали частые прерывистые сигналы чрезвычайного общего сбора...

«ГОЛУБОЙ ЦВЕТOK»

Командир корабля Олег Петрович Кубиков не любил стихи. Это было, пожалуй, единственное, что, по общему убеждению, отличало его от других членов экипажа. Он, собственно, не назвал бы это нелюбовью. И у него, бывало, щемило душу, когда ни с того ни с сего вспоминалась вдруг старая песня или давно позабытый детский стишок:

«Однажды в студеную зимнюю пору...» Или что-то подобное. Просто он не писал стихи, как все на корабле. Слова казались ему слишком убогими в сравнении с водопадами чувств, которые временами хотелось выразить.

Но Кубиков сам дал повод думать о себе как о человеке, равнодушном к поэзии. Было это еще на Плутоне, где экипаж проходил предполетную подготовку и проверку на совместимость. Им предстояло уйти в многолетний рейс — ГЗК, как писала вся межпланетная пресса, — Глубокий зондаж космоса. Еще тогда Кубикова поразило, что все балуются стихами. Ладно бы вчерашний студент, «радио-, электро- и прочий техник», как говорили про него на корабле, Дима Снегирев, Димочка, пусть бы психолог Маша Комарова — она женщина, в ней повышенная чувствительность от рождения. А то ведь и «корабельный патриарх», историк и астроном с огромным космическим стажем Иван Сергеевич Родин и тот пописывал стишки в стенгазету.

Более того, именно с него-то и началась сама стенгазета. Как-то еще на Плутоне командир шел по коридору и у входа в кают-компанию, там, где в полукруглой нише стояли четыре кресла для отдыха, увидел на стене розоватый листочек фольги со стихами. Было там что-то о тоске по неизведанным далям неба, в которые убегает звездный поток, словно пенный след за кормом на морской дороге. Кубиков подивился такому не порядку, но листок не снял. Наверное, потому, что под ним стояла подпись всеми уважаемого Ивана Сергеевича.

Лучше бы он тогда снял его. Потому что на другой же день рядом появились стихи Димочки и Маши. И у Кубикова уже язык не повернулся призвать экипаж к порядку. Потому что Маша — это была Маша, единственный член экипажа, обладавший особой властью над командиром. Властью никому, кроме него, не известной.

Так, по крайней мере, думал сам командир. Но он усомнился в этом, когда увидел в стенгазете стишок без подписи:

Олег, скажи на милость,

Ни слова не тая,

Неужто обленилась

Поэзия твоя?..

Он метнул глаза в конец стишка и обомлел, прочитав последние строчки:

...И нашей милой Маше

Ты песню не споешь?

Кубиков ушел, не тронув и этого листка. Но листок исчез сам собой. И Кубикову стало грустно. В тот день он ни на кого не глядел и, погруженный в себя, не замечал, что кают-компания непривычно тиха.

Именно в тот самый день, отвечая на многочисленные вопросы ПАНа — корабельного автомата-психоанализатора, перед отлетом особенно строго проверявшего экипаж, Кубиков и сказал, что он не любит стихи, но относится к ним терпимо.

Не думал он, что уже через год увлечение стишками, расслабляющими земными романсами и прочими недостойными космонавта штучками примет форму всеобщего поветрия.

С каждой секундой корабль все глубже уходил в бездны космоса. Уже и Солнце, родное солнышко превратилось в точку, неотличимую от всех прочих далеких и холодных звезд, уже ни в какой телескоп нельзя было увидеть его в форме привычного диска. Космос дышал отдаленным радиоэхом, и в нем все слабее звучала знакомая нотка солнечного излучения, единственная ниточка, связывающая космонавтов с Землей. На нее, эту вот-вот готовую порваться ниточку, крохотными бусинками были нанизаны предназначенные им сигналы с Родины.

Корабль мчался со скоростью, превышающей скорость Солнца по галактической орбите, каждую секунду проскакивая почти триста километров. Но казалось, что он стоит на месте. Не менялся даже знакомый рисунок созвездий. Все так же неподвижно висел в черном пространстве ковш Большой Медведицы, все так же, изящно изогнувшись, стояла в иллюминаторах красавица Кассиопея. Только дотошный автоштурман, пошевеливая хоботами антенн, улавливал угловые смещения и чередой цифр, бегущих по экрану, доказывал, что вид созвездий все же меняется.

Там, на стапелях Плутона, конструкторы сделали все, чтобы оградить космонавтов от будущих опасностей. Мощные силовые поля и нубиевые сплавы тройной обшивки надежно защищали корабль. Даже крупный метеорит сгорел бы и распался в пыль, еще не достигнув обшивки. Но не было метеоритов. Была пустота, оглушенная отдаленным эхом хохочущих галактик — радиотрескотней пульсаров, вздохами взрывающихся звезд, неведомыми стонами умирающей и рождающейся материи.

Это и было главной задачей экспедиции — послушать космос из пустоты. И бесстрастные автоматы непрерывно фиксировали все, что потом могло бы заинтересовать ученых Земли. Но сами космонавты не могли долго работать с завидной бесстрастностью приборов. Они жаждали нового и уставали без открытий. И все чаще мучили себя воспоминаниями о Земле в долгих разговорах в кают-компании, в стихах, в песнях, увезенных с Родины. И все чаще ПАН докладывал командиру об опасности, от которой не было защиты, — о переменах в психическом состоянии членов экипажа. Нужна была новая интересная информация, неведомая опасность, борьба. Но не было предусмотрено таких ситуаций, а учебные тревоги

мало что давали. И командир все чаще вспоминал старую истину, что человек навечно прикован к обществу себе подобных, что он не способен существовать в одиночестве. И все думал, чем бы взбудоражить людей.

Перед отлетом Кубиков мечтал о том, чтобы корабль обошли опасности. Теперь он жаждал риска и борьбы. Но космос оставался монотонно одинаковым, точно таким, каким его наблюдают с планетных орбит.

Пустота окружала корабль, опустошала людей.

Первой не выдержала Маша. Однажды командира оторвал от дум тревожный зуммер. Привычно белый глазок на табло психоанализатора на этот раз тревожно пульсировал багровым отсветом. Это был черный стресс — неведомая болезнь, по-видимому, родственная земной ностальгии, но стократ усиленная безнадежностью, порожденной пустотой космоса. Черный стресс изредка поражал космонавтов в дальних рейсах. Он парализовал волю человека, целиком отдавал его во власть безысходной тоски. От этой болезни нельзя было вылечиться, только спастись бегством, погрузившись в глубокий и долгий гипнотический сон.

Командир включил разговорное устройство ПАНа и, еще до того как услышал ответ, понял: беда случилась с Машей Комаровой. Вспомнил, что последние дни слишком часто видел ее в комнате иллюзий, где с помощью хитроумных световых, звуковых и ароматических эффектов воссоздавались земные условия и можно было хоть часок посидеть «в поле», «в лесу» или «на берегу моря».

— Что ж ты, Машенька?! — бодро сказал Кубиков, входя в каюту корабельного психолога. И осекся. Маша сидела у стены, обеими руками торопливо и нервно терла себе виски и страдальчески улыбалась. По ее щекам одна за другой непрерывно катились слезы.

— Извини, — сказала она прерывающимся голосом. — Я сама... должна... Это... пройдет.

— Конечно пройдет, все пройдет. Ты только успокойся.

Но он знал: не пройдет, как не проходило ни у кого и никогда прежде. Ему не хотелось расставаться с Машей, на месяцы, может, и на годы укладывать ее в камеру сна. Только теперь, страдая за нее, он понял, что значила она для него все это время. И кто знает, что будет с ним самим без обыкновенного ее присутствия на корабле.

— Я... знаю... как вылечиться, — сказала Маша, мучительно ломая пальцы и почему-то бледнея. — Нужен... ребенок.

— Какой ребенок?

— Нужен... ребенок, — повторила она. — Нельзя... в дальнем полете... без полного общества. Нужны семьи... и дети... Человеческая воля не может... долго опираться на один только разум... Нужна... поддержка чувств... Любовь вечна потому... что без нее нет человека... Человек не может... как робот...

Она махнула рукой и, обессиленная, упала в кресло.

— Что ты Маша, успокойся, что ты?!

Он подошел, погладил мягкий и теплый пластик тонкой курточки на ее плече. И усмехнулся иронически, представив себе корабль, превращенный в семейное общежитие, в детский сад. Вместе со всем, что неизбежно сопровождает такого рода сообщества, вынужденные долго жить в замкнутом мире, — ревностью, безотчетной завистью, слепым недоброжелательством. Каким бы строгим ни был отбор на совместимость, все равно трудно

предусмотреть развитие человеческой психики на годы вперед.

Маша сидела перед ним прямая, замеревшая. Она словно бы не замечала своих слез, продолжавших катиться по щекам. И он как будто привык к ним, смотрел на короткую — «под шлем» — прическу Маши и боролся с острым желанием потрогать упругие спирали завитков на ее виске.

Тишина, тяжелая, ощутимая, висела за переборками, за оставшейся приоткрытой дверью. Только зуммер психоанализатора все плакал и плакал на Машином индивидуальном пульте, почему-то напоминавшем туалетный столик.

— Это пройдет, поспишь немного, и пройдет, — сказал Кубиков.

— Я не о себе. — Она подняла к нему заплаканные глаза. — Я психолог, знаю: всем нелегко. Знаю. Только я... слабей оказалась...

— Не о себе? — машинально переспросил он и покраснел.

Она не ответила. Медленно встала, как-то странно улыбнулась ему и пошла к двери. И Кубиков понял, куда она направлялась — в камеру сна.

В последующие полгода черный стресс уложил еще нескольких членов экипажа. Кубиков ждал, что болезнь отпустит хоть кого-нибудь, но педантичный ПАН все не давал положительного заключения. И наступил момент, когда остались бодрствовать только трое — самый молодой — Димочка, самый старый — Иван Сергеевич да он, командир.

Еще более пусто стало на корабле. Именно тогда и случилось то, чего все давно ждали: в тяжелом радиэфоне космоса совсем потонула зыбкая пульсация земной связи. Напрасно до предела выдвигались параболические антенны, напрасно автоматическая радиостанция, гудя от напряжения, шарилась по диапазонам: экраны осциллографов были пусты, как снега на Плутоне, а из динамиков доносилось только пугающее разноголосо-хриплое пение космоса.

Пустота словно бы еще углубилась, ощутимой тяжестью ложилась на душу. Кубиков все чаще вспоминал слова Маши о необходимости присутствия детей на корабле, и эта мысль уже не казалась ему столь парадоксальной. От тягостных, словно бегающих по кольцу мыслей он уходил в кают-компанию, устраивал там головоломные дискуссии о легендарных летающих тарелках, о гипотетических встречах с иными цивилизациями. В ход шла любая небывальщина. Но командир сам чувствовал, что все его усилия словно бы попадали в мягкие, как распушенная вата, облака Венеры.

— Ничего, — бодрился Иван Сергеевич. — Все проходит, пройдет и это.

И пытался развивать ни на чем не основанную, по-видимому, специально по случаю выдуманную философскую концепцию:

— Космос неравномерен. В нем все концентрируется в точки или в полосы. Недаром с одной стороны — крайняя плотность материи, с другой — крайняя пустота. Сейчас у нас полоса невезения, то есть полоса пустоты. Но пересечем же мы ее. И тогда услышим Землю, может, даже лучше, чем с Плутона...

Он успокаивал других. А себя не мог успокоить.

Однажды Кубиков, зайдя к нему в каюту, увидел на столе раскрытый блокнот со стихами. Одно было не окончено:

...Полета четкую программу

Поломал слепой метеорит.

Отказали тормозные дюзы,

Сеть антенн осколки унесли...

Облака, как белые медузы,

Ползают по глобусу Земли, синеют океаны,

Светятся большие города...

Не бродить по улицам туманным никогда...

— Если бы хоть метеорит! — усмехнулся Кубиков. И понял вдруг, откуда такие стихи, и ужаснулся от мысли, что это вовсе не печальные стихи, что это так старый космонавт борется с ничем, с ужасающей пустотой. Метеорит и в самом деле выручил бы их, пробудил бы в душе уснувшую готовность сопротивляться, создал бы реального противника, с которым надо бороться.

В этот момент, стоя над поразившим его стихотворением, Кубиков впервые всерьез подумал, что, может, не говоря никому, и в самом деле устроить аварию на корабле? И разбудить всех. Для борьбы. Для спасения экспедиции.

Он еще не знал, что как раз в это самое мгновение автоматы, зондирующие дальний космос, нащупывают странную аномалию пустоты.

Равномерный гравитационный фон космоса искажало неизвестное небесное тело. Для того чтобы сблизиться с ним, пришлось снизить скорость корабля и изменить курс. Но командир пошел на это. Ибо лучше было пожертвовать временем и частью горючего, чем потерять в пустоте самих себя.

В командирской рубке они стояли втроем перед черным пульсирующим экраном и молча наблюдали, как радиолучи рисуют на нем неровное, странно бесформенное пятно.

— Чужой корабль! — взволнованно говорил Димочка, поминутно вороша и без того взъерошенные короткие волосы на голове. — Летит, как и мы, обалдев от пустоты...

Кубиков не возражал. Ему нравилась давно не слышанная страсть в голосе Димочки.

— Чего же он курса не меняет? — ворчливо сказал Иван Сергеевич. И Кубиков понял, что ворчливость эта тоже от волнения, что обращена она не к Димочке, а скорее к тем возможным инопланетянам, которые никак не проявляют себя.

Щелкнул переключателем динамик над экраном, и голос Главного мозга корабля бесстрастно принялся перечислять выявленные параметры небесного тела:

— Средний диаметр — сто сорок километров...

— Ничего себе корабль. Не корабль, а целая планета! — тотчас прокомментировал Димочка.

— Плотность — один и семь десятых. Курс... Время обращения...

— Какое время обращения?!

Иван Сергеевич ласково пригладил Димочке волосы и сказал с явной иронией в голосе:

— Это же вечные скитальцы. Надоело лететь в никуда, вот они и решили по кругу. Один круг, два круга, хоть считать можно. Все-таки цель.

Что-то роднило этих двух людей, старого и молодого. Еще на Плутоне они спорили по каждому пустяку, бесцеремонно подтрунивая друг над другом, и еще тогда было видно, что споры для них в радость. Но в последнее время они словно бы забыли о живущем в них духе доброго противоречия, и теперь командир радовался его пробуждению.

— Если есть орбита обращения, значит, есть и ее центр? — испуганно спросил Димочка.

Кубиков переглянулся с Иваном Сергеевичем. И как раз в это время снова щелкнул динамик, и Главный мозг сообщил результат только что произведенных расчетов:

— Орбита эллиптическая. Центр — солнечная система.

— Дорогие мои! Это же планета! — воскликнул Иван Сергеевич.

— Единственная планета в такой дали?

— Значит, не единственная, значит, космос не так уж и пуст. — Он повернулся к динамику и сказал с нетерпением: — Ну-ка, друг, пошевели мозгами, если планета такой большой массы, то нет ли и других?

Динамик запульсировал странными звуками. Словно кто-то большой и сердитый засопел за стенкой.

— Я и без расчетов скажу, — по-молодому блеснул глазами Иван Сергеевич. — Солнечная система не кончается Плутоном. Она вообще нигде не кончается. Космос пронизан материей от звезды до звезды...

— Почему же мы ничего не встречали? — нетерпеливо перебил Димочка.

— Потому что ее мало в отдаленных пространствах. И эти планетки, кометки, астероиды — называйте как хотите — бесконечно далеки друг от друга. Земля и Марс совсем рядом, а в своем беге по орбитам они так редко сближаются. Что же здесь?!

Кубиков, не отрываясь от экрана, на котором росло блеклое пятно неведомой планеты, слушал восторженный голос Ивана Сергеевича и чувствовал, как в нем полнится, подступает к самому горлу что-то давно позабытое, радостное. Ведь если все так, то миры вовсе не безнадежно далеки. Пусть редки в пространстве эти материальные тела, но они есть, они как ступеньки к другим мирам, к другим цивилизациям. Они плацдармы для веры человека в

победу над безмерностью пустоты.

— Я считаю необходимым, — сказал Кубиков, повернувшись к своим товарищам, — теперь же передать ПАНу полученную информацию. Пусть он введет ее в подкорку спящим. Это может помочь им быстрее излечиться от черного стресса...

Планетка оказалась настолько похожей на обычный замарсианский астероид, что просто не хотелось верить в ее страшную отдаленность от Солнца. Корабль выстрелил причальный линь, и тот накрепко вплавился в плотную породу. В лучах прожектора лежала исполосованная резкими тенями серо-коричневая поверхность. Неглубокие воронки с еле заметными лучиками разбросанной породы говорили о давних столкновениях с метеоритами. Все было как всегда, как на всех небольших небесных телах, с которыми когда-либо приходилось встречаться. Это даже разочаровывало, и когда они втроем, округлившись от толстой тепловой защиты скафандров, ступили на поверхность, то Димочка так и предложил назвать планетку — Обыкновенная.

— Нет, — колебавшись, сказал Иван Сергеевич. — Она все же не обыкновенная — она дала нам надежду.

— Пусть будет Надежда, — легко согласился Димочка. — Даже лучше.

Оставив Ивана Сергеевича возле корабля, Кубиков и Димочка облетели ближайшую гряду возвышенностей. После привычного земного притяжения в корабле странно было стоять на каменной тверди и знать, что достаточно лишь подпрыгнуть, чтобы достичь первой космической скорости и превратиться в спутник.

Издали, из черной ночи, освещенный корабль казался целым городом. Светились цепочки иллюминаторов, сверкали большие, как солнца, глаза прожекторов, и освещенные ими острые обрывы сияли так, точно сами были источниками света.

— Похоже, что единственное, чем удивит нас планетка, это самим фактом своего существования, — сказал Кубиков. — Похоже, что здешние породы ничем не отличаются от тех, что есть повсюду в солнечной системе.

Он обвел фонарем вокруг себя, словно желая удостовериться в этой обыкновенности и показать ее Димочке. И обмер и едва не выронил фонарь: на склоне холма, явно искусственно оплавленного, был вырезан, точнее, выплавлен мощным лучом ровный треугольник.

— Вот тебе и «обыкновенная», — почему-то шепотом сказал Кубиков, обходя знак со всех сторон.

В этот раз они нашли еще несколько оплавленностей. Кое-где на них были знаки — окружности, прямоугольники, странные изображения, похожие на головастики. Знаки были разбросаны на большой площади без какой-либо системы, и казалось, что неведомое существо, оставившее их, просто забавлялось, резало камни мощным лучом, рисовало что придется.

— Вот те на! — неизвестно чему радовался Димочка. — Искали следы могущественной цивилизации, а нашли наскальную живопись.

Кубикову не было так весело. Он подумывал о том, не стоит ли укрыться за силовыми полями корабля и не поручить ли роботам дальнейшее обследование планеты. Именно этого требовала инструкция — крайней осторожности при встрече с иным разумом или со следами его...

Из командирской рубки они видели на экране, как расходились во все стороны черные роботы, похожие на пауков, как расставляли светящиеся маяки на вершинах скал. Роботы осторожно прощупывали грунт острыми наконечниками всех своих шести ног, заботясь о том, чтобы не делать резких движений, не оттолкнуться ненароком от поверхности и не взлететь. Они переползали расщелины, распластавшись на скалах, далеко в стороны выдвинув телескопические лапы. А если срывались, то мгновенно втягивали лапы, включали двигатели и зависали над камнями, сметая ракетными струями быструю пыль.

Шел час за часом. Роботы уже обследовали другую сторону планетки, но ничего нового не нашли, кроме еще нескольких разбросанных в разных местах наскальных рисунков.

Сигнал «Внимание!» прозвучал неожиданно для всех. Главный мозг корабля, непрерывно следивший за роботами и обрабатывавший информацию, тотчас показал на экране неглубокую ложину и двух «пауков», быстро бежавших к вертикальной скале, возвышавшейся над местностью. Прожекторы рисовали черно-белую мозаику теней и световых пятен. Скала топорщилась множественными острыми разломами, похожими на колючую шкуру неведомого чудовища. И вдруг лучи выхватили из тьмы оплавленные края камней и чуть выше — большую гладкую стену, сверху донизу испещренную непонятными знаками.

Космонавты молча смотрели на заполнившую весь экран странную таблицу и не знали, что и подумать. Было очевидно — это письма. Но зачем они здесь, на затерянной планетке? Почему разумные существа несомненно могучей цивилизации прибегли к такому примитивному способу передачи информации?..

Кубиков почувствовал вдруг, что дверь за его спиной тихо отворилась и в рубку вошел еще кто-то.

— Как вам не стыдно! — послышался хриловатый после долгого сна голос Маши. — Это не по-товарищески. Такое открытие, а я сплю.

Все трое посмотрели на нее, словно не узнавая.

— Свершилось! — громко сказал Иван Сергеевич. — Теперь мы знаем: они есть, братья по разуму.

— Или были, — задумчиво добавил Димочка. — Может, надписи миллиард лет.

— А что тут написано? — спросила Маша.

Снова все трое посмотрели на нее и улыбнулись, снисходительно прощая ей такую наивность. И эта снисходительность, это простое человеческое чувство помогло сделать им еще одно открытие.

— Ты... проснулась?..

— А что говорит ПАН?

— ПАН, видно, сломался. Все просыпаются.

— Не сломался, — сказал Кубиков. — Это я велел ему сообщить вам, спящим, новую информацию.

Он встал, бесшумно прошелся по мягкому пластику пола и, остановившись посередине рубки, махнул рукой.

— Была не была! Пусть думает, на то он и мозг. Ты слышишь меня?

— Я слушаю, — зазвенел в динамике спокойный голос.

— Попробуй все же. Может, удастся разгадать эту... клинопись. Отключись от всего. Думай.

— И повернулся к Димочке: — Передай на Землю. Все передай.

Димочка удивленно посмотрел на командира.

— Так нет же связи.

— Все равно передай. На всякий случай...

Еще некоторое время они сидели у экрана, наблюдая, как ходят по камням колченогие роботы. Потом, не сговариваясь, поднялись и разошлись по своим каютам. Новость была слишком велика. К ней следовало привыкнуть после нескольких лет парализующей пустоты.

Но и сидеть в уединении никто уже не мог. Гипотезы одна другой фантастичнее роились в голове у каждого. Кубикову было и радостно и тяжело. Как после сдачи последнего экзамена в институте, когда им, группе будущих космонавтов, сказали, что не все трудности позади, что предстоит еще один экзамен — на умение пользоваться своими знаниями. В тот раз они — уже не студенты, но еще и не специалисты — собрались было отдохнуть в своем узком кругу, как они говорили, «отпустить вожжи». Но вместо этого пришлось снова готовиться к экзаменам, запирались в одиночной комнате самообразования и думать, думать и отвечать на бесчисленные вопросы электронных экзаменаторов.

Кубиков прошел в «прихожую», как на корабле называли герметический блок выхода в открытый космос, и увидел там Машу, уже одетую в скафандр.

— Я не буду отвязываться, — виновато сказала Маша. По инструкции никто не мог покидать корабль без разрешения командира.

Кубиков ничего не ответил. Он знал, что Маша его подождет, что они вместе пойдут по пыльному бездорожью планеты, пойдут далеко, чтобы намотаться под черным пологом бездны, в полной мере насладиться одиночеством. Великолепным одиночеством вдвоем.

Держась за руки, они перелетали через глубокие черные провалы, подпрыгивая, словно танцуя, шли по мягкой пыли низин. Позади и чуть в стороне следовал за ними верный страж космонавтов — светящийся в темноте серебристый робот.

Они не собирались уходить далеко. Но скоро поняли, что не смогут вернуться, не посмотрев таинственной надписи на скале, не потрогав опаленных камней.

Двигаясь от маяка к маяку, они наконец взлетели на острый гребень скалы, с которой, казалось, можно было обозреть всю планету, горбившуюся серыми неровными боками, чуть заметно вырисовывавшимися при свете звезд, и увидели впереди ярко освещенное пятно. Включив индивидуальные ракетные двигатели, Кубиков и Маша устремились к этому пятну, проскочили по инерции и, сделав резкий поворот через головы, опустились у подножия освещенной скалы. Закрепленные по бокам прожекторы рельефно высвечивали каждый знак. Знаки были четкими, словно неведомый резчик только вчера закончил свою работу. Но похожая на шрам глубокая борозда с краю, вырвавшая часть таблицы, свидетельствовала о древности надписи. Ведь метеориты в этой части вселенной так редки.

Они стояли перед скалой, как перед огромной раскрытой книгой, и думали о глубочайшей мудрости, возможно, заложенной в этой таблице.

— Командир! — послышался в наушниках голос Ивана Сергеевича. — Кажется, получается.

— Что?

— Расшифровка. Только странное что-то получается.

— Читай.

— Читать? — почему-то переспросил Иван Сергеевич. — Прямо как я понял?

— Давай как понял.

— Ну слушай.

Он откашлялся, словно перед ним была большая аудитория, многозначительно помолчал и начал декламировать с выражением, с паузами:

Белые чудовища ловили нас длинными руками протуберанцев.

Черные карлики заворачивали невидящим глазом смерти.

Но мы, обманув пространства, на зыбкой границе огня и льда нашли «Голубой цветок»...

— Все? — спросил Кубиков, выждав паузу.

— Продолжения пока нет.

— Опять стихи? — Ему подумалось, что старый космонавт не по возрасту и неуместно дурачится.

— Это я так изложил для ясности. Но за точность ручаюсь.

— Сейчас я буду...

Пользуясь своими ракетными двигателями, они с Машей взлетели над планеткой и, описав параболу, опустились неподалеку от корабля. И увидели Димочку с каким-то аппаратом в руках. Димочка оглянулся на них и почему-то торопливо, словно нашкодивший мальчишка, нырнул в ярко освещенный люк «прихожей».

Когда Кубиков с Машей вошли в командирскую рубку, там перед экраном уже сидели Иван Сергеевич, Димочка и еще один член экипажа, видимо, только что освобожденный ПАНом, биолог Нина Панкина. Никто не обернулся к ним. И Кубиков, взглянув на экран, тоже оцепенел: по экрану, пульсируя и толкаясь, ползли буквы, сбивались в слова. Главный корабельный мозг уже заканчивал расшифровку, и на экране, тихо гудящем в мертвой тишине, мелькали последние фразы о теплых волнах, о какой-то насмешке и вечно враждующих силах.

— Неужели больше ничего? — удивился Кубиков.

— Расшифровка окончена, — тотчас откликнулся звенящий голос.

Все посмотрели на командира, словно он знал больше других. Только Иван Сергеевич не поднимал головы, сидел и торопливо писал что-то.

— Вот! — радостно сказал он, вставая во весь свой большой рост. — Имею честь предложить первый перевод первого образца межгалактической поэзии.

Он откинул голову, сверху вниз посмотрел в поблескивающий розовой фольгой раскрытый блокнот и стал читать уже знакомые Кубикову строки о длинных руках протуберанцев, загораживавших путь к чудному «Голубому цветку». Затем Иван Сергеевич сделал паузу, внимательно посмотрел на командира, словно персонально приглашая его в слушатели, и продолжал:

...На «Голубом цветке» — этом чуде вселенной — живое не прячется в недра от мертвых объятий космоса, не убегает от всепожирающего огня звезд.

Качают теплые волны живое на пенных гривах и пеленают радуги всеми цветами галактик, словно в насмешку над вечно враждующими слепыми и злыми силами...

Прочитав это, он торжествующе оглядел всех. И вдруг глаза его заметались в растерянности от какой-то мысли, которая, по-видимому, только что пришла ему в голову.

— Товарищи, дорогие мои, я-то, старый, думал, что «Голубой цветок» — это некая чудо-планета в далеком космосе, вечная легенда, которую не обошел ни один фантаст. А ведь это... это, наверное, наша... наша Земля?! Чудо вселенной!

— Точно! — вскинулся Димочка. — И живем мы на поверхности планеты, и волны у нас, и радуги...

— Послушать вас... Что же получается?.. — сказала Нина.

Она не договорила, но все поняли, что будет, если развивать эту мысль. Если Земля единственная и неповторимая, то чего искать в космосе? Мысль, вроде бы радующая самолюбие, обернется для землян ослаблением интереса к далеким мирам. Эта идея несла в себе зародыш самопогибели, способность парализовать дерзания, те самые, на которых и вознесся к звездам род человеческий.

— От добра добра не ищут? — то ли спросил, то ли утвердительно заявил Димочка.

— Ищут, — решительно сказал Кубиков. — Не поиски лучшего движут людьми, а поиски разного. Даже если мы убедимся, что нет планеты, равной Земле, все равно надо исследовать космос. Хотя бы для того, чтобы знать, какие опасности могут угрожать нашей... нашему... «Голубому цветку».

Командир не говорил ничего нового, но его слушали со вниманием. Бывают моменты, когда напоминание общеизвестного важнее новизны, когда оно наводит порядок во взбаламученных чувствах, все расставляя по местам.

— Нет, мы не помчимся обратно на крыльях нового самомнения. Мы продолжим экспедицию, даже если пустота будет убивать нас. Это задание Земли, единственной и неповторимой планеты. И я приказываю, — он оглядел своих товарищей, никогда за весь полет не слышавших этого резкого слова, — приказываю в течение ближайших десяти часов закончить исследования на Надежде. Жду докладов. Через десять часов мы стартуем на маршрут.

Никто не возразил, не улыбнулся. Люди молча разошлись по своим местам, и Кубиков

остался один в командирской рубке. Перед ним на большом экране суетились роботы, собирая с поверхности планеты расставленные маяки, несли к кораблю приборы, контейнеры с образцами пород.

Кубиков принимал доклады о готовности, отдавал распоряжения, а сам все это время думал о странной надписи на камне. Что побудило неведомых разумных существ к такому поступку? Добро бы какая информация, конкретное сообщение, указание дороги к братьям по разуму. Он говорил себе, что в найденных стихах тоже немало интересного, но не успокаивался: не эмоций ждал он от космических посылок, а цифр, фактов, формул.

Однако было что-то такое, что заставляло снова и снова повторять про себя стихи о «Голубом цветке». Что-то волновало Кубикова, возвращало мысли к тем и радостным и грустным дням, когда они последний раз обнимали на Земле родных и близких, когда стартовали с Плутона...

Через десять часов последний оставшийся на Надежде робот извлек из грунта наконецник причального линия и на нем был втянут внутрь корабля. И поползли в лучах прожекторов острые выступы скал. Видны были многочисленные точки — следы роботов, и овальные вмятины — следы башмаков. Блеснул в пыли какой-то мелкий предмет, видимо, оброненный роботами. И вдруг на весь экран выплыла люминисцентно горящая надпись: «Олег + Маша =». Две черты знака равенства были едва заметны, видно, у того, кто писал, кончилась краска.

Кубиков встал, взволнованный и сердитый, шагнул к экрану. И вспомнил непонятную настороженность Димочки, когда он торопливо нырнул в «прихожую» с каким-то аппаратом в руках. Теперь Кубиков знал, что это был за аппарат, — пистолет для разбрызгивания краски.

— Твоя работа? — спросил он, вызвав Димочку на экран внутренней связи.

Димочка ничуть не растерялся, воодушевленно принялся говорить о том, что это единственное, что он мог придумать за короткое время пребывания на Надежде, что надпись на века, что и через миллион лет планета будет нести на своих камнях это свидетельство любви...

— Какой любви?! — сердито оборвал его Кубиков.

— Все знают, какой...

Он отключился от Димочки, ничего не выговорив ему. Сел и уставился на удаляющуюся, тонущую в черноте космоса надпись. И вдруг неожиданно для самого себя улыбнулся. А что, собственно, случилось? Космос не обидится. А космонавты, которые когда-нибудь попадут сюда?.. Свои, может, поймут. А инопланетяне? Вот поломают головы над решением этого уравнения?! Хотя кто их знает. Может, они все будут понимать, те инопланетяне. Может, они будут знать, что высшая мудрость космоса — жизнь, а высшая мудрость жизни — чувства...

Кубиков с нежностью подумал о Маше, вспомнил ее слова о детях, необходимых в дальних космических экспедициях. Нет, не о детях вообще она тогда говорила. Сказала: «Нужен ребенок». Один. Ее ребенок. И его?

Теплая волна нежности охватила Кубикова. Остро захотелось на Землю. В тихий домик у синей речки где-нибудь в верховьях Волги. Чтобы проснуться на рассвете, поцеловать спящую Машу, сварить кофе. А потом выйти на крыльцо и слушать шорох раннего грибного дождя в листьях осины...

Он закрыл глаза и долго сидел неподвижно, наслаждаясь захлестнувшей его новой печалью. Когда очнулся, первое, что увидел, — светящееся табло психоанализатора. Обычно темное,

оно теперь слабо пульсировало, словно где-то в его глубине пробежали первые зарницы приближающейся грозы.

— Но, но! — сказал Кубиков и погрозил ПАНу пальцем. — Со мной этого не выйдет.

Он встал, прошелся по рубке, постоял в задумчивости. И решительно направился к двери. Он уже знал, как бороться с черным стрессом. Пусть роботы делают свое дело, пусть докладывают. Все равно он будет каждый день, по примеру древних капитанов, обходить весь корабль. Осматривать блоки, швы, самих роботов. Каждый день.

ОТКРОЙ ГЛАЗА, МАЛЫШ!

— А у меня сегодня день рождения!..

— Сколько же тебе?

— Ровно пять исполнилось.

— Фу, килька!

Малыш непонимающе посмотрел на своего собеседника — рыжего Антошку, первого задиру из старшей группы.

— Что это — килька? — спросил он.

— Рыбка такая маленькая.

— Значит, это хорошее слово, — облегченно вздохнул Малыш. — Рыбкой меня мама называет.

— А у тебя где мама?

— Не знаю, — растерялся Малыш. — Она приходит...

— А моя мама улетела.

— Как улетела?

— А так. В космос.

— Вернется, — сказал Малыш. — Тетя Поля говорит: все улетающие обязательно возвращаются.

— Конечно, вернется. Только я тогда буду старый.

— С бородой?

— Не-ет, — неуверенно протянул Антошка. — Когда мама вернется, мне будет целых восемь лет.

— А я бы маму не пустил, — сказал Малыш.

— Как это?

— А так. Покрепче обнял бы за шею и заплакал.

— Я не ты, я уже большой, чтобы плакать. Мне шесть лет.

— А ты понарошку. Когда я плачу, мама не уходит.

— Это она тебя обманывает, а потом все равно уходит. Когда засыпаешь. Она когда-нибудь тебя будила?

Малыш задумался.

— Меня никто не будит, я сам просыпаюсь.

— Как бы не так. Когда надо, твоя тетя Поля включает музыку, и вы все просыпаетесь, кильки безголовые.

— Не ругайся, пожалуйста.

— «Какой хороший мальчик!» — пропел Антошка, подражая голосу воспитательницы.

— Ты чего тетю Полю передразниваешь?

Они сидели на бревнышке на берегу быстрой речушки, болтали ногами в воде.

— Тетя По-ля! — насмешливо сказал Антошка. — Знаешь, кто твоя тетя Поля? Врушка она.

— Сам ты врушка! — крикнул Малыш. Еще никогда не слышал он, чтобы так говорили о взрослых. А тетю Полю в их малышовой группе все особенно любили. «Велела тетя Поля», «Сказала тетя Поля» — этих слов было достаточно, чтобы уговорить самых непослушных.

— А я говорю — врушка. Все взрослые обманщики...

— Сам ты обманщик! — взвился Малыш. — Самый, самый, пресамый!..

Они оба вскочили на ноги и стояли друг перед другом покрасневшие, возбужденные.

— Я обманщик? — угрожающе спросил Антошка. Темные конопушки на его носу еще больше потемнели. — А хочешь, докажу! Я знаю такое!..

— Ничего ты не знаешь.

— Знаю. Вот это что по-твоему?

— Где?

— Все это. Все вокруг?

Малыш рассмеялся.

— Такой большой, а не знает!

— Все это ненастоящее.

— И речка?

— Какая это речка!

— И лес?

— Разве это лес? Одна видимость.

— И птички?

— Птички вроде настоящие...

— Ага, — обрадовался Малыш. — Не знаешь!

Антошка растерялся.

— А ты в лес ходил?

— Ходил.

— С тетей Полей? По тропиночке?

— Ага.

— Цыплята желтоносые! Ни на шаг от курицы. Самое интересное там и начинается, куда вас не пускают.

— Тетя Поля говорит: придет время, и мы все узнаем.

— А сейчас тебе неинтересно узнать?

— Интересно.

— Тогда слушай, что я скажу...

— Не хочу слушать, — заупрямился Малыш.

— А если сам увидишь, согласишься?

— Поверю.

— Тогда пошли.

Они перепрыгнули через речку и побежали по полю к лесу. Трава мягко стегала по щиколоткам. Жуки и бабочки торопливо разлетались из-под ног. Полуденное солнце жгло голову, и Малыш на бегу поплотнее натянул панаму.

Возле леса Антошка остановился.

— Ты дождя боишься?

— Дождя? — удивился Малыш. — Так же солнце.

— Ты на небо не смотри. Когда мы войдем в лес, все равно польет дождь. Я знаю.

— Встанем под дерево.

— Ага, они только того и хотят, чтобы мы никуда не ходили. А надо по дождю идти, не останавливаясь.

— Тетя Поля рассердится.

— Опять тетя Поля! Ты сам что-нибудь значишь? Если хочешь узнать, надо ничего не бояться. Там, за лесом, еще будет пустыня и ветер знаешь какой? Но если не бояться, можно быстро дойти до горизонта.

— До горизонта разве можно дойти? Тетя Поля говорила...

— Может, где и нельзя, а за лесом можно. Ты меня слушай.

Замирая сердцем, Малыш следом за Антошкой вошел в лес. Здесь трава была по пояс, и в этой траве что-то шуршало, шевелилось, бегало.

— Звери... тама, — зашептал Малыш.

— Наслушался сказок, — насмешливо фыркнул Антошка. — Самые большие звери в этом лесу — кролики.

— Зайчики?

— Кролики. Слушай, что говорят.

Только что светлый, залитый солнцем лес вдруг потемнел, короткой судорогой пробежал по верхушкам берез порыв ветра, и ослепительно белые стволы их словно погасли.

— Идем, идем, я же говорил — дождь будет.

И едва он это сказал, как зашуршало в листве и первые большие капли упали на панаму.

Теперь Малыш боялся Антошки. Рыжий и конопатый, знающий все наперед, он казался ему маленьким колдуном из сказки. Еще вчера Малыш был уверен, что не боится ничего на свете. Сколько они играли в смелых индейцев и космонавтов, сколько фильмов смотрели о бесстрашных исследователях чужих миров! Бывало, что и сами участвовали в фильмах, ползали по затаившимся джунглям. И никогда, ни единого разу Малыш не пугался. А тут было ему не по себе. Потому что одно дело, когда ты влезает в фильм, и совсем другое, когда все непонарошку.

Они пересекли тропу, по которой не раз ходили с тетей Полей, черную тропу, скользкую от дождя, незнакомую, и скоро оказались на опушке. Это удивило Малыша: ведь от их детсадовских домиков лес казался таким огромным!

Дождь кончился, и туча, только что закрывавшая солнце, куда-то исчезла с голубого неба. Впереди полого уходила вверх песчаная пустыня, поросшая редкой клочковатой травой.

— Ага, что я говорил?! — торжественно сказал Антошка. — Сейчас и ветер подует.

И в самом деле, они не сделали по песку десяти шагов, как навстречу ударил порыв ветра, засвистел в стеблях сухой травы.

— Давай руку, — крикнул Антошка, — а то еще унесет! Ты, главное, шагай и ничего не бойся. Там говорящие камни будут, так ты и их не бойся...

— Говорящие камни? — изумился Малыш, судорожно сжимая руку своего проводника. — Таких не бывает.

— Я тебе такое покажу, что слово «не бывает» совсем забудешь. Камни чего, дураки они, спрашивают одно и то же: сколько будет дважды два? Только ты не вздумай сказать — четыре, враз поймут, что из младших, не пропустят. Отвечай как взрослый.

— А по-взрослому дважды два сколько будет?

— Они же этим вопросом мальцов ловят. Отвечай что-нибудь позаковыристей. Я, когда в первый раз шел, сказал им формулу подсчета энергоматерии в метагалактике.

— Ты знаешь? — изумился Малыш.

— Сказал первое, что придумалось. Мозги-то у камней каменные. Пока соображали, я и прошел.

Все в этой дороге казалось бесконечно далеким, а на самом деле было очень близким. Они и прошли-то всего ничего, а уж увидели впереди гряду острых камней. Между ними был узкий проход. Когда подошли к нему, из-под камней послышалось кряхтение и медлительный сонный голос:

— А сколько будет дважды два?

Малыш замер на месте. Он морщил лоб. Все формулы, как назло, вылетели из головы, и вспоминалась только глупая детская скороговорка.

— Давай же! — торопил Антошка.

— Две да две, да две на дне, сколько будет в голове? — выпалил Малыш.

Камни кряхтели и не шевелились. Ребятишки нырнули в узкий проход и кинулись наперегонки по плотному песку. Малышу показалось, что у него закружилась голова: горизонт странно приблизился, и все в глазах вдруг заструилось, заколебалось.

— Теперь пошли потихоньку, а то налетим на небо, носы расквасим, — сказал Антошка.

— На что? — Малыша поташнивало от круговерти в глазах, но он сразу забыл об этом, услышав такое.

— На стену, которая небом называется.

Малышу хотелось смеяться: небо — это же пустота! Но не смеялось: все ведь получалось по-Антошкиному.

— Я боюсь! — сказал он и зажмурился.

— Разнюнися, — презрительно протянул Антошка. — Лучше бы я пошел с Кешкой Беззубым. Уж он-то ничего не боится.

Кешка, тоже воспитанник тети Поли, выдернул свой качающийся зуб на спор. Очень ему захотелось иметь розовый кристаллик, который Малышу подарила мама. Мама сказала, что он привезен с Удивительной планеты кристаллов, на которую она летала в командировку, и Малыш дорожил подарком больше всего на свете. Но Кешка пристал, и Малыш согласился, совершенно уверенный, что выпорит. Проспорил. И со зла наградил Кешку кличкой — Беззубый.

— А я уже не боюсь, — сказал Малыш, не открывая глаз. — Что я, неба не видел?

Ему вдруг подумалось, что хорошо бы залезть на небо, раз оно такое твердое, и крикнуть сверху тете Поле, всем мальчишкам и девочкам. Вот бы удивились. А Кешка пускай бы себе все зубы повыдергивал от зависти...

— Я ничего не боюсь! — твердо сказал Малыш и открыл глаза. Перед ним по-прежнему все плыло и качалось, откуда-то возникали белые облака и неожиданно исчезали в пульсирующем сине-бело-розовом пространстве. А то совсем близко появлялся лес, а то поле и знакомая речка, а то их детский сад с бегущей по двору ребятней. Появлялись и терялись, как в калейдоскопной игре цветов и форм.

— Уже пришли, — сказал Антошка. — Тут где-то дверь.

— Дверь в небе? И мы увидим, что за небом?

— Все увидим. Вот гляди — ступени.

Ступени были точно такие же, как в детском саду, из желтого шершавого пластика, только совсем новые, неисхоженные. Их было восемь. Над ступенями в зыбком мареве виднелось что-то похожее на дверь трудноразличимой формы: то ли квадратная, то ли овальная.

Дверь открылась сама собой, едва они ступили на верхнюю площадку. С порога Малыш оглянулся и ничего не разобрал — было сплошное переливчатое сине-бело-розовое сияние.

За дверью начинался короткий коридор, упирившийся в другую дверь. Справа и слева тянулись то ли плафоны, то ли иллюминаторы, из которых лился ровный свет. Из-за стен слышалось тихое, монотонное гудение. Малыш разглядел, что один иллюминатор не светится, подошел, привстав на цыпочки, заглянул в него. За твердой прозрачной пленкой в ярком свете виднелись какие-то огромные цилиндры, трубы, таинственные агрегаты.

— Небесная механика! — насмешливо объяснил Антошка. — С помощью этих агрегатов малышне головы морочат.

— Кто морочит? — удивился Малыш.

— Кто-то, не я же.

— А что это за коридор?

— Почему я знаю?

Это было не похоже на Антошку: то все знал, а то вдруг сам признается, что не знает.

— Коридор и коридор. Главное, что дальше.

— А что дальше?

— Иди — увидишь. Такое увидишь — умрешь от удивления.

— Умру?

— Не по-настоящему, конечно.

— А как это «не по-настоящему»?

— Надоел ты мне: что да как? Иди знай.

Они разговаривали полупшепотом, словно боялись, что их подслушают, удивляясь необычной тишине, в которой даже шепот странно позванивал.

— Иди, чего встал.

— Иди ты вперед.

— Опять испугался?

— Ничуть.

— Тогда иди.

— А почему не ты?

— Она передо мной не откроется. Там дверь, которая открывается только перед теми, кто первый раз идет.

— Откуда она знает?

Антошка пожал плечами.

— Проверено.

С опаской Малыш подошел к двери, и она бесшумно скользнула куда-то вбок, открыв черный провал.

— Иди! — зачарованно шепнул за спиной Антошка.

Малыш не боялся темноты, но впереди, как ему вначале показалось, была не просто темнота, а пустота, ничто. Словно там, за дверью, сразу начинался черный-пречерный, беззвездный космос, о котором так много рассказывала тетя Поля.

— Ты хотел быть космонавтом?

— Хотел.

— Ну так иди.

Только присмотревшись, Малыш разглядел, что за дверью есть небольшая, слабо освещенная площадка. Он шагнул на нее, потом еще шагнул и уперся лбом в холодную, совершенно невидимую стену. Дверь сзади закрылась, и они с Антошкой остались вдвоем на темной площадке, зачарованные безбрежностью пустоты, раскинувшейся перед ними. Глаза уже привыкли к темноте, и теперь ребятишки видели бесчисленные разноцветные звезды, усыпавшие беспросветную черноту.

— Ух ты! — воскликнул Малыш.

— А ты думал! — тоже восхищенно сказал Антошка. — Еще и не то увидишь.

Звездное небо было совсем не таким, какое привык видеть Малыш над своим детским садом. Там он знал многие созвездия, мог отыскать и Большую Медведицу, и Льва, и Кита, и Рыбу. А тут все было незнакомое — бессмысленный хаос звезд.

Они долго смотрели на звезды и не могли оторваться от величавой картины этого чужого неба, пугающего и манящего.

— Послушай, Антошечка, — ласково сказал Малыш. — Ты ведь все знаешь. Расскажи, что это такое, а? Знаешь ведь?

— Давно бы спросил. А то идет и не спрашивает. А я что — не спрашиваешь, и не надо...

— Расскажи, пожалуйста. Может, это нам снится?

— Что нам, один сон снится?

— Это мне снится. А ты в моем сне. А?

— Как бы это я привел тебя в твой собственный сон? — заинтересовался Антошка.

— Как, как, очень просто.

— Я вот тебе сейчас дам в бок, а ты соображай — во сне это или не во сне.

— Ты лучше так Расскажи.

Антошка отступил на шаг и в звездном полумраке показался Малышу большим, совсем взрослым.

— Тебе тетя Поля рассказывала о космосе? — спросил он.

— Сколько раз.

— И все хвалила да хвалила?

— Конечно.

— Знаешь, зачем она это делала? Чтобы вы, кильки малолетние, забыв про свою манную кашку, с утра до вечера глядели в небо.

— А зачем?

— Чтобы мечтали о космосе.

— А зачем?

— Ну чтобы хотели полететь.

— А зачем?

— Заладил. Да затем, чтобы радовались, узнав, что уже летите.

— Кто летит?

— Все мы. И наш детский сад вместе с лесом, полем, речкой.

— А, знаю, — обрадовался Малыш. — Тетя Поля говорила: вся Земля — все равно что космический корабль, только большой.

— Тетя Поля, тетя Поля, — передразнил Антошка. — Я говорю о настоящем космическом корабле, на котором мы с тобой находимся. А на Земле мы никогда и не жили. Вот.

— Врешь ты все.

— Вру? А это что? — Антошка широко показал на черный звездный простор, подался вперед, хлопнул ладошкой по невидимой холодной сфере. — А это? Тебе мало? Пошли дальше, еще покажу.

— Куда дальше? — Малыш огляделся. Ему казалось, что отсюда одна дорога — обратно. И вдруг в темном углу он увидел такой же темный провал туннеля, а возле него поблескивающие глаза робота-десятинога.

— Там Киса! — испуганно вскрикнул Малыш.

Точно такой же робот был у них в детском саду, бегал днем и ночью по коридорам, всегда чем-то занятый, все знающий, все замечающий. И если шаловливая ребятня изобретала сотню способов разжалобить, а то и просто обмануть тетю Полю, то десятинога провести еще никому не удавалось. Он терпеливо сносил проделки ребят, их шуточки, даже издевательства и упрямо делал то, что велела тетя Поля. У десятинога было много прозвищ и кличек. Малышня звала его Кисой за упругие усики-антенны на сером носу. Те, кто был постарше, почему-то ругали робота Сороконожкой.

— Подумаешь, Киса! — сказал Антошка. Он смело подошел к десятиногу и пальцем принялся щекотать ему усы. Робот вытянулся на всех своих ногах и стал похож на высокую тумбочку с выпуклой крышкой. Три пары его розовых глаз замутились, словно он жмурился от удовольствия.

— Киса? — сказал Малыш, погладив гладкую мягкую кожу робота. — Ты почему ребят оставил? Как они без тебя?

Робот молчал. И тут Малыш увидел, что это совсем другой робот. У их, детсадовского, не хватало слева четырех усинок-антенн — повыдергала ребятня, а у этого все были целы.

— Пошли, — сказал Антошка.

— А Киса?

— Кису только пощекотать. Полчаса будет жмуриться. Пошли.

Робот и в самом деле не двинулся с места, когда они шагнули мимо него в темный провал туннеля. Но потом покатился следом за ребятами. Туннель был длинный, где-то далеко, в конце его, светлел выход.

Мальчишки запыхались, пока добежали до этого выхода. Выскочили в ослепительный сияющий простор и заморгали, привыкая к яркому свету. Свет лился, казалось, отовсюду. Когда пригляделись, поняли: и в самом деле отовсюду. Матово подсвечивал пол площадки, на которой они оказались. И высокие перила ограждения, и стены, и близкий потолок над головой — все это словно было выткано из света. Потому и казалось, что впереди воздушный, залитый солнцем простор. И только переливающиеся тенями полосы на полу и перилах напоминали о границах этого светового мира.

Зачарованно оглядываясь, Малыш подошел к ограждению и задохнулся от красоты увиденного, от ликующей радости, охватившей его. Внизу огромным полем простиралось калейдоскопное разноцветье. Красные, желтые, зеленые, голубые квадраты, полосы, овалы, переходившие один в другой, лежали перед Малышом, шевелились, жили. Жили! Малыш разглядел и людей, двигавшихся посреди этой пестрой красоты, мужчин и женщин. Не видел только детей.

Одна женщина подняла голову, внимательно посмотрела вверх, помахала рукой.

— Мама! — ликующе закричал Малыш. И, забыв обо всем, полез на прозрачную решетку ограждения...

Воспитательница детского сада Полина Аркадьевна, молодая красивая женщина с добрыми глазами, ахнула, увидев Малыша на ограждении, и подалась к экрану, по которому вот уже два часа наблюдала за ребятами.

— Не волнуйтесь, робот успеет, — сказал присутствовавший в кабинете главный психолог детсадовской зоны Валентин Оразов, невысокий черноволосый мужчина. Он приблизил изображение, и стало видно, что робот уже на чеку, уже обхватил тонкими гибкими щупальцами талию мальчика.

Малыш замахал руками, пытаясь освободиться, но, сообразив, что это невозможно, обернулся и принялся щекотать Кисе усы. Десятиног поблескивал глазами-кристаллами, но щупальца не разжимал.

— Жалко Малыша, — сказал сидевший возле экрана молодой стажер Костя Рудин. — Пусть бы прыгнул. Представляете?..

— А вы представляете? — прервал его Оразов. — Узнает, расскажет всем детишкам. Ведь они в другой раз, не задумываясь, начнут десантировать с этого балкона. И не только с этого. Нет уж, давайте без молодых эмоций. Тем более что вам по роду будущей работы надо учиться предусмотрительности.

— Я понимаю, — вздохнул стажер. — Только какой был бы след на всю жизнь! Я свою первую экскурсию так помню! А если бы еще и это?!

— Всему свое время.

— Все равно рано или поздно...

— Лучше поздно, — прервал его Оразов. — Вы этого не понимаете?

Он посмотрел на стажера сердито и внимательно, и Рудин понял: еще немного, и главный психолог усомнится в его способности работать в детсадовской зоне. И тогда! Сколько тогда понадобится усилий, чтобы доказать обратное?

— Все я понимаю, Валентин Оразович, очень даже хорошо понимаю, — заторопился стажер. — Но пять, а то и шесть лет — не многовато ли для детства? Они к шести годам столько знают и умеют, что хоть давай им самостоятельную работу. По себе знаю...

— Вы полагаете? — заинтересованно спросил Оразов.

— Конечно! — обрадовался стажер. — На корабле столько дел, столько дел!..

— А сколько людей на корабле?

Рудину показалось, что его доводы дошли до бесстрастного главного психолога, заинтересовали его. И он заговорил торопливо, как на экзамене, словно боясь, что его не дослушают:

— Я все знаю и про корабль, и про нас с вами. Это не корабль, а целая планета: восемьдесят километров в длину, сто тысяч — экипаж. Это не экипаж, а подлинная частица человечества. И такое не случайно: сохранить человеческое лицо, не выродиться можно только в полноценном обществе. Мы посланцы великой цивилизации. Да что посланцы, мы сами цивилизация, живущая самостоятельно, ищущая, развивающаяся... Семь поколений сменилось на корабле после того, как мы покинули пределы Солнечной системы. А сколько еще сменится, пока завершится наша переселенческая эпопея?! Важно начало, и важен конец. Все поколения, что посередине, лишь передаточные звенья. Их задача — уцелеть, сохранить генетические и социальные начала и как можно больше узнать о космосе. Чтобы к цели, к другой солнечной системе, которую предстоит обживать нашим потомкам, прилетел не просто корабль, а сгусток знаний не менее, а может быть, и более высоких, чем земные...

— Вы так полагаете? — снова спросил Оразов.

— ...Детство — это время, когда человек, как губка, впитывает все — и впечатления и знания. А мы его консервируем — детство. Представляете, что будет, если сократить его хотя бы на год-два?! Сколько свежих сил, новых открытий?!

— Вы очень хорошо сказали...

Оразов медленно начал поворачиваться к стажеру, как всегда, спокойный, уравновешенный. Но и он вздрогнул от тихого вскрика Полины Аркадьевны, неотрывно смотревшей на экран. На экране происходило что-то непонятное. Десятиног, который только что вел ребятишек ко входу в тоннель, чтобы отправить их обратно в детсадовскую зону, суеился на площадке, размахивая щупальцами. Он держал за руку упирившегося Антошку, а Малыша возле него не

было.

Оразов резко увеличил обзор, и все сразу же увидели Малыша. Каким-то чудом ему удалось вырваться из цепких объятий робота, и теперь Малыш стремительно бежал к невысокому ограждению. Он взлетел на перила одним махом, будто перед этим специально тренировался, на мгновение застыл наверху, маленький, худенький, торопливо оглядывая под собой пестрый калейдоскоп крыш.

— Мама! — отчаянно крикнул он и, зажмурившись, прыгнул.

На мгновение повисла тишина.

— Почему он не испугался? — задумчиво спросил сам себя Оразов.

Полина Аркадьевна подалась почти к самому экрану, сказала ласково, доверительно:

— Малыш, мальчик мой, помнишь, я рассказывала о гравитации? Что в космосе человек свободен от ее оков? Что мячик, подброшенный вверх, не падает? Помнишь? Почему же ты испугался и зажмурился? Ведь ты уже знаешь, что находишься в космосе. В детсадовской зоне гравитация создана искусственно. Там все как на Земле. И на площадке, где ты только что был, гравитация держала тебя. Она действовала, пока твои ноги касались площадки. Но когда ты прыгнул... Ты слышишь меня, Малыш? Открой же глаза и не бойся. Ничего не бойся...

Теперь лицо Малыша было во весь экран. Он удивленно смотрел по сторонам, ничего не понимая. Пестрый ковер крыш медленно поплыл под ним.

— ...В космосе невесомость, в космосе все летают, — тихо говорила ему Полина Аркадьевна.
— Не бойся, я с тобой...

Оразов снова повернулся к Рудину, повторил сдержанно:

— Вы очень хорошо сказали насчет детства. Верно — консервируем. Консервируем, чтобы защитить. Если продолжить вашу нетерпеливую мысль, то почему бы не сделать и следующий шаг — ускорить время созревания плода в чреве матери? Пусть бы рожали не через девять, а, скажем, через два-три месяца. Какая была бы экономия сил и времени!..

— Я такого не говорил! — взвился стажер, уловив иронию.

— Могли сказать или, по крайней мере, подумать. Но такое нецелесообразно. Вы думаете, за миллионы лет эволюции природа упустила бы такую возможность? Но большего не могла даже природа, — ведь за девять месяцев зародыш как бы должен прожить всю предысторию человеческого рода. А детство? Что такое детство? Это такая же стремительная пробежка по истории человечества. Вам должен быть известен факт: за три первых года жизни человек проходит половину своего развития. Половину! Это вам о чем-нибудь говорит?..

— Но я не о том!..

— И я не о том. Я о детстве переселенцев. Вы задавали себе вопрос: почему на нашем корабле, где так тесно, выделено такое огромное пространство для детсадовской зоны? Почему для детей воссозданы земные условия? Думаете, только потому, что детям больше, чем кому-либо другому, нужны солнце, воздух и вода, цветочки-бабочки? Да, это древнее убеждение не устарело. Но, кроме того, нашим детям, детям переселенцев, нужно именно земное детство. То, что входит в человека в пору детства, остается святым на всю жизнь. Понимаете? Поколения людей, никогда не видевших Земли, должны сохранить любовь к ней. Просто знаний о Земле тут недостаточно, необходима именно душевная привязанность...

— Но ведь, вырастая, все узнают, что никогда не были на Земле, что прожили детство в иллюзорном мире, — торопливо вставил стажер.

— Вырастая, переселенцы много узнают и о подлинной Земле, земле-матушке, как говорили в старину...

— Но жить-то всем нам приходится не на Земле, а в особых условиях. Чтобы выжить, нам нужно изучать и осваивать эти условия.

Стажер говорил возбужденно, чувствуя, что от этого случайного разговора, который он сам же и начал, зависит очень многое.

— Несомненно, нужно изучать, нужно осваивать. Но прежде всего нам нужно не потерять цель. А это возможно, только если мы не потеряем отправную точку. Зачем мы летим, что будем делать там, куда стремимся?.. Детство — это сказки, вера в чудеса, это и забытое взрослыми индивидуальное соперничество. Детство, я уже говорил, как бы пробежка по истории, по социальной истории. Все боли, которыми переболело человечество, в миниатюре проходят через таинственную пору детства. Без нормального детства будут вырастать уроды, как рождались бы уроды, нежизнеспособные существа при сокращении сроков беременности. Лишив детей детства, я не взялся бы предсказать, что мы, переселенцы, освоив далекие планеты, не вынуждены были бы в новых общественных условиях переболеть всеми страшными социальными болезнями... Потому-то и не спешим выгонять детей из детства. Наступает время, и они сами уходят в мир взрослых, но уходят естественно, как дети, в игре, ожидая чуда от каждого следующего шага. Только при нормальном детстве будущее может казаться сказочным...

Главный психолог говорил холодно, назидательно, не глядя на стажера. Рудин молчал, он понимал, что его стажировка окончена, и окончена плохо.

А воспитательница все шепталась с Малышом, прикинув к самому экрану, рассказывала о корабле, о людях, его населяющих, о домах, раскинувшихся внизу. Она не знала, внимательно ли слушает он ее, и потому говорила и говорила, как говорят и не могут наговориться с уходящими навсегда.

А Малыш все смотрел на чудеса, открывающиеся ему, и не видел этих чудес. Он искал маму.

ДВЕРЬ В ИНОЙ МИР

— Марта, — спросил Андреев, — ты помнишь о Серой планете?

Он смотрел на закат, и лицо его оставалось бесстрастным. Марта поежилась, словно от холодного ветра. Она слишком хорошо знала этого человека — знаменитого исследователя микромира и своего «вечного жениха», как о них говорили в Космическом научном городке, где они оба работали. Она знала, что если на лицо его ложится маска бесстрастия, значит, случилось что-то очень важное. Но она чувствовала, что вопрос о Серой планете не самое главное из того, что ему хотелось бы сказать, и не ответила.

— Выходи за меня замуж, — сказал Андреев, помедлив.

— Разве тебе со мной плохо?

— Хорошо, — все тем же равнодушным тоном сказал он. — Но я боюсь.

— Это я боюсь! — нервно засмеявшись и страдая от этого своего смеха, воскликнула Марта.
— Ты злой или совсем холодный. Я хоть умирай, ты все равно не оторвешься от своих экранов, пока идет опыт. Думаешь, мне легко одной?

— Ты не одна.

— Но не с тобой.

— Я боюсь, — повторил он глухим голосом.

— Чего? Я же сказала, что люблю тебя.

— Боюсь за себя.

— Но ведь я тебе верю!

Марта повернулась к нему, ища в его лице хоть каких-нибудь перемен. Она понимала, что он имел в виду вовсе не соперницу, а что-то другое, более серьезное, и сказала так из чисто женского кокетства, желая переменить разговор. Но из этого ничего не вышло. Андреев никак не отозвался, сидел неподвижно на холодеющем камне, с прежним кажущимся равнодушием смотрел, как плющится солнечный диск на синей кромке морского горизонта. Над Солнцем, над опаловой грядой редких облаков, в зеленоватом небе нежилась Венера. Выше и правее ее холодно поблескивал искусственный спутник Космического научного центра.

Марта снова поежилась, предчувствуя недоброе, с тоской взглянула на Андреева и сжалась, маленькая, угловатая, обхватив себя за плечи длинными тонкими пальцами.

— Чего ты боишься? — спросила она.

— Есть один опасный человек. Его зовут Бритт.

Она не могла удержаться от удивленного восклицания:

— Наш добряк?!

— В том-то и дело, что добряк. В этом эксперименте излишний оптимизм недопустим.

— В каком эксперименте?

Он понял, что проговорился, и принялся, как мог, популярно объяснять:

— Слышала о такой величине — десять в минус тридцать третьей степени сантиметра? Поколения физиков мечтали о проникновении в нее. Потому что это очень любопытно — заглянуть за теоретический микропредел. Теория утверждает, что на таких сверхмалых расстояниях гравитация уже не гравитация, кванты не кванты и скорость света совсем иная. Мечты были красивы, ибо оставались недостижимы: для того чтобы расщепить квант пространства-времени, мало было суммарной мощности всех имеющихся в распоряжении человечества энергетических запасов. Но вот явился этот оптимист Бритт со своей новой теорией...

— Ну и что? — спросила Марта, не дождавшись продолжения.

— Совсем другой подход к проблеме. Похоже, что с этой стороны можно подобраться к теоретическому микропределу.

— Ну и что?

— При определенных условиях все переходит в свою противоположность, — раздраженно

сказал Андреев. — Два минуса образуют плюс, слыхала?..

— А чего ты горячишься?

Ему не хотелось говорить всего. Он знал свою беспокойную Марту и готов был хоть накричать и обидеть, лишь бы не напугать.

Ветер налетел ритмичный, порывистый, словно был заодно с волнами, бьющимися о берег.

— А что Серая планета? — помолчав, спросила Марта.

— Там были записаны сказки о пришельцах.

— Ну и что?

— Одна очень любопытная.

— Они все любопытные. На Серой планете кого только не было. Еще в школе уверяли, что эти сказки дали не меньше знаний о мироздании, чем все межзвездные экспедиции.

— Вот-вот. Там есть одна очень любопытная, — повторил он. И впервые, пока они тут сидели, посмотрел на Марту странными глубокими глазами, полными не то удивления, не то ужаса.

— Расскажи.

Она затихла в ожидании, но Андреев молчал, всматриваясь в горизонт, словно выискивая там что-то свое.

— «Они пришли ниоткуда», — наконец произнес он сдавленным голосом. — Так начинается эта сказка. Прочитай ее.

— А ты расскажи.

— Прочитай. Надо, чтобы ты сама поняла.

Ей захотелось по-бабьи сорваться, заплакать или крикнуть, что он не смеет так разговаривать с ней. Но вдруг вспомнила, что еще неделю назад он говорил об очень важном докладе, который ему предстоит сделать на заседании Космического Ученого Совета, и, вспомнив, покраснела, устыдившись своей несдержанности, и взглянула на него испуганно и ласково.

— Ладно, милый, я почитаю. — И добавила с многозначительной лукавинкой в голосе: — И обо всем, обо всем подумаю.

— Думать некогда. Пожениться мы должны завтра до вечера.

— Сразу после доклада? — с иронией спросила Марта.

— Да, после доклада.

И опять ей захотелось накричать на него. Не такой же должна быть любовь — холодной, рассудительной, вечно подгоняемой под дела. Не таким представляет она себе мужа. Не обязательны безумства, но хоть раз можно потерять голову?! А так что за жизнь?! Сиди и жди, когда соизволит прийти. Как в древнем гареме, где для мужа жена не единственная радость...

«А какой должна быть жена? — спросила себя Марта. — Эгоисткой, мечтающей о безраздельной власти над мужем? Или помощницей? Не владыкой, а другом?..»

Марта усмехнулась. «Женщина — носительница предрассудков. И слово-то такое забыто — «власть», а женщина все не может не подчиняться».

Теперь ей захотелось обнять своего Андреева, приласкать, как ребенка. И сказать, что пусть будет все как он хочет. Она и в самом деле потянулась к нему, прижалась щекой к холодной и, как всегда по вечерам, колючей щеке. Но сказала совсем не то, что хотела:

— Ладно, милый, не будем волноваться... перед докладом. Завтра обо всем и поговорим...

Утром Марта проснулась позднее, чем обычно, потянулась, понежилась в постели. Не вставая, выпила стакан тонизирующего сока и снова с наслаждением откинулась на мягкие воздушные подушки, словно после целого дня работы. «Что он вчера говорил, этот несносный Андреев?» — игриво подумала она. И вскинулась, вспомнив о сказке, не одеваясь, прошлепала босиком по приятно прохладному полу, набрала номер справочного местной библиотеки.

— Пожалуйста, «Сказки Серой планеты», — попросила Марта, не включая свое изображение.

— Мне нужна та, что начинается словами «Они пришли ниоткуда».

— Шифр знаете? — спросил приятный мужской голос.

— Нет.

— Придется подождать.

— Давайте их все, я сама найду.

Она кинулась в ванную, нырнула в воздушный душ, с удовольствием, потягиваясь от сладкого озноба, минуту повертелась в тугих массирующих струях. И еще задержалась у зеркала, полюбовалась на свои волосы, спадающие с плеч, подобно искристым струям водопада. Она знала, что красива, и, как всякая женщина, не могла отказаться от возможности полюбиться собой. И еще подумала, что этот несносный Андреев, видно, совсем уж сухарь, если не замечает всего этого.

Когда вернулась в комнату, экран видеосвязи уже горел и на нем неподвижно лежало черно-белое изображение текста. Это было предисловие к известному изданию «Сказок Серой планеты». В нем рассказывалось о красивейшей из планет, когда-либо найденных космоплователями. Командир первой экспедиции, возвратившись на Землю и не желая привлекать к красавице планете внимание фанатиков дальних дорог, назвал ее в отчете Серой. Найденную в Космосе жемчужину утаить не удалось, но первое название намертво приросло к ней. Было в этом что-то от игривого характера землян, любивших во всем видеть недоразгаданное, второй смысл.

Марта переключила текст, не досмотрев его, и принялась листать страницу за страницей, читая только первые строчки. Но сказок было много, и она волей-неволей увлекалась, особенно когда попадались хорошо иллюстрированные.

Как тогда же выяснили земляне, Серая планета приглянулась не только им. Там обнаружили следы многих неведомых экспедиций, и это заставило Космический Совет принять специальное решение, закрывающее планету для экскурсантов, одиночек путешественников и тех, кто желал переселиться на нее. Решение это вызвало бурю. Но следующая же экспедиция подтвердила его правильность: Серая оказалась своеобразным вселенским заповедником, давнишним местом встреч цивилизаций, ничейной, «нейтральной» планетой, где в особых условиях красоты, тепла и непонятно откуда идущей доброжелательности цивилизации прощупывали взаимные симпатии и антипатии.

Аборигены, приветливые, необыкновенно доверчивые существа, настолько привыкли к пришельцам, что по-детски горевали, когда их долго не было. Полудикие с точки зрения землян, они обладали удивительной способностью наследовать не только физиологические признаки, но также и память. Они помнили все, что случалось на планете за тысячи лет, вводя земных филологов в настоящий экстаз. Каждая экспедиция привозила с Серой планеты множество записанных полуполюгенд-полубылей. Чтобы не запутаться в них, специально созданная комиссия, отобрав наиболее оригинальные, издала Хрестоматию, которая потом вошла в школьные программы...

Марта начала нервничать, потому что время шло, а нужная сказка все не находилась. Заседание Космического Совета, на котором докладывал Андреев, вот-вот должно было начаться, и ей не хотелось, чтобы он торжествовал там без нее.

Сказка, которую она нашла, оказалась короткой и непонятной. Но начальная фраза была на месте, и Марта вновь принялась читать ее, стараясь запомнить.

«Они пришли ниоткуда. В ту ночь обезумело небо, звезды порхали, как птицы, угасая и вспыхивая, свиваясь в клубки и распадаясь, покрываясь пеплом, подобно углям в остывающем костре. И падала с высоты тьма, густая, как кисель, и огонь становился синим, фиолетовым и совсем черным, необжигающим. В ту ночь и появились среди нас многорукие существа с добрыми большими глазами. Их было много у каждого костра. Смеясь, мы отталкивали их, но они были как тени, которые невозможно прогнать, ползли к огню и проходили сквозь него, словно сами были частицами огня. То была ночь не страха, а радости. Страх пришел потом, когда они исчезли и мы остались наедине со своими воспоминаниями. А в ту ночь мы играли, как дети, не сознающие опасности, словно мы и они были одного корня.

Когда остановились звезды, прекратив сумасшедший танец, и в свой черед пришел рассвет, мы увидели, что многорукие ушли, не оставив никаких следов. Кто были эти странные существа? Этого не знал и самый мудрый из нас. Они пришли ниоткуда и ушли в никуда...».

Марта включила следующую страницу, но там было совсем другое. Так и не поняв, почему Андреев велел прочитать эту сказку, она оделась и пошла во Дворец науки.

К докладу Марта опоздала, вошла в вестибюль, когда из зала уже выходили люди.

— А, моя прелесть! Как всегда, к концу? — услышала она насмешливый голос.

Еще не обернувшись, Марта уже знала, кто это — член Космического Ученого Совета, умный и веселый, но уже лысеющий давний ее поклонник Мишо Бритт, которого они с Андреевым полудобродушно-полунасмешливо звали добряком.

— Уже все кончилось? — удивилась Марта.

— Кончилось, моя радость, еще как кончилось. Хочешь конфету?

— Один красивый мужчина обещал мне букет из венерианских оранжерей.

— Я этот красивый мужчина. Обещал — значит, обещал. Но что такое букет в наше время? В наше время красивый мужчина может подарить красивой женщине целую вселенную.

— Не многовато ли?

— Что ты, дорогая моя! Для тебя хоть тысячу вселенных. Твой Андреев уверяет, что это проще, чем подарить один букет.

Она с тревогой посмотрела на него и заставила себя улыбнуться.

— Только поэты называют вселенную во множественном числе.

— Какой я поэт?! — искренне изумился Бритт. — Твой Андреев — вот это поэт. Жаль, опоздала. Ах, какие он сказки рассказывал!..

— На Ученом Совете?

— Представь себе.

Сердце ее сжалось. Не попрощавшись, она кинулась через толпу, вбежала в опустевший зал и увидела своего Андреева все там же, у пульта докладчика.

— Что ты им наговорил?! — не в силах сдержаться, крикнула Марта.

Он невидяще посмотрел на нее.

— Я опоздала. — Теперь у нее был виноватый, извиняющийся голос, и Андреев, ожидавший совсем другого, скользнул по ней взглядом, в котором было удивление.

— Ты могла все слышать, не вставая с постели.

— Я хотела быть рядом.

— Опоздала.

— Я и говорю, что опоздала. — Она была рада уже тому, что он оторвался от своего так нелюбимого ею самосозерцания.

— Ты можешь все услышать и увидеть в видеозаписи...

— А самому тебе трудно рассказать?

— Трудно, — грубовато сказал он и вдруг, отстранив ее, направился к выходу в сад, куда пошел Бритт.

Андреев догнал своего друга на аллее, пестрой от первой осенней листвы, ни слова не говоря, пошагал рядом. Бритт покосился на него и тоже ничего не сказал, сделал вид, что отдыхает, любуется прелестью сада.

Это был удивительный сад. Вдали за рядами кипарисов синело море. Тропа бежала по пологому склону и была как нить Ариадны, от которой не оторваться. Она ныряла в сумрачные тоннели влажных зарослей, за которыми неожиданно открывались теплые бронзовые сосны на солнечных и сухих дюнах. Потом начинались можжевельники, темными кипами раскиданные на ослепительно зеленых лужайках. Можжевельники сменялись огромными разноцветными валунами, лежавшими на чистой траве, похожими на сказочные придорожные камни-ведуньи. Тропа обегала эти камни и круто поворачивала к невидимой прежде рощице березок, настолько ослепительно белых, что и в пасмурную погоду путник невольно поднимал глаза к небу, ища Солнце. Дальше березки расступались, и за сухой порослью полян вставало перед глазами златоглавое чудо невесть каких давних времен — старорусская церковь. Посреди поля стояла перед церковью одинокая старая береза, устало шевелила свесившимися до самой земли длинными своими косами. И снова шла веселая пестрота южных зарослей. Печальные ливанские кедры тянули к путнику длинные руки своих ветвей. Альпийские луга стлались под ноги на пологих склонах. Террасами сбегали сады к светлому морю, слившемуся с небом...

Мало кто в Космическом научном центре знал имя ландшафтного архитектора, создавшего этот парк. Но перед ответственными докладами и экспериментами, как и после них, все

любили приходить сюда, чтобы хоть немного побродить по тихим тропам, обрести покой. Именно здесь, не в межпланетном, а в земном уединении, зародилось большинство идей, которыми гордился научный центр.

Андреев и Бритт, два давних друга и недавних противника, молча шли рядом и думали каждый о своем. Много лет дела, которыми они занимались, почти не соприкасались между собой. Одного интересовало рождение и умирание звездных систем, другого — рождение и умирание элементарной материи, таких сверхмикрочастиц, для которых одна-единственная земная секунда была вечностью.

— Ну как, отдышался? — спросил Бритт, когда они подошли к очередному камню, перегородившему тропу.

— Это же роковая величина — десять в минус тридцать третьей степени сантиметра! — с неожиданной страстью откликнулся Андреев, и Бритт пожалел, что снова задел его. — Ведь есть же предположение, что там, в неведомом сверхмикромире, смыкаются микрофизика элементарных частиц и мегафизика звездных систем!..

Андреев хлопнул ладонью по камню и, сердитый, повернулся к Бритту.

— Смы-ка-ют-ся! А для некоторых это пустой звук, всего лишь термин. Почему даже Великий Космос не создает частиц такой энергии, которые могли бы дробить кванты пространства-времени? Молчишь? И правильно, что молчишь! Квант пространства-времени — это, возможно, дверь в иной мир. Нельзя взламывать запретную дверь!

— Но почему «запретную»?

— Был в древности такой поэт — Брюсов. Знаешь, как он писал? Прочешь?

— Давай.

— ...быть может, каждый атом —

Вселенная, где сто планет:

Там — все, что здесь, в объеме сжатом.

Но также то, чего здесь нет.

Их меры малы, но все та же

Их бесконечность...

— Это из области так называемой научной фантастики, — усмехнулся Бритт.

— Фантастики? — воскликнул Андреев. — А как ты понимаешь мысль о неисчерпаемости электрона?... Хорошая будет фантастика, если кто-то из другого пространства возьмет да и взорвет нашу вселенную?!

— До сих пор не взорвали.

— Как знать! Может, взрывающиеся галактики — это самое и есть. Нам известно, что было вчера, да и то не все, но мы не можем знать, что будет завтра. Особенно когда мы коснемся основы основ нашего мироздания.

Бритт пожал плечами. Он решительно не понимал своего друга. Появилась возможность узнать то, к чему люди стремились веками. И теперь, на пороге, может быть, великого открытия, остановиться? Разве это возможно? Не он, так другой попытается заглянуть за запретный предел — теоретический минимум, равный десяти в минус тридцать третьей степени сантиметра. Возможно, что это и небезопасно. Но кого и когда останавливала неведомая опасность? Скорее она влекла. Сколько раз было в истории — сначала шагнут, а потом оглядываются. Но, может, именно в этой безоглядной решимости суть всего прогресса науки?..

— Я не могу отказаться от опыта на основании мифических доводов, — сказал Бритт.

— Но ведь на Серую планету являлись существа из другого пространства-времени?

— Это не доказано.

— Доказано, что все их сказки — правда.

— И правду можно понимать по-разному.

Андреев сердито посмотрел на него и вдруг, махнув рукой, пошел прочь. Остановился поодаль, оглянувшись, сказал приглушенно:

— Я воспользуюсь... своим... Правом!..

«Что ему далась эта Серая?» — подумал Бритт, оставшись в одиночестве. Он вынул карманный телефон, набрал код научного центра и сказал включившемуся на связь автомату-библиотекарю:

— Прочтите-ка мне сказку Серой планеты. Ту, которая начинается словами «Они пришли ниоткуда».

Он положил коробку телефона на камень, отошел по тропе и стал ждать. Несколько секунд было тихо. Потом послышался мелодичный сигнал начала передачи и зазвучал спокойный, бесстрастный голос автомата. В сгустившихся сумерках коробку не было видно, и казалось, что говорит сам камень.

Бритт нарочно пытался вызвать в себе волнение, слушая сказку о безумном небе и порхающих звездах, о растворенном в ночи пространстве и многоруких чудищах, уползающих в никуда. Но привыкший к жесткой логике оценок мозг его дремал под мелодичный рассказ, не взрывался, как обычно, в предчувствии открытий, не возбуждал никаких чувств.

«Другой он, что ли? — думал Бритт об Андрееве. — Как это возможно в наше время логику ума рассматривать через призму эмоций? Наука, построенная на предчувствиях? Безумство какое-то!»

Выключив связь, Бритт сунул коробку в карман и зачем-то потрогал то место, где она лежала. Камень был холоден. На его гладких, отполированных многими ладонями боках виднелись

веселые надписи, сделанные карманным резакom. С одной стороны было написано: «Иди налево, не ходи направо», с другой — «Иди направо, не ходи налево»...

Андреев и Марта этим вечером снова сидели на берегу и смотрели на угасающий закат.

— Что ж ты молчишь, я ведь все знаю, — сказала Марта.

— Все? — с интересом спросил он.

— Почти все. Посмотрела запись твоего доклада на Совете. Сколько успела.

— Да-а, инерция — спасительница! Оказывается, она может быть и опасной, — задумчиво сказал Андреев, словно продолжал прерванный разговор. — Мне не удалось убедить Совет. Понятно почему. Каждый рвется к неведомому, забывая о себе. Но можно ли делать это, забывая обо всех?..

— Но ведь ты... — Марта страдала, говоря это. — Но ведь у тебя нет никаких доказательств.

— Есть сердце, сердце!..

Она погладила его по руке, успокаивая.

— ...Мне не удалось убедить Совет. Но я воспользовался своим Правом. Настоял, чтобы мне разрешили присутствовать на опыте. И чтобы в Космическом городке больше никого не было. Кроме меня и Бритта...

— Тебя?

Только теперь Марта поняла, к чему все шло, и только теперь страх коснулся ее. Одно дело, когда речь о неведомых мирах, о которых никто ничего не знает, или о гипотетической опасности гибели вселенной, опасности почти столь же реальной, как реальные сюжеты фантастических книжек. Одно дело — перспектива абстрактной катастрофы, и совсем другое — когда пусть даже мифическая опасность угрожает близкому тебе человеку. Говорят же — «черт бы тебя побрал». И хоть тот, к кому это относится, точно знает, что никогда никакой черт его не заберет, все же обижается. Так уж устроен человек. С первобытных времен сидит в нем что-то мистическое, заставляющее пугаться даже абстракции...

— Но почему ты?

— Бритт — как экспериментатор-энтузиаст, я — как скептик.

— А это не опасно?

Андреев засмеялся и взял Марту за руку.

— В тебе всегда было больше женщины, чем ученого.

— А в тебе больше ученого, чем мужчины, — тотчас отпарировала она.

— Как ты думаешь, продолжая этот разговор, мы не можем поссориться?

— Можем.

— Тогда давай переменим тему. Вспомни, о чем я вчера просил?

— Ты просил... — Она тянула с ответом. Понимала, что он имеет в виду, и невольно, не в силах побороть себя, дурачилась. — Ты просил, чтобы я читала сказки.

— А еще?

— Еще ты предлагал пожениться... После доклада.

Марта начала злиться на себя, на него, на весь белый свет. Ей хотелось, чтобы он, забыв обо всем, целовал ей руки и просил об этом униженно, как о милости.

— Что же ты ответишь?

— А почему бы не после опыта? — съязвила она.

— Хорошо, — сказал Андреев и улыбнулся виновато. — Тогда поспешим на опыт.

— Сейчас?

— Опыт сегодня ночью. Прощай.

Он поцеловал ее в щеку и, решительно повернувшись, быстро пошел по тропе. Марта знала, что догонять и укорять его бессмысленно, — даже не обернется, — стояла, привалившись спиной к еще теплому каменистому обрыву, на берегу, ругала этого несносного Андреева за нечувствительность, ругала себя за невыдержанность и беззвучно, бесслезно плакала...

Через два часа Андреев и Бритт встретились в кабине космического лифта.

— Погибать, так вместе? — засмеялся Бритт, радуясь другу и недоумевая по поводу его появления здесь.

— Я получил разрешение... — Андреев замялся на миг, — присутствовать на твоём опыте.

Бритт усмехнулся, сразу поняв причину его заминки. Ясно было, что Андрееву просто не хотелось произносить слово «контролировать». Ведь присутствующие на опыте имеют доступ к заветному красному клавишу, которым можно в любой момент прервать опыт.

— Что ж, — сказал он, — давай... присутствуй...

И замолчал надолго, свыкаясь с ускорением.

Лифт, похожий на ракету времен первопроходцев Космоса, мчался в вакууме Трубы, подгоняемый магнитными импульсами. Это удивительное сооружение создавалось в свое время специально для связи с Космическим научным центром и представляло собой многоканальную башню, уходящую в заатмосферные просторы к орбитам искусственных спутников. Да и сама эта башня была наполовину спутником, держась одним концом за Землю, другим за массивную громаду Космического города.

Впоследствии Труба, как по-простому называли ученые эту башню-лифт, приобрела много других назначений. К ее промежуточным платформам стали швартоваться небольшие межпланетные грузопассажирские корабли, совершающие каботажные рейсы по Солнечной системе. С появлением Трубы выяснилось, что она позарез нужна представителям чуть ли не всех профессий, прежде и не помышлявших о заоблачных далях. К Трубе прицепились Дома творчества писателей, художников, композиторов, ищущих уединения в философской близости к звездам. На ней, словно почки, выросли мелкие астрономические обсерватории, филиалы некоторых промышленных предприятий, санатории, больницы, туристские кемпинги.

Но настоящим бедствием стали экскурсанты. Их беспокойные толпы круглые сутки толкались на многочисленных смотровых площадках. Молодожены стали считать своим долгом в день свадьбы поцеловаться и сфотографироваться на Трубе. Школьники и студенты — отметить

знаменательные дни окончания одного этапа жизни и начала другого. На Трубе праздновались встречи друзей, к ней шли просто потому, что хорошее настроение, и потому, что плохое...

Сейчас Труба была совершенно пуста. Так решил Совет, уступив настойчивости Андреева.

Совсем утонув в глубоком кресле, Бритт косил глазами на своего друга, сидевшего рядом, и, как всегда, весело посмеивался. Андреев был настроен не столь оптимистично. Он мучился тем, что не смог убедить друга. Теперь он был почти уверен, что вторжение в иное пространство-время не может остаться без последствий и для этого пространства-времени. Ведь не случайно же теория предполагает такую возможность, что на сверхмалых расстояниях, равных теоретическому пределу — десяти в минус тридцать третьей степени сантиметра, — смыкаются микрофизика элементарных частиц и мегафизика звездных скоплений. Законы природы едины для микрочастиц и для галактик. Можем ли мы сказать, что знаем все законы? А если действительно между микро и макро существует прямая связь? Вдруг одно способно переходить в другое? Вдруг, взломав запретную дверь, мы нарушим равновесие в нашем пространстве-времени?!

И в то же время Андреева мучило прямо противоположное. В глубине души он не мог не согласиться со своим другом: наука есть наука, ее бог — опыт, а не предчувствия. Душевные смуты, какими бы серьезными они ни казались, нельзя принимать за аргумент. Мало ли почему мучается душа, эта вечная загадка, эта так до конца и не понятая наукой субстанция...

На высоте пятидесяти километров сплошная Труба кончилась, и зачастила перед глазами решетка арматуры, в которой скользила капсула лифта. Отсюда хорошо был виден весь Космический центр — это очередное восьмое чудо света, — державшийся на конце круто изогнувшейся черточки Трубы. Космический научный центр походил на велосипедное колесо. Такое миниатюрное издали, это «колесико» имело восьмикилометровый диаметр. Во внешнем обводе располагалась магнитная система главного ускорителя. Спицы были соединительными тоннелями, а массивный шар на месте ступицы — целым небоскребом, в котором размещались лаборатории.

— Все еще сомневаешься? — спросил Бритт, когда изнуряющая тяжесть ускорения отпустила их.

— Все сомневаюсь.

Бритт усмехнулся и стал смотреть на звезды, горевшие, казалось, совсем рядом. Потом снова навалилась тяжесть, тяжесть торможения, и они молчали до самого Космического городка. Выбравшись из герметической кабины, сразу же пересели в небольшой двухместный вагончик, старательно привязались, чтобы ненароком не выпасть на поворотах, — в условиях невесомости тоже можно было набить себе шишек, — и помчались по длинным коридорам и соединительным тоннелям.

Центральный пульт управления ускорителем размещался в небольшом овальном помещении, одну стену которого целиком занимал блеклый экран, напоминавший отгороженное невидимой пленкой пространство, заполненное густым туманом. Перед экраном полуколем стояло несколько кресел с разноцветными клавишами на подлокотниках. По существу, это был пульт управления электронным сверхмозгом, системой, контролировавшей работу ускорителя.

Оживленный предстоящим опытом, Бритт метался от переборки к переборке и непрерывно балагурил:

— Давай, давай присутствуй. Хорошо, что есть кресла. А то ведь тут можно и вовсе без них.

Система отлично обошлась бы даже и без нас с тобой, ей только прикажи... Чего ты такой беспокойный? Сидел бы дома со своей Мартой. Как она там? Я уже год обещаю ей букет из марсианских оранжерей. Вот закончу это дело и полечу на Марс. Так и передай...

Словно ненароком он наткнулся на кресло, в котором сидел Андреев, охая, склонился и незаметно отключил кресло от системы управления.

— Вот теперь начнем, — засмеялся Бритт, перебрался на свое место и затих там, совсем скрытый высокой спинкой.

Электронная система и верно могла самостоятельно провести любой опыт. Она хорошо «знала», чего хотят ученые, все представлявшее интерес фотографировала и тут же с необходимыми увеличением и замедлением показывала на экране. И, как в объемном кино, проходили перед исследователями процессы рождения и умирания микрочастиц.

Всякий раз, когда исчезал туман в глубине экрана и яркими звездами вспыхивало черное пространство, Андреев чувствовал странный озноб. Он никак не мог научиться бесстрастно, без первобытной жути в душе смотреть на эту картину неведомых катаклизмов. Неподвижные голограммы его обычно не волновали, но то, что показывала электронная система, учитывавшая способности человеческого восприятия, это не только утоляло научный интерес, это тревожило. Чужое, показанное как свое, наводило на размышления о неизвестных тайнах мироздания, скрытых в микромире, о многослойности пространств. И сказка Серой планеты о существах, пришедших ниоткуда, в правдивости которой не приходилось сомневаться, укрепляла его предположения.

Некоторое время ускоритель работал бесшумно. Потом неведь откуда послышался тонкий зудящий звук, и Андреев, насторожившись, подвинул руку к красному клавишу на подлокотнике, прислушался. Звук исчез так же внезапно, как и появился.

Много лет Андреев занимался тем, что дробил частицы, настойчиво пробиваясь к теоретическому пределу микромира. Но предел этот оставался недостижимым. У какого-то порога срывалась даже электронная система, наделенная вроде бы безграничными возможностями. Что-то мешало приблизиться к порогу. Было время, когда Андреев сердился на это. Потом притерпелся и даже стал радоваться неудачам. И наконец превратился в противника собственной же научной программы.

Снова послышался тонкий звенящий звук, заставивший насторожиться. Так летней ночью, лежа в постели, мы слышим в темноте комариный стон, и невольно просыпаемся, и, не шевелясь, ждем, когда комар сядет, чтобы прихлопнуть его.

— Что это? — спросил Бритт.

Андреев не ответил. Он с тревогой ждал того момента, когда комариный зуд ускорителя утончится до неслышимости, чтобы нажать на красный клавиш. Он и сам не знал, почему считал опасным именно этот предел, просто верил предчувствию.

Бегущие по экрану звездочки вдруг заспешили, и частые соударения микрочастиц стали напоминать вспыхивающие и гаснущие огоньки. В выносном пульте электронной системы что-то сердито защелкало, и звездочки на экране успокоились, задвигались солидно и важно, как в замедленной съемке. Но экран при этом странно углубился, края его растворились, распались на части, словно тому миру рождавшихся новых частиц было тесно в очерченном для них пространстве.

«Пора!» — подумал Андреев и нажал на красный клавиш. Но ничего не изменилось. Пульт снова сердито щелкал, но свист не утончался знакомо, он рос, переходя в рев, достигая такой силы, что болели уши.

Андреев снова и снова бил по красному клавишу, с ужасом наблюдая, как растворяются, исчезают рамки экрана. Казалось, что рождение и умирание частиц происходит уже повсюду — и над головой, и под ногами.

— Выключи! — крикнул он и не услышал своего голоса.

А уж не только края экрана, но и стены начали растворяться, и там, где они были, заискрились, заметались в черной пустоте скопища не то микрочастиц, не то звездных скоплений.

Андреев вспомнил фразу из сказки насчет того, как «обезумело небо, и звезды запорхали, как птицы, угасая и вспыхивая». И подумал, что перед ним что-то очень похожее, и оттолкнулся от кресла, чтобы добраться до этого оптимиста Бритта. Но неожиданно его кинуло куда-то в сторону, прямо в эти скопища звезд, и застлало глаза непроницаемой тьмой, и сдавило головокружением и тошнотой.

— Стоп, стоп! — закричал Андреев, надеясь, что чуткие «уши» электронного сверхмозга услышат, почувствуют тревогу, сделают все за человека. — Полный анализ! Все назад, все назад!..

И вдруг все вернулось на свои места. Снова вырисовались стены и экран очертился знакомыми рамками, и в нем, как вначале, рождались и умирали мириады неведомых частиц.

— Ну вот, чего кричать?! — весело сказал Бритт.

Отстегнувшись от кресла, он встал, потянулся и, легонько оттолкнувшись, важно полетел к дальней переборке, к большому овальному иллюминатору.

— Завтра отправлюсь на Венеру, а ты посиди пока, поанализируй, что мы тут получили...

И вдруг он глухо вскрикнул. Было в его голосе что-то, заставившее Андреева насторожиться. Сильно оттолкнувшись, он перелетел к иллюминатору, больно ударился о прозрачный купол, но боли даже и не почувствовал: то, что увидел, заставило похолодеть. Станным оранжевым отсветом поблескивало кольцо ускорителя, но ни научного центра, ни Трубы, ни самой Земли не было. Вокруг, сколько охватывал взгляд, простиралось бесконечное черное небо, усыпанное незнакомыми созвездиями. Задышавшись от сдавившего душу ужаса, Андреев кинулся к другой переборке, где тоже был иллюминатор, но и за ним была все та же чужая межзвездная пустота.

— Ничего, ничего, — успокаивал его Бритт. — Мы с тобой сделали такое открытие!

Андреев не отвечал. Слепая надежда Бритта — это было все, оставшееся им на двоих. Самые великие открытия — ничто, если они не отданы людям. Но как отдашь, как вернешься из этого чужого мира, если не знаешь, как сюда попал?!

— Все назад! — повторил он упавшим голосом.

— Задание понято, — бесстрастно ответили динамики.

— Назад — это значит так же быстро!

— Задание понято.

— Время против нас. Упустим время, как попадем в ту же точку своего пространства?!

— Задание понято.

— У тебя все исправно?

— Все исправно.

Уверенный привычный голос динамиков успокаивал. Но и беспокоил. Ведь не бывало еще, чтобы сверхмозг не отвечал на вопросы сразу...

— А я понял, где мы, — весело сказал Бритт. — Мы — в микромире, по другую сторону твоей запретной двери.

— Погоди с утешениями, они нам еще пригодятся, — сказал Андреев.

— Нам нечего бояться смещения во времени. Мы вернемся в тот же миг, и нашего исчезновения даже не заметят. Разве только приборы. Но что — приборы? Всплеск непонятный? А мы знаем, что это за всплеск...

— Это если вернемся.

Андреев подумал, что если электронный мозг работает с прежней скоростью, то им придется ждать вечность. Та же самая дорога не одинакова для разных путников. И вдруг он остро затосковал по своей Марте. Вспомнилось почему-то не то, что было, а то, что могло быть и не стало, отодвинулось, отложилось ради других дел, ценность которых теперь казалась такой ничтожной. И вспомнилась сказка Серой планеты, и он позавидовал полудиким ее обитателям. И впервые подумал, что, может быть, не такие они полудикие. Мы считаем себя великими потому, что создали целый мир машин. Их мир — они сами, и самоусовершенствование для них — главная цель? Может, и феномен их памяти, передающейся по наследству, вовсе не природный, а приобретенный?..

Мысль прыгала, как броуновская частица, по сложному пути взаимосвязей. Андреев не останавливал себя, тревожным фоном подсознания понимая, что это теперь единственное его дело и удовольствие. Электронному мозгу помочь было нельзя; только он знал (если знал) все повороты к выходу из этого лабиринта, приведшего их в чужое пространство. Оставалось только ждать. Ждать и надеяться. И размышлять, копаться в ворохах воспоминаний...

ЗДРАВСТВУЙ, ГАЛАКТИКА!

Наконец-то тишина. Ни дозвездных вихрей, ни дикой вибрации, от которой немели даже роботы, ни исступленных воплей двойников. Тишина. Хочется закрыть глаза и забыться, утонуть в мягкой колыбели электросна. Пожалуй, я так и сделаю через четыре часа, когда блоки памяти скопируют сумятицу моих мыслей и воспоминаний, а главный электронный мозг проверит все системы корабля, проанализирует случившееся за время этого проклятого витка. И доложит, что все в порядке. Тогда я разбужу своих товарищей. Через четыре часа...

С чего это началось? Мне было бы проще анализировать с конца. Но так уж мы запрограммированы — нам подавай с начала. А начал этих в любом деле хоть пруд пруди. Даже если заранее договариваться о том, что считать началом, так сказать, стабилизировать свое положение в пространстве — времени. А если перевернуться? Тогда конец будет началом, а начало концом. И классические причинно-следственные связи запутаются

окончательно. Как зеленоглазая Ариа в своих по-женски нелогичных поэтических вымыслах.

...— Петро, хочешь добраться до тайны тайн?

Так сказал мне Иван Пospelов, первый заводи́ла нашего детского «вигвама», умудрившийся каким-то образом стать первым астрофизиком Земли. Сказал, как и в детстве, на всякий случай посмеиваясь. Хоть точно знал: в наше время на манящий свет тайны, закрыв глаза, кинется каждый человек. Чем еще и жить человеку, как не борьбой с неведомым. Трудней борьба, значимей и победа...

С того простенького вопросика и начались мои мытарства. Хотя, если разобраться, были и другие причины. У одной из них есть имя — Ариа.

Первый раз я увидел ее в Лунном городке на смотровой площадке — прозрачной полусфере, повисшей над пропастью. В тот раз Ариа стояла посередине площадки и читала стихи своих предков:

— «Тишина и звук связаны крепче узла, звуки, отточенные тишиной, по заросшим тропам скользят, и брезжит восход для тех, кто придет, и для тех, кто уйдет...»

От стихов веяло древней мистикой, и сама Ариа, какая-то вся контрастная, ярко освещенная солнцем, была как призрачный световой блик на бархатном фоне неба.

Не отдавая себе отчета, я пошел к ней через всю площадку по матово поблескивавшему полу. Увидел, что она мулатка, что плечи у нее мягкие и округлые, а глаза зеленые, как у кошки.

«Все, — сказал я себе, — никуда не полечу, у меня и на Земле тайн хватит».

— Вы тоже летите к центру? Вместе с нами? — спросила она так, словно мы были сто лет знакомы.

— Вместе с вами? — воскликнул я, сразу забыв о своем решении никуда не лететь. — Конечно!..

— Слышите?

Она взяла меня за руку и подняла голову, прислушиваясь. Лицо у нее было мягкое, без единого выпирающего мускула, и в то же время сильное упрямое лицо женщины, не знающей сомнений.

— Слышите?

Я пожал плечами. Я ничего не слышал, кроме стука своего сердца.

— Разве вы не знаете, что космос кричит?

— Ну и что?

— Слышно...

Я хотел сказать, что это ей чудится, но она вдруг опустила голову и продекламировала, глядя куда-то сквозь меня:

— «Губы крепче сожми, из них да не вылетит ни одно из видений бреда, незримых другим, и пусть тебя убаюкает этот гул возрастающий...»

Н-да, мне и теперь кажется, что она знала о чертовщине, ожидавшей меня.

Мы летели недолго. Только что в самом начале, когда добирались до нулевой зоны, расположенной в ста двадцати астрономических единицах. Там мы вошли в подпространство и выскочили из него почти в расчетной точке — на периферии звездного сгустка центральной части Галактики. Отсюда по-настоящему и начиналась наша экспедиция. Предстояло вонзиться в звездную кашу и сделать только один виток, подобно комете обогнув центр Галактики. Прежде управляемые роботами корабли уже дважды проделывали этот путь, и он считался вполне безопасным. Но человек есть человек, ему мало голой информации, ему подавай впечатления. К тому же оставались загадкой неизменные странные провалы памяти у корабельных роботов. Словно там, в центре Галактики, кто-то на время выключал их.

Мы знали, что центральная часть Галактики не безголоса, как ее периферия, и включили все имевшиеся у нас защитные поля. Но отгородиться не смогли: звук возникал словно бы внутри каждого из нас. Это был даже не звук, а сложная вибрация. Я назвал бы это «вибрацией души», похожей на обычную нервозность, если бы она не вымотала нас в первую же неделю полета, доведя до истерики, почти до сумасшествия.

И тогда мы собрались на совет. Все шестеро — Сергей, Анджей, Хосе, Лю, Ариа — единственная женщина на нашем корабле. И я, разумеется, ваш покорный слуга, на долю которого выпало главное испытание. Так, по крайней мере, я считал еще недавно. Сейчас, когда все позади, этой уверенности у меня нет. Сейчас я даже подумываю: уж не повезло ли мне, что пришлось пройти через все это? В чем еще суть жизни, как не в испытаниях, в преодолении трудностей?..

Целых два часа мы сидели в рубке друг против друга, спорили, угрюмо посматривали на стоявший в стороне от главного пульта яркий красно-желтый блок управления подпространством. Достаточно было прорвать розоватый пластик, прикрывавший головку переключателя, и мы разом нырнули бы в немой вакуум нашего околосолнечного пространства. Правда, для этого требовалось кое-что подготовить, чтобы ненароком совсем не выскочить из своей Галактики. Но это было бы недолго сделать.

— Что если погрузиться в сон? — сказала Ариа.

— Для вас это наилучший выход, — послышался с пульта спокойный, чуть дребезжащий голос. — Я смогу самостоятельно выполнить программу экспедиции.

За спором мы как-то забыли о седьмом участнике дискуссии — электронном мозге. На сухом языке инструкций он именовался ГРУК — Главный робот управления кораблем. Но мы называли его по-свойски Другом.

— Зачем тогда мы полетели? — сказал Анджей. — Спать можно было и на Земле.

— Вы не выдержите нервных перегрузок, — возразил Друг.

— Это что — предположение? — осторожно спросил Хосе.

— Нет, не предположение... — Друг помигал рубиновыми глазищами и сердито погудел динамиками.

— А что, мальчики, — засмеялась Ариа, и все с удивлением посмотрели на нее: в такой момент смеяться? — если нам по очереди бодрствовать? Скажем, по двое?

Тут она посмотрела на меня, и я, как школьник, поднял руку.

— Согласен первым. Выдержу.

Это было бы неплохо — остаться вдвоем с Арией. И пусть она хоть круглые сутки читает мне стихи своих африканских предков. И пусть хоть вся Галактика трясет меня, таращась

разноцветными глазищами своих звезд...

Но Друг оказался плохим другом. Покашляв динамиками, он объявил, что оптимальный вариант — бодрствование по одному. И добавил, словно бы мне в утешение, что он сообщит, когда бодрствующий одиночка станет терять голову, и разбудит того, чье нервное состояние будет ближе к норме.

Так я остался один на один с Галактикой, надеясь, что в тот момент, когда космос dokonает меня, «ближе к норме» окажется Ариа, и тогда я попытаюсь немножечко задержаться со своим сном.

...Дежурство я начал с неведомо кем заведенной древней традиции — с осмотра корабля. Можно было сделать это, не вылезая из удобного кресла дежурного: роботы доложили бы о малейшем несоответствии норме и показали бы все, что надо. Но я пошел сам, сопровождаемый тихим вкрадчивым шелестом шагов моей «няньки», так все мы называли своих персональных роботов, официально именуемых неясным словом «сопровождающие» и приставленных к нам на веки вечные. На Земле «нянек» ни у кого из нас не было, там пользоваться их услугами считается недостойным человека. Но для космонавтов, уходящих в запространственные дали, они обязательны, и суровый Устав корабля предписывает не делать ни одного шага без сопровождения «няньки» — полумашины — полуживого существа, знающего, помнящего и умеющего все на свете.

Обычно космонавты быстро привыкали к своим «сопровождающим» и, возвратившись на Землю, тосковали по ним, как некогда люди тосковали по собакам, о которых я много читал еще в школе. Но пока что меня вечное присутствие «няньки» раздражало. Бросишь на стол видеокнигу — что книге сделается, на ней хоть танцуй, — «нянька» посмотрит с укоризной, поднимет книгу и поставит в нишу на полке. Скинешь ботинки, чтобы хоть пошевелить пальцами, почувствовать прохладу пластика, «нянька» тут же напомнит, что надо встать на электроковрик. Ну и всякое такое. Я знал, что скоро привыкну к ее педантичным заботам о моем здоровье, гигиене моей психики, о моих знаниях и умениях, знал, что скоро просто не смогу обходиться без нее, но сейчас, в самом начале долгого пути через неведомое, я по-мальчишески посмеивался над ее педантизмом и про себя называл Занудой. Но поскольку слово «Зануда» корбило даже меня, то я сократил его до «Зины» и таким образом удовлетворил и себя и всё понимающего Друга, поскольку, опять же по неведомо кем заведенной традиции, космонавты называли своих «нянек» человеческими именами: мужчины — женскими, женщины — мужскими.

Итак, мы с «Зиной» шли по длиннущему главному коридору, по кругу, обегавшему весь корабль. Справа тянулся бесконечный ряд овальных иллюминаторов, слева были двери, в которых тоже имелись иллюминаторы, и — овальные же — проходы к центру корабля, где было все: оранжерея и энергетические камеры, бассейн с отличным пляжем и защищенная тройным силовым полем святая святых — рубка управления, место дежурного по кораблю, обиталище Друга.

Справа за иллюминаторами дышал, пульсировал космос. Здесь он был не бархатисто-черным, как у Земли, а светился бесчисленными звездами — белыми, голубыми, желтыми, красными. Были в этой мозаичной пестроте и зеленые точки, но я не присматривался к ним, знал, что это лишь обман зрения, перепутаница цветов, отраженных поляризационными экранами иллюминаторов. Звезд было так много, что казалось странным, почему они не слипаются в один гигантский ком. Ведь страшные силы гравитации неумолимо тянут их друг к другу. Но я знал, почему этого не происходит: еще на Земле насмотрелся на модели звездных скоплений, где магнетики, изображавшие светила, крутились цепочками, взаимно уравновешивая силу притяжения, никуда не падая.

И наш корабль включился в этот хоровод, стал крохотным «магнитиком», скользящим точно

посередине противоборствующих сил. Малейшее отклонение от «золотой середины» грозило гибелью. Но мы были уверены в прочности корабля, в надежности его силовых полей, в предусмотрительности Друга.

Ничего нового не было за иллюминаторами. И все было ново. Вид звездной мозаики завораживал, заставлял смотреть и смотреть. И поражаться величию космоса. И бороться с охватывающим душу самоуничтожением, когда ты кажешься себе крохотным слабым жучком, вознамерившимся прогрызть гору.

Когда мне надоело глядеть на звездные сгустки, я пошел к камерам сна и остановился возле двери, за которой спала Ариа. Она полулежала в глубоком кресле, откинув голову, и казалась вовсе не спящей, а просто отдыхающей, только на одну минуту закрывшей глаза.

Я долго глядел на нее, а потом взял и постучал в стеклянную дверь. «Нянька», неотлучно дежурившая возле нее, сердито заморгала глазищами-индикаторами, подошла к двери и опустила светонепроницаемый экран. Это было хуже всякого наказания, поскольку обрекало меня на полное одиночество. Я знал, что «нянька» поднимет экран, как только уйду, но все же нажал подбородком на клавиш связи, прицепленный к вороту, и пожаловался Другу.

— Всякий раз, как вы подходите к двери, у спящей наблюдаются изменения психофизиологического состояния, — терпеливо разъяснил Друг.

— Почему? — удивился я.

— Причина пока неясна...

— А, знаю, это чары.

— Чары? — переспросил Друг. — Это не научное понятие.

— Неважно. Кроме науки, есть еще кое-что.

— Науке все подвластно, — возразил он до тошноты безапелляционным тоном. — Не существует ничего, что нельзя было бы проанализировать.

— А ну проанализируй вот это...

И я принялся читать ему одно из древних стихотворений, которое когда-то слышал от Арии:

— «Улыбка твоя Млечным Путем мой небосклон рассекла. Золотистые пчелы на щеках твоих смуглых жужжат, словно звезды...»

Друг молчал. В наушниках хорошо было слышно, как он гудел напряженно.

— Смотри не сгни от натуги, — засмеялся я и пошел по коридору, погоняемый совсем измучившей меня нервной дрожью.

В иллюминаторах все так же горели звезды, большие и малые, близкие и далекие, словно неведомые чудовища шевелили длинными щупальцами протуберанцев. Я подумал: какая, должно быть, жара в этой топке Галактики, и с ужасом представил, что будет, если хоть на миг ослабнут наши защитные экраны. И, подумав так, свернул по первому же коридору туда, где не мельтешила в глазах мозаика звездных огней. Теперь я знал, куда направлялся, — в баню. Я разделся, с удовольствием похлопал себя по голому животу, шагнул в душевую и повернул рычаг. Дверь мягко захлопнулась. Сразу же сверху, и с боков, и снизу метнулись легкие прохладные струи воды. Они становились все более упругими, гладили, мяти тело со всех сторон.

И кто только придумал это чудо — душ?! Сколько изобретено разных способов мытья: и воздухом, и электричеством, и с помощью ультразвуковых щупалец, приятно расслабляющих, снимающих усталость, сочетающих, так сказать, приятное с полезным. А обыкновенный первобытный горячий или холодный душ все незаменим. Он и снимает усталость, и бодрит, и успокаивает, и радует...

Закрыв глаза, поскольку пользоваться в душе очками не в моих правилах, я приседал и подпрыгивал, крутился и как бы плыл на упругих струях, распластав руки. Потом закрыл ногой клапан, наполнил душевую водой по самое горлышко и барахтался как хотел в пенных водоворотах, в волнах воздушно-водяной смеси. Я мог нежиться сколько хотел, никуда не торопясь, не опасаясь, что меня кто-то увидит через широкий иллюминатор двери. Я был один на сотни световых лет и наслаждался одиночеством. Только в душевой оно не тяготило меня — это неизбежное в дальних космических полетах самое тяжкое испытание.

И вдруг я почувствовал, именно почувствовал, поскольку не мог открыть глаз, что на меня смотрят. В первый момент я не обратил на это ощущение никакого внимания: то ли еще может почудиться, когда все один да один. Если, конечно, не считать роботов. Потом все же ухитрился взглянуть, заслонив глаза руками, и показалось мне, будто в раздевалке кто-то стоит. Но и тогда не взволновался. Может, это мой же костюм висит на вешалке. Однако поднял руку, нащупал над головой подвижную пластину переключателя. Сразу услышал, почувствовал низкий вой космоса и понял, что гнало меня сюда, в душевую — успокаивающим массажем, шумом воды хотелось заглушить этот вой, отдохнуть от него.

Осторожно, словно опасаясь чего, я открыл один глаз и за водяными потеками на стекле ясно увидел человека. Он стоял в раскрытых дверях и с удивлением, даже со страхом смотрел на меня. Да, да, я мог поручиться, что незнакомец чего-то боялся. Впрочем, незнакомцем я бы его не назвал: у меня было ощущение, что мы где-то встречались и совсем не на заре туманной юности. И в то же время я был совершенно уверен, что это не Анджей, и не Сергей, и не Лю, и не Хосе. И, конечно, не Ариа. Ее близость я бы ощутил не хуже, чем эту дику vibrationно-шумовую нервотрепку.

«Может, космический заяц? — мелькнула мысль. — Но чего он до сих пор не объявлялся?»

Я откинул верхнюю часть иллюминатора и напрямую взглянул на человека.

— Чего уставился? — сказал ему, стараясь оставаться спокойным. — Выйди, дай одеться.

— М-да, — сказал он знакомым голосом. — Вот нахал, моется на чужом корабле, командует.

Я растерялся от такой наглости. Но виду не подал. Подумал, что мне только бы добраться до костюма, где в кармане лежала панель связи с корабельными роботами. Тогда мы бы по-другому поговорили. И решил, что называется, взять на горло:

— Это кто на чужом корабле?! А ну выходи!

— Одевайся при мне, — сказал он. — Тут женщин нет.

Решительно шагнув к висевшему костюму, я выхватил из кармана ППП — пистолет — преобразователь поля — с твердым намерением вышвырнуть наглеца за дверь.

— Ну, ну, не балуй, — сказал он и попятился, встал за косяком.

— Вот теперь можем и поговорить. Ты кто? — спросил я его.

— А ты кто?

— Ты что, не знаешь, где находишься?

Незнакомец завопил за дверью, беспокойно хмыкнул.

— Кажется, я понял. Слушай, ущипни себя.

— Пожалуйста.

— Ты ущипнул себя за левое ухо?

— Допустим.

— Тогда все ясно, ты — это я.

— Не морочь мне голову...

— Да, да, ты — это я, только ты как бы вчерашний.

— Сам ты вчерашний.

— Да посмотришь же в зеркало.

Я послушался, повернулся к зеркальной стеновой панели и увидел самого себя, как две капли воды похожего на того, что стоял в дверях. Только у того были совершенно сухие, хоть и встрепанные волосы.

— Что это значит?

— Пока не знаю.

— А у тебя от вибрации в животе зудит?

— Еще как!

— Тогда мы и в самом деле одинаковые. Что ж, мне как раз надо обходить корабль. Вдвоем мы это сделаем быстрее. Ты иди налево, а я направо. Встретимся возле рубки. Знаешь, где она?

— Я все знаю...

— Хвастун.

— Сам хвастун.

Обменявшись такого рода комплиментами, словно все происходило в обычной обстановке, мы повернулись спиной друг к другу, и я пошел направо по коридору. Коридор был длинный и узкий с матово поблескивающим шершавым ковриком посередине. Справа и слева тянулись овальные закрытые двери с темными панелями сбоку. Обычно при обходе я трогал эти панели, двери отъезжали в сторону, и за ними вспыхивали зеленые глаза дежурных роботов, означающие, что в отсеках все в порядке. Конечно, можно было и не обходить корабль: Друг сообщил бы о малейшей неисправности. Но роботы роботами, а человек должен что-то делать. Не просто наблюдать и руководить, а именно делать. Так и велось на всех космических кораблях — «роботу роботово, а человеку — человеково».

Но на этот раз я не трогал панели, шагал не останавливаясь, оглядываясь время от времени на свою серебристую «Зину», бесшумно катившуюся следом. Я знал, куда меня несло: не к рубке, а в обратную сторону — к отсекам сна. Мне надо было, непременно надо хоть мельком взглянуть на своих товарищей, на Ариу, убедиться, что у них все в порядке.

Возле отсеков сна было сумрачно: слабый свет падал в коридор только через прозрачные

двери. Я спешил, не глядя вперед. А когда поднял голову, то остановился как вкопанный: возле двери, к которой меня так тянуло, стоял тот тип, мой двойник, заглядывал внутрь с подозрительным вниманием. Это встревожило: значит, он не пошел налево, как договорились, а зачем-то направился сюда, к отсекам сна? Что ему тут надо?

— Эй! — крикнул я, выхватив увесистый преобразователь.

Он вздрогнул и вдруг ловко отскочил в сторону, кинулся за угол. И drobный частый топот его башмаков, хорошо слышный даже за гулом переборок, быстро затих в глубине коридора.

Я внимательно осмотрел отсеки. Все было как обычно, только Ариа вроде чуточку повернулась во сне и в ее лице появилось что-то насмешливое.

— Негритянка моя! — сказал я, прижавшись лбом к прозрачному пластику двери. Мне захотелось теперь же разбудить ее. Повод, как мне казалось, был очень даже уважительный. Появление на корабле этого типа, похожего на меня, грозило бедой. Я чувствовал ее, близкую, неведомую. И не понимал, почему Друг не чувствует того же — самый мудрый, самый предусмотрительный, самый чуткий наш робот.

— Негритянка моя! — повторил я, не зная, что предпринять и мучаясь от тревоги, от тоски, от совсем уж непонятного нетерпения. — Ты сокровище мысли моей... Торжество многократное сновидений и звезд... Ты взрываешься сотнями огненных брызг на границе забвения...

Стихотворение, которое когда-то читала Ариа, зазвучало во мне так ясно, что я испугался: уж не схожу ли с ума.

И вдруг я услышал сердитый окрик. Поднял голову, увидел того своего двойника в десяти шагах от себя. И заметил в его руке блестящую иглу преобразователя, обращенную прямо на меня.

Я успел отскочить, успел спрятаться за угол и сразу же бросился бежать по коридору, торопясь в рубку, где можно было запереться от всей этой чертовщины и потребовать у Друга ответа.

Узкий внутренний коридор кончился. Я свернул в тот, главный, что тянулся по периметру корабля, и, немного успокоившись, пошел вдоль длинного ряда иллюминаторов, затянутых светофильтрами. Но свету все же было достаточно. Багровые размытые блики пятнами лежали на переборках. Пятна эти шевелились и вздрагивали, и казалось, что корабль плывет сквозь бушующее пламя. Впрочем, так оно и было: за бортом полыхала самая свирепая топка, какую только знала вселенная, топка центральной части Галактики.

И вдруг я увидел совсем уж непонятное: мой кошмар, мой преследователь, мой двойник преспокойно шествовал по коридору впереди меня.

— Послушайте! — крикнул я. — Давайте все-таки поговорим!

Гулкое эхо поскакало по коридору, словно закричали сразу несколько человек. Но мой двойник даже не оглянулся.

— Постойте!

Я пошел быстрее, потом побежал, но и тот, впереди, тоже побежал, и расстояние между нами нисколько не сокращалось.

— Стой!

Это было ни на что не похоже. Я стянул с головы шлем и запустил им в убежавшего. И в тот

же миг почувствовал, как что-то мягкое ударило мне в спину. Обернулся, увидел на полу мой собственный шлем. Не там, куда я его бросил, а тут, рядом. Голова моя пошла кругом, и я бы, наверное, упал, если бы не услужливая «Зина».

— Ну что это такое? — спросил я ее.

— Мираж, — сказала она бесстрастным, как у всех роботов, голосом.

— Какой же это мираж?!

— Обыкновенный. Отражение...

— Тут что-то другое...

И вдруг я услышал шум воды. И понял, что, обежав коридорами, вернулся к душевой, где недавно, свободный от каких-либо миражей, нежился в блаженном одиночестве в упругих струях водного массажа. Но я хорошо помнил, что выключил воду, и, полный нового беспокойства, толкнул дверь в душевую. И, пораженный, остановился на пороге: за прозрачной дверью герметической капсулы в пузырящемся воздушно-водяном коктейле плавал голый человек. Он открыл глаза, с невероятным удивлением посмотрел на меня и выключил воду.

— Чего уставился?! — сказал он таким тоном, словно мы с ним были давними приятелями. — Выйди, дай одеться.

— М-да, — поразился я. — Вот нахал: моется на чужом корабле, командует. Одевайся при мне.

— Да?

— Тут женщин нет.

Он шагнул из капсулы, оставляя мокрые следы на пористом пластике, шагнул к своей одежде, покопался в ней и вдруг вынул ППП.

— Ну, ну, не балуй, — сказал я, отступая за дверь. Мираж, мираж, а вдруг он еще и стреляет.

— Вот теперь можем и поговорить, — сказал он взволновано. — Ты кто?

— А ты кто?

— Ты что, не знаешь, где находишься?

— Кажется, понял, — догадался я. — Слушай, ущипни себя.

— Пожалуйста, — удивленно сказал он.

— Ты ущипнул себя за левое ухо?

— Допустим.

— Тогда все ясно. Ты — это я, только ты как бы вчерашний.

— Сам ты вчерашний!

— Посмотрись же в зеркало, — сказал я, выходя из-за косяка.

Он и в самом деле посмотрелся и повернулся ко мне с выражением крайнего удивления на

лице.

— Что это значит?

— Пока не знаю.

— А у тебя от вибрации в животе зудит? — вдруг спросил он.

— Еще как!

— Значит, мы одинаковые? Что ж, мне как раз надо обходить корабль. Вдвоем мы это сделаем быстрее. Ты иди налево, а я направо. Встретимся возле рубки. Знаешь, где она?

— Я все знаю.

— Хвастун, — нагло сказал он и, не оглядываясь, пошел по коридору.

Теперь я кое-что понимал: как видно, эти сумасшедшие звезды каким-то образом замкнули в кольцо цепь событий. Теперь, пока этот тип будет ходить по коридорам да бегать за своим двойником, надо побыстрее добраться до рубки...

«Как это — бегать? — поймал я себя на неожиданной мысли. — Значит, их будет уже два двойника? А потом? Сколько же их накопится? Что они будут делать?..»

Я чувствовал, что вот-вот запутаюсь окончательно и вовсе потеряю способность последовательно мыслить. А без этой способности человек не человек. В этом и заключается то, что называется рассудком, — в причинно-следственных связях. Нарушатся они, и ты сумасшедший.

Как за спасительную ниточку, я ухватился за воспоминания, в которых все было просто и ясно. Но вспомнились стихи: «Тяжелый гул мне уши заложил и встал стеной... В закатный час в кроваво-красной мгле стоит стена, как черная химера...» Стихи еще больше запутали меня. В обычном мире логических взаимосвязей путаница стихотворных образов как-то успокаивала воображение. Теперь, когда мозг жаждал ясности, такие стихи отнимали последние силы.

Я торопился, уповая только на Друга, бежал, не поднимая глаз, опасаясь увидеть очередного типа, похожего на меня. Но вот коридор раздвинулся, образовав просторную залу перед входом в рубку. Я подбежал к прозрачной стеклянno-пластиковой двери, толкнул панель, темневшую справа. Но дверь не открылась. И только тут я заметил, что двойник уже в рубке. С перекошенным лицом он пялился в угол к малиново-желтому пульту управления подпространством.

— Не подходи к пульту! — заорал я и забарабанил в дверь. И повернулся к своему роботу. — Помай!

— Наносить повреждения кораблю не разрешается, — спокойно ответила моя «Зина».

— Зануда, — обозвал я ее, — Зануда и есть. — И, представив, как этот тип сейчас кинет нас черт-те в какие дали пространства, выхватил ППП, полоснул лучом по двери. Все под этим лучом обычно рассыпалось в первейшие атомы. Но корабль был сделан на совесть: на двери не появилось даже царапины.

— «Зина!» — умоляюще крикнул я. — Сделай что-нибудь!

— Что именно? — спокойно спросила она.

На какое-то мгновение меня пронзило завистливое сожаление, что я не робот.

— Ты же видишь опасность?!

— Вам ничто не угрожает.

— Не мне одному, всем нам, кораблю!

— Кораблю ничто не угрожает. Полет проходит точно по программе.

— Ну хорошо. — Я решил переменить тактику. — Ты можешь войти в рубку?

— Конечно, — сказала «Зина». И пошла к двери. И дверь, как это всегда раньше бывало, раздвинулась перед ней.

Я не стал испытывать судьбу, кинулся следом. К моему удивлению, в рубке никого не было — только я да «Зина».

— С ума можно сойти, — сказал я, падая в кресло дежурного.

Кресло послушно прогнулось, улавливая форму моего тела, и я сразу понял, чего мне теперь больше всего хочется, — отдыха, глубокого сна. Чтобы ничего не видеть и не слышать. Но ведь именно в том и состояла цель экспедиции, чтобы все увидеть и услышать. И разгадать, наконец, причину провала памяти у мыслящих роботов.

— Друг, — позвал я, — что все это значит?

— Это для вас наилучший выход, — ответил от пульта знакомый хриловатый, чуть дребезжащий голос.

— Не понимаю.

— Я смогу самостоятельно выполнить программу экспедиции...

— Дружище! — испугался я. — Что с тобой? Почему ты повторяешься, как старинный патефон.

— Все равно вы не выдержите нервных перегрузок...

В дверь забарабанили. Оглянувшись, я увидел двойника, приплюснувшего нос к самому стеклу. Он угрожающе размахивал преобразователем, и хоть я точно знал, что против двери рубки ППП бессилен, все же вскочил, попятился в угол. И подумал: если я проник через дверь, то и он может проникнуть... Я наткнулся на кресло, стоявшее возле пульта управления подпространством, упал в него, положил руку на розовый пульсирующий пластик, прикрывающий головку пускового устройства, и подумал, что если двойник ворвется в рубку, то переведу корабль в подпространство и проверю, кто есть кто...

Потом у дверей появился второй двойник, третий, четвертый. Они бегали, толкаясь и словно не замечая друг друга, кричали что-то истощенными голосами, доносившимися в рубку через систему трансляции.

А потом они стали исчезать. По одному. Но едва опустел зал перед входом в рубку, как в нем появилась... Ариа. Медлительная после сна, она остановилась перед дверью, томно провела рукой по глазам, словно хотела стереть какую-то невидимую завесу...

ЛжеАриа?! Этого мне только не доставало... А может, она настоящая, проснувшаяся?.. Я уже готов был сказать «Зине», чтобы открыла дверь, но вдруг увидел такое, от чего мое измученное сознание и вовсе помутилось. Откуда-то появился двойник, медленно подошел к

Арие, и она, вздохнув, поразительно покорно положила голову ему на грудь.

И тут, не выдержав, я грохнул кулаком по розовому пластику...

Очнулся в полной тишине. Экраны внешнего обзора чернели космической пустотой. Перекрестие на штурманском экране указывало, что мы на какой-то периферии Галактики. Это была удача: в пределах своей звездной системы мы могли скакать в пространстве сколько угодно.

— Друг, — спросил я, — что это было?

— Параллакс времени и пространства, — как ни в чем не бывало ответил знакомый голос.

Параллакс... Я, кажется, и сам начинал понимать, что к чему. Это не параллакс, не просто угловое смещение, а целое кольцо пространства — времени. Живя в мире, где все имеет начало и конец, мы невольно отсекаем себя от безвременности, ставим ее за грань разумного. А ведь все в мире материально. Беспространственность и безвременность — это ведь не что иное, как вечность и бесконечность. Дети определенных природных условий, существующих на нашей периферии Галактики, мы невольно фетишизируем эти условия, принимая привычное за абсолютное. И даже роботов своих наделяем нашими слабостями. Сделать иначе значило бы освободить их от нашей власти над ними... А в центральной части Галактики другое время и пространство. Гравитационные или иные аномалии тому виной, только здесь все свито в спирали, может, и в клубки. Путешествовать по кольцам времени?!

А может, кольца пространства — времени не аномалия, а закономерность и для нашей солнечной системы? Просто у периферийной звезды долгий путь по кольцу и с точки зрения человеческой жизни бесконечен? Бесконечен на окраине Галактики, но не в ее центре...

Я многое понял в этот миг просветления, не понял только одного: почему «кольца пространства — времени» лишь у людей сталкивают прошлое с настоящим, настоящее с будущим? Почему не повторяются роботы? Ведь я так и не видел двойника моей «Зины»?..

На пульте один за другим вспыхивали зеленые огоньки: роботы, обслуживающие отсеки, докладывали, что переход через подпространство прошел нормально. Ненормальной была только моя изнуряюще-тяжелая усталость. Впрочем, и ей было объяснение: прыгать через тысячи парсеков, даже не надев шлема, не приняв никаких мер личной предосторожности, это даром не проходило.

Я откинулся на мягкий подголовник кресла, включил запись памяти и стал вспоминать все, что было со мной за время одиночного дежурства. Я сидел и боролся с тяжестью, тянувшей в сон. Мне надо было просидеть четыре часа. Всего четыре часа! Но казалось, что у меня не хватит сил выдержать эту пытку нудно и медленно тянувшимися секундами.

А потом я почему-то поднял голову. И увидел Ариу. Она остановилась перед дверью, томно провела рукой по глазам, словно стирая какую-то невидимую завесу. Я кинулся к двери, но «Зина» оказалась проворнее меня, распахнула прозрачные створки и отступила быстро, словно отшатнулась.

— Ариа! — сказал я, подходя к ней. — Сокровище мое... Торжество многократное сновидений и звезд...

Она вздохнула прерывисто, словно плача, и обессиленно положила голову мне на грудь.

СИМБИОЗ

Официально аппарат назывался так: «Виброгравитрон конструкции инженера Брянова». Но все на звездолете именовали его ласково — «вибрик». Новый аппарат, сконструированный Бряновым, уже во время этой межзвездной экспедиции все чаще использовался вместо старого доброго ракетного планетохода. Слишком велики были преимущества: надежная возможность зависать в точке, полная безопасность. Но, пожалуй, самое главное преимущество было в том, что при посадке и взлете не выжигалась местность. Виброполе, вызывающее в атмосфере ультразвуковую волну, правда, распугивало всех аборигенов, разумных и неразумных, но никому и ничему не приносило вреда...

И на этот раз решено было воспользоваться «вибриком». Огромный межзвездный корабль завис на дальней орбите, делая один оборот в сутки и все время оставаясь над тем районом планеты, который предстояло исследовать, а «вибрик», словно по тросу космического лифта, пошел от него вертикально вниз.

Чужую неведомую планету окутывала ночная мгла. На ночной посадке настоял сам Брянов, утверждая, что это безопаснее. Микробиолог Устьянцев не возражал. И только третий член экипажа — Нина Сулико сказала, что ей жалко обитателей планеты, которых виброгравитрон наверняка поднимет от сна. Нина была психологом по профессии, она попала в этот исследовательский рейс по настоянию своих коллег-психологов: у нее недавно умерла дочь, крохотная Сонечка, и Нину нужно было выбить из шока, в котором она пребывала.

Чернота подступала к самым иллюминаторам, плотная, непроницаемая, какая бывает только в глубоком космосе, вдали от звезд. На инфразкране плыли бесформенные пятна, и трудно было разобрать, где что.

Когда виброгравитрон завис в трехстах метрах от поверхности, был включен свет. Чужая планета топорщилась пиками высоких сталагмитов, от каждого из которых во все стороны отходили острые отростки. Переплетаясь, они создавали подобие жесткой паутины, напоминавшей сплошной коралл. Это был лес, живой, растущий, и, как показывали анализаторы, полный жизни.

Они отыскивали большую поляну и опустились еще на двести метров, осматривая место посадки. На поляне росла высокая трава, упругая, колышущаяся, и из нее, из этой травы, выпархивали напуганные виброгравитацией то ли птицы, то ли огромные мотыльки.

Брянов дождался, когда поляна опустела, и мягко посадил аппарат на все восемь тонких далеко выдвинутых ног. Свет был выключен, и космолетчики приникли к иллюминаторам. За иллюминаторами была непроглядная неподвижная ночь, и до рассвета оставалось восемь часов.

— Всем спать, — сказал Брянов. — День тут длинный, работы предстоит много.

Они зашторили иллюминаторы, включили электросон, откинули спинки кресел. Но так и не уснули: волновала встреча с чужой планетой, первая встреча за много лет, пока звездолет пересекал безмерные пространства космоса. Звездолет — родной дом тысяч людей, откуда в этот момент следили за «вибриком» сотни глаз и еще больше приборов.

Нине показалось, что она все-таки заснула, потому что, открыв глаза, увидела Брянова стоявшим у выходного люка в легком скафандре.

— Давление меньше двух атмосфер, — виноватым тоном сказал Брянов, — состав атмосферы почти как на Земле. Все анализаторы опасности на нулях.

— Командиру не годится нарушать инструкцию, — подал голос Устьянцев.

— Ничего я не нарушаю. — Брянов ответил без раздражения, скорее весело, даже игриво. — Во-первых, в некоторых случаях командиру разрешается покидать корабль по его усмотрению. А во-вторых, командир ты, поскольку я оставляю тебя за себя.

— Тогда я тебе не разрешаю.

— Э-э, погоди. Командиром ты станешь, когда я выйду.

— Тогда, как только ты выйдешь, я прикажу тебе вернуться.

— Э-э, погоди, — растерялся Брянов от такой несокрушимой формальности. — Ты лучше последи за роботом-охранником, чтобы он не отвлекался на пустяки.

Кессонная дверь плотно чмокнула, пропустив Брянова. Послышалось шипение — уравнивалось атмосферное давление. Затем беззвучно опустилась часть обшивки, открыв у самых ног овальный люк. Со звоном выпорхнул складной трап, слабо подсвеченный, упал в траву возле одной из восьми опор.

Трап покачивался и поскрипывал, пока Брянов ступенька за ступенькой спускался по нему. Из другого люка выпал на тросике неровный серебристый шар, крутнулся у основания трапа, придавив траву, развалился на две половинки, мгновенно вывернулся наизнанку и превратился в ошестинившегося антеннами и излучателями робота-охранника.

— Как анализаторы? — спросил Брянов.

— Без изменений, — буркнул над ухом голос Устьянцева.

— Если что, не зевай, командир.

Брянов хохотнул и сам удивился этому, и вспомнил детскую сказку о «планете радости», откуда космонавты будто бы не хотели уходить.

Он стоял в траве по колено, ждал, пока глаза привыкнут к темноте. Потом различил гребенку леса на фоне звездного неба. В лесу время от времени мелькали слабые разноцветные огоньки. Он шагнул в ту сторону, где огоньков было больше, и услышал то ли вздох, то ли стон. Огоньки замелькали чаще и вдруг все разом погасли. Но оранжевый путеводный маячок робота не остановился, не замерцал, и Брянов продолжал идти, чувствуя, как совсем по-земному трется о ноги высокая трава.

— Не увлекайся, — услышал он предостерегающий голос Устьянцева.

— Увлекаться — отличительная черта человека, — добродушно ответил Брянов. Но все же остановился. И робот тоже остановился, только быстрее зашевелил усами-антеннами, изучая пространство. Он мог предугадать все, этот механический охранник: опасное скопление электрических зарядов, напряжение грунта, грозящее землетрясением или обвалом, даже готовность всего живого к нападению. Ведь всякая агрессивность выдает себя изменениями биоэнергетических потенциалов.

Было томительно и захватывающе радостно стоять вот так, одному, на поверхности чужой планеты. Ничего не происходило, но он сам был переполнен ожиданием чуда. Эти ощущения первопроходца Брянов не променял бы ни на какие другие.

И вдруг он услышал смех, самый обычный смех, тихий, вроде бы даже стеснительный. Так смеются девушки, уже властно влекомые таинственной силой возраста, но еще боящиеся признаться самим себе в этом влечении.

Рык зверя, треск разряда, рев стихии не испугал бы Брянова так, как этот еле слышный смех. К страшному он был готов, а вот смех словно бы проник куда-то в самое незащищенное и уже оттуда достал затаенное — чувства. Словно по таинственным взаимосвязям подсознания пришло вдруг предощущение неожиданного, предчувствие чего-то.

— Что случилось? — с беспокойством спросила Нина. — Анализаторы...

— Ничего особенного, — перебил ее Брянов. — Смеется кто-то.

— Что?!

— Хихикают, — с деланной злостью сказал Брянов. Он знал себя, знал, что избавиться от душевной паники мог только, если разозлится.

Затем наступила тишина. Брянов прошел еще немного и снова остановился, слушая тишину. Она была какой-то неестественной для большой планеты — ни единого звука, ни ветерка.

А затем эту тишину пронзил еле слышный не то плач, не то стон. Он доносился откуда-то сзади. Брянов оглянулся. Виброгравитрон на своих длинных ногах походил на огромного паука со светящимся брюхом. Стон доносился оттуда, от него.

— Что у вас там? — спросил он.

— У нас ничего, — ответил Устьянцев.

— Плачет кто-то.

— Плачет? Тут появилась какая-то птица. Может, она?

Робот, шевеля излучателями, ринулся к виброгравитрону.

— Стоять! — спокойно приказал Брянов и сам пошел к аппарату, медленно переставляя по траве ноги. Было так заманчиво не спугнуть, увидеть эту птицу, это первое живое существо за многие годы путешествия по мертвой безбрежности космоса.

Вскоре он увидел ее. Птица билась возле одной из опор, то припадая к ней всем телом, то со стоном вскидываясь к слабо освещенному выходному люку. И было в этом ее метании что-то закономерное, логичное.

Подойдя ближе, он рассмотрел ее: птица была большой, с широкими мотыльковыми крыльями. Когда она складывала крылья и вытягивалась возле опоры, то становилась поразительно похожей на пластиковую куклу высотой чуть больше полуметра.

— Послушай, — сказал Брянов Устьянцеву, — подними-ка пятую опору. Кажется, мы ее гнездо придавили.

Птица отскочила, когда дрогнула опора, но не улетела, а продолжала стоять рядом, приподняв крылья и сложив на груди свои лапки-ручки, пристально смотрела, как выползает из грунта длинный блестящий щуп. Потом кинулась к ямке, принялась судорожно копать в ней и вдруг с громким отчаянным криком метнулась к Брянову. Он не успел ни отскочить в сторону, ни даже подумать о необходимости отскочить, как робот сбил ее широким парализующим лучом. Затем робот подкатился к ямке в грунте.

— Гнездо, — как всегда чужим, бесстрастным голосом сказал он. — Пустое гнездо.

— Пустое? — удивился Брянов.

Робот ничего не ответил: он никогда не повторял уже сказанное.

Птица лежала на спине, раскинув крылья. Одно крыло было подвернуто и, как видно, сломано. Наклонившись, Брянов рассмотрел, что это не птица и не бабочка, а некое существо с голой розовой кожей, действительно похожее на куклу, только с крыльями, этаким херувимчик, каких он видел на репродукциях древних земных картин. У нее было нежное личико, напоминавшее лицо ребенка.

— Возьми ее, возьми, — услышал он взволнованный голос Нины.

— Зачем?

— Возьми, — настойчиво повторила она. — У нее крыло сломано, я ее вылечу.

И тут же из люка выпала грузовая платформа. Брянов осторожно поднял это странное существо, оказавшееся неожиданно легким, положил на платформу. Подождал, пока платформа скроется в люке, и только после этого неторопливо начал подниматься по трапу.

Когда он прошел санобработку и, освободившись от скафандра, шагнул через высокий комингс внутрь аппарата, то увидел, что Нина находится уже в карантинной камере, облачившаяся в скафандр, склонившаяся над распластанной на столе птицей.

— Подумать только, — говорила Нина, — совсем ребенок. Совсем как моя Сонечка...

Она гладила перепончатые крылышки, гладила крохотные ручки и плакала.

Брянов посмотрел на Устьянцева, Устьянцев посмотрел на Брянова, и оба они, ничего не сказав друг другу, с тревогой подумали одно и то же: как бы неожиданная эта привязанность не обострила Нинину боль, не лишила ее воли.

Птица открыла глаза, быстро огляделась и вдруг дернулась. Нина удержала ее, ласково прижав к столу, погладила по голове, покрытой каким-то подобием мягкого рыжеватого войлока. Птица глядела вполне осмысленно и слабо испуганно попискивала.

— Отпустите меня! — вдруг сказал робот.

— Что? — удивился Брянов.

— Не ешьте меня. Я принесу много розовых плодов.

— Что ты болтаешь?!

И тут он вспомнил об этой одной из бесчисленных способностей робота к быстрому лингвистическому анализу. Никогда еще за многие десятилетия экспедиции не предоставлялась возможность воспользоваться этой его способностью. На многих планетах встречались живые существа, но еще никогда разумные.

— Ее что, можно понять?

— Так же, как вас...

В этот момент птица снова стала биться, вырываясь из рук Нины.

— Ты можешь сказать ей, чтобы не боялась нас?

Робот зачирикал с видимым удовольствием. Птица перестала биться, с удивлением уставилась на Нину и закрутила головой, не понимая, откуда исходят звуки. Потом запищала тихо, жалобно, мелодично. Робот помолчал минуту и вдруг засвистел какую-то, как показалось Брянову, колыбельную песенку. Птица засвистела в свою очередь. Они пересвистывались минуту, другую, третью.

— Ну? — не вытерпел Брянов.

— Я ей все объяснил, — сказал робот.

— Теперь объясни, пожалуйста, нам.

— Она думает, что мы ухи.

— Кто?

— Точнее сказать, уххи — пожиратели аев.

— Ты можешь объяснить по-человечески?

— Роботы все могут.

— Тогда давай.

— Что именно?

— Рассказывай! — взорвался Брянов. — О чем она говорит?

— Она боится, что мы ее съедим. Уххи, как говорят ззумы, съедают больных аев.

— Кто такие ззумы?

— Жители нор, вроде как слуги. Ззумы делают для аев мягкие норки и баюкают их ласковыми песенками. А в благодарность аи приносят ззумам сладкие розовые плоды с вершин деревьев.

— Спроси, разве мы похожи на этих самых уххов?

Робот зачирикал, птица ответила, и снова они долго объяснялись меж собой, словно подпевая друг другу.

— Никто из аев никогда не видел уххов. Их знают только ззумы, — наконец ответил робот.

— С ума можно сойти от этих ахов и ухов...

Брянов прошелся по мягкому полу, в задумчивости остановился перед иллюминатором, за которым уже разливалась белесая муть рассвета. Сколько мечтали они о контактах с иным разумом! Рисовали картины торжественных встреч на высоких орбитах, полетов над сказочными городами. На всякий случай разрабатывали варианты защиты от возможной агрессивности чужаков. И в этих своих мечтаниях, как видно, недалеко уходили от вымыслов первых фантастов с их «борьбой миров» или любвеобильными Аэлитами. Но фантастика, даже если ее называют научной, всего лишь чтиво, упражнение для воображения, но никак не источник информации, не прогноз. Космические дали ужасающе одинаковы что в солнечной, что в других звездных системах. И если в этой монотонности вдруг появляется нечто неожиданное, то оно, как правило, непредсказуемо.

Вот и теперь — радоваться бы этой встрече с чужим разумом. Но радости не было. Были недоумение и растерянность, и, несмотря на многочисленные инструкции, предназначенные

для подобных случаев, неизвестно было, как поступать. Инструкции запрещают наносить какой-либо вред аборигенам. Но уже при посадке они разрушили гнездо или, если угодно, жилище одного из аев, а затем, по существу, взяли заложника. Птицу, положим, можно сразу же отпустить, поправив ей крыло. Но ведь она разнесет весть о раздавленном гнезде, а это при примитивном общественном разуме, какой, по-видимому, существует у этих разговаривающих птиц, совсем не безопасно. К тому же примитивный разум аборигенов, как считал Брянов, давал ему право не церемониться и использовать заложника для того, чтобы побольше узнать об этом странном сообществе: аи — ззумы — уххи...

— Пусть-ка она поспит, — предложил Устьянцев. — Поспит, успокоится. А мы пока осмотримся. Светает уже.

Монотонный шепот электросна вмиг усыпил птицу. Нина наотрез отказалась оставить ее, и Брянов с Устьянцевым вышли из «вибрика» вдвоем. Утренняя заря разрисовала небо с бесцеремонностью юного художника. Сочные краски переливались одна в другую и как-то странно мерцали, вызывая радостно-беспокойное ощущение. С рассветом трава под ногами оказалась не зеленой, а блекло-серой. Сталагмиты-деревья на опушке леса в лучах яркой зари играли радужно, словно подсвеченные изнутри.

Воздух был тяжел, ощутимо сдавливал тело. Воздух, был неподвижен, и эта неподвижность смутно беспокоила: а что как перед бурей! Какая должна быть буря при этой плотности атмосферы?!

Как полагалось, они обошли вокруг «вибрика» следом за бежавшим впереди роботом. Другой робот — верная «нянька» Устьянцева — замыкал шествие.

Поляна была пуста. Среди травы виднелось множество нор, высланных изнутри мягким войлоком, как видно, обиталищ аев, разогнанных пульсацией гравитационного поля. В одном месте робот, бежавший впереди, остановился и замер, приподняв антенны. Затем медленно, как-то бочком двинулся вперед. Перед ним был пяточок черной, словно бы выжженной травы. Брянов скосил глаза к небольшому экранчику, вмонтированному в шлем, и увидел то, что видел робот: посередине черного пятка была воронка, на дне которой виднелась нора. А возле норы два огромных черных жука, как шелкопряды, быстро пеленали неподвижного ая. Ай был жив, и, похоже, ему нравилась эта процедура: на детском личике с закрытыми глазами блуждала улыбка.

Увидев робота, жуки мигом затолкали кокон в нору и исчезли.

— Вот они, уххи, — сказал Устьянцев.

— Непохоже. — Боковым зрением продолжая следить за экранчиком, Брянов пошел к норе.

— Непохоже, — повторил он. — Уххов они боятся, а тут... Видел его лицо?

— Так он спит...

— Или загипнотизирован.

— Скажи еще — заморожен...

— Что человек переживает перед самой смертью? Мертвый об этом не расскажет, а живой не знает. Одно ясно: умирая, человек не радуется. А тут...

— С чего ты взял, что кокон — это смерть?

— Действительно, — удивился Брянов. Теперь эта мысль, только что бывшая уверенностью, показалась ему нелепой. Чего это вдруг подумал? По аналогии? И почему умильное выражение личика ая должно означать именно удовольствие?..

«Все непонятное должно вызывать тревогу». Так гласит одна из основных заповедей космолетчика. Тревога торопит понять. Сейчас же Брянов не испытывал никакой тревоги. Он был переполнен только одним ощущением — радостным любопытством. Как в детстве, когда тревога еще не родилась в человеке, когда он полон только одним желанием — все потрогать, погладить, попробовать...

Нора была как нора, ничего особенного собой не представляла. Они подождали немного, пока робот возьмет пробы почвы, и пошли к лесу.

До опушки оставалось не больше трехсот метров, когда вдруг вспыхнули и засияли радужным разноцветьем верхушки этих удивительных деревьев. Брянов оглянулся, увидел над недалеким горизонтом малиново-красный гриб зари: вставало солнце. Когда он вновь посмотрел на лес, то заметил над вершинами далекие точки парящих птиц. По мере того как поднималось солнце, все больше освещая лес, все больше взлетало и птиц.

— Погляди-ка! — воскликнул Устьянцев. Он показал на белесую стену леса, куда-то ниже освещенной полосы. И тут Брянов сам разглядел десятки аев, нахохлившимися совами сидевших на разлапистых ветвях.

Остановившись, они стали ждать. Робот, катившийся впереди, потоптался на месте, пошевелил антеннами и снова медленно двинулся вперед. Аи смотрели на него и не двигались с места, не шевелились. Брянов ждал, когда солнце осветит их, чтобы рассмотреть поближе. Но едва прямые лучи скользнули по веткам, на которых они сидели, как аи зашевелились и один за другим, словно подброшенные, начали взлетать вверх. Взмахивая широкими крыльями, они взмывали все выше, кувыркались в воздухе, радостно стрекотали, как кузнечики, чирикали, пищали, не обращая на людей никакого внимания.

И тут Брянов услышал тревожный зуммер: звездолет с орбиты искал командира виброгравитрона.

— Что случилось? — услышал он голос четвертого штурмана Томана, дежурившего на связи.

— Все в порядке.

— «Вибрик» исчез!

— Как это исчез? Вон он стоит.

— Ты видишь, а я не вижу.

— Сейчас выясню.

Он вызвал Нину, оставшуюся на «вибрике», но Нина не ответила. Это было странно, потому что в любом случае ее робот уж обязательно должен был отозваться.

Согласно инструкции в подобных случаях прекращались любые работы и все космолетчики немедленно возвращались к своим местам. Но ни Брянову, ни Устьянцеву случившееся почему-то не показалось тревожным. Переглядываясь, они неторопливо пошли к «вибрику», строя догадки о странном исчезновении связи.

Только оказавшись внутри виброгравитрона и закрыв люки, они ужаснулись своему спокойствию. Быстро осмотрели аппарат: все было на месте. Не было только Нины и ее робота. И птица тоже исчезла. Обе двери карантинной камеры были распахнуты, что категорически запрещалось.

Понадобилось несколько минут, чтобы роботы нырнули в свои люки и виброгравитрон, вобрав опоры, поднялся и завис в пятистах метрах от поляны. Сверху хорошо

просматривалось все поле. Но Нины и ее робота нигде не было видно. И что особенно поражало: полностью отсутствовали обязательные для работающего робота излучения.

Брянов доложил на звездолет об исчезновении Нины и о странном отсутствии у него чувства беспокойства. Он просто не знал, что ему теперь делать. Садиться и обшаривать поляну казалось бессмысленным, возвращаться без Нины — никак невозможным.

— Повиси, — сказал Томан. — Можешь повисеть?

— Сколько угодно. А толку?

— Мы пока анализируем показания ваших приборов. Жди.

В солнечных лучах поле выглядело неровным и пестрым. Много было черных проплешин с воронками в середине. И много было точно таких же по размерам, как эти проплешины, круглых пологих холмиков. В этом сочетании воронок и холмиков чувствовалась закономерность, но какая, этого Брянов не мог понять.

— Четыреста семнадцать воронок, — подсказал робот. — И ровно столько же холмов. Распределяются равномерно, кроме одной пары, что у восточного края поля.

— Размеры? — спросил Брянов.

— Одинаковые. Кроме той же пары...

На экране связи со звездолетом появился Томан, сказал, что с Ниной ничего опасного, по-видимому, не случилось: стрессовых состояний не отмечено. Ее робот был переключен на внутренний контакт еще до того, как Нина вышла из «вибрика». Вышла она по собственной воле...

Ничего не объясняла Брянову эта информация. Если вышла по собственной воле, то почему оставила открытой карантинную камеру?.. Одно утешало: робот, охраняющий человека, в случае опасности, даже при малейших физиологических изменениях в организме, немедленно включит все виды связи.

Значит, ждать? Ждать, когда опасность для Нины станет реальной? С этим Брянов не мог смириться.

— Я считаю, что мне нужно выброситься на нити, — сказал он Устьянцеву.

— Об этом следует запросить звездолет.

— А если откажут? Так и будем висеть и ждать?

Брянов понимал, что это самовольство. Но, даже понимая, он ничуть не тревожился за свое поведение. Само это должно было породить чувство опасности. Но благодущие окутывало каждую клеточку мозга. Чувства — верные помощники и стимуляторы разума — плавали в расслабляющей апатии, как законсервированные живые организмы в сладком питательном растворе.

— Давай сначала выкинем робота, — предложил Устьянцев. — А там видно будет.

Растопырив все свои конечности, как паук на паутинке, робот полетел вниз, быстро разматывая тончайшую, почти невидимую нить. Опустился в траву, потоптался на месте и покатился по спирали, все шире обегая поляну, заглядывая по пути во все воронки, приостанавливаясь на холмиках, смешно подпрыгивая на них, чтобы получше прозондировать почву. Он походил теперь на мальчишку, наконец-то вырвавшегося из-под

опеки взрослых и торопившегося разузнать как можно больше, прежде чем его позовут. Все, что он видел своими четырьмя глазами, все, что ощупывал локаторами, датчиками, анализаторами, все отражалось на полиэкране «вибрика», на многочисленных приборах.

Бряннов стоял перед полиэкраном, не сводя с него глаз. Устьянцев, внешне безучастный, сидел рядом. Оба молчали, анализировали собственные ощущения, чтобы потом на основании этого анализа взбодрить себя беспокойством. На приборах бежали импульсы, покачивались стрелки, поблескивали указатели, ничто не говорило о каких-либо отклонениях от норм. Словно даже приборы заболели идиотизмом благодущия. Только в клеточках полиэкрана плыли, менялись изображения.

Над лесом парили аи, похожие на мотыльков, не обращая никакого внимания на бегающего по полю робота. Но вот робот приблизился к лесу, и аи один за другим стали слетаться к опушке. Робот отступил, и птицы отлетели как по команде, сразу потеряв к нему интерес. Это было первое открытие — невидимая черта, за которой начиналось пространство аев. Робот зигзагами помчался вдоль опушки, проверяя, везде ли существует эта черта, и на одном из экранчиков, изображающем все поле, прочерчивалась почти ровная светлая полоса. Следующее открытие сделал сам Бряннов, заметив, что за этой полосой нет ни одной воронки, ни одного холмика. Все это могло означать только то, что на поле существует разграничение: лес и подступы к нему — пространство аев, поле — территория черных жуков.

Бряннов привык с уважением относиться ко всякой информации, считая, что ненужной просто не существует. Но сейчас ему нужна была не всякая, а та, что помогала бы искать Нину.

— Иди к лесу, — подтолкнул он робота. — Попробуй поговорить с аями.

Птицы-мотыльки кинулись к опушке, как только робот пересек запретную черту. Некоторые срывались с веток, планировали вниз, едва не касаясь крыльями высоких антенн.

— Мы пришли из другого мира, — прочирикал робот. — У нас добрые намерения, и мы не причиним вам зла...

— Уххи, уххи, — заухали аи, отлетая прочь. — Уххи тоже говорят, что не хотят нам зла!..

Бряннов и Устьянцев переглянулись. Даже в монотонном переводе робота чувствовался ужас аев по отношению к уххам.

— Мы не уххи, — спокойно просвистел робот, — вы же видите, что мы не уххи.

— Никто не видел уххов, — слышалось в ответ. — Увидевшие уххов умирают. Без страха смерти их могут видеть только наши слуги — ззумы.

— Все вы живы, хотя видите меня. — Робот тотчас ухватился за подсказанную мысль. — Значит, мы не уххи.

Эта простая логика, как видно, озадачила аев. Они заматались над опушкой, оглушили беспорядочным свистом. Наконец один из них подлетел и безбоязненно сел на ствол излучателя робота.

— Если вы не уххи, то почему вас не трогают ззумы? Они никого не пускают на это поле.

— Но они пускают вас.

— Только ночью. Таков закон. Ночью мы спим в норах, приготовленных ззумами, и они нас охраняют от диких обитателей леса, которые охотятся по ночам. Уххи приходят на рассвете и уносят в свои пещеры всех умерших, всех, кто не улетает...

— Все это очень интересно, — запел робот, удивив космолетчиков такой не свойственной машине дипломатией. — В другой раз я с удовольствием побеседую с вами на эту тему. А сейчас мне хотелось бы встретиться с вашими старейшинами.

Аи не поняли, зачирикали, запересвистывались.

— Кто такие — старейшины?

— Есть же у вас главный, первый, кого бы вы слушались.

— Мы слушаем всех.

— Не слушаете, а слушаетесь. Чье слово было бы для вас законом.

— Закон один — жить, петь, любить, ночью спать в мягких норках, а утром успеть улететь в лес.

— «Жить, петь, любить!» — передразнил робот. — И никаких обязанностей?

— Что такое — обязанности?

— То, что вы обязательно должны делать.

— Мы обязательно должны приносить ззумах сладкие плоды с вершин деревьев. Надо же кормить своих слуг. Кто больше приносит, у того мягче постель...

— Все ясно, — сказал Брянов. — Вырождающийся разум.

— Почему именно вырождающийся? — спросил Устьянцев.

— Без обязанностей разум деградирует. Этот симбиоз — аи-ззумы, — который им кажется всеобщим счастьем, начало конца. Разум вырождается в инстинкт...

— Как дела? — запросили со звездолета. Теперь на экране было лицо главного психолога Большакова.

— Робот Нины по-прежнему молчит? — в свою очередь, спросил Брянов.

— Молчит.

— Значит, непосредственной опасности пока нет.

— А если робот как-нибудь нейтрализован?

— Он бы успел подать сигнал бедствия. В любом случае успел бы.

— Вы что же — висите и ждете?

— Ведем переговоры с птицами.

— Ну и как? — В голосе Большакова была ирония.

— Узнаем, сообщим, — ответил Брянов и демонстративно отвернулся от экрана связи с звездолетом.

Робот между тем расспрашивал о ззумах. Это были те самые четырехлапые черные жуки, которых космолетчики случайно увидели утром. Жуки пеленают умерших аев в коконы, а потом за этими коконами приползают уххи. На вопрос, почему ззумы выполняют эту работу, последовал ответ, что они боятся уххов и служат им.

А время шло. Солнце поднималось все выше, нагревая воздух над поляной. Переговариваясь, робот медленно переполз в тень леса, что, впрочем, не вызвало беспокойства аев. Похоже было, что они вообще ничего не опасались, рассказывали о себе, о ззумах с подкупающей откровенностью. И ничего сами не спрашивали. Тогда робот задал прямой вопрос: не видели ли они, куда делся вышедший из аппарата человек? Спрашивал он это долго, объясняя и так и этак, стараясь, чтобы его правильно поняли.

Слушая эти монотонные пересвисты, Брянов оглядывал полиэкранный экран. Все на нем было без изменений: сверкающая в солнечных лучах жесткая гребенка леса, порхающие птицы-мотыльки, поле, поросшее жесткой травой, испещренное воронками, взбугренное. И в то же время ему показалось, будто что-то изменилось на этом поле. Брянов еще и еще раз обежал глазами экранные клеточки и вдруг заметил, что один из холмиков вроде бы вырос в размерах, и трава на нем шевелилась, словно под ветром.

Вдруг этот холм раскололся, и из него вертикально вверх полоснуло слишком хорошо знакомое космолетчикам оранжевое пламя плазменного излучения. И вслед за этим сразу же, без паузы, зачастил сигнал бедствия.

Робот, разговаривавший с аями, бросился к вспучившемуся холму. Аи шарахнулись в другую сторону, в лес, расселись на ветках рядками, как зрители в театре, заинтересованно следили за происходящим. Похоже, их вовсе не пугало пламя, и страшились они только одного — пересекать невидимую черту, обозначенную линией воронок и холмов.

Пламя опадало медленно. Но еще до того, как оно опало, из холма поднялось что-то бесформенное и пошло к центру поля. С него ошметками опадала черная дернина. Скоро в нем можно было узнать робота. Белая паутина космами свалывшегося войлока опутывала его, свисала с излучателей и антенн, волочилась следом. На вытянутых манипуляторах он нес большой белый кокон. Второй робот подбежал к нему, ловко перехватил кокон, и они один за другим еще быстрее покатались к тому месту, где в нескольких метрах от поверхности помигивал желтый импульс, обозначающий конец нити.

«Вибрик» осел немного, когда оба робота повисли на нити, качнулся и медленно пошел вверх, втягивая в себя тяжелую ношу.

— Хочешь увести аппарат? — спросил Устьянцев, когда они поднялись уже на добрый километр.

— Потом вернемся, — ответил Брянов.

— Я бы не спешил. Выясним, что с Ниной...

— Спит Нина, спит в коконе. — Он кивнул на ее персональный пульт, где теперь светились все приборы, обозначая дыхание, температуру, давление крови.

— Слишком беспокойно спит. Кошмары. — Устьянцев, в свою очередь, кивнул на небольшой светившийся малиново прибор — психометр. — И понаблюдать надо бы за полем. Другого такого случая может не представиться.

Брянов поморщился и перевел аппарат в режим равновесия.

Через четверть часа в карантинной камере они разрезали упругую паутину кокона. Нина проснулась, и сразу резко подскочили все параметры ее организма: участилось дыхание, даже повысилась температура тела.

— Какой ужас! — вскрикнула Нина. — Они их едят!

— Кто? — спросил Брянов, удивляясь тому, что легкий скафандр Нины был совершенно цел

и что облепленные паутиной слизью легкие антенны переговорных устройств работали исправно.

Роботы хлопотали над анализами паутиной ткани, слизи, воздуха в камере, а Брянов тщетно пытался оттереть прозрачный пластик шлема, чтобы увидеть наконец лицо Нины.

— Кто кого ест? — переспросил он.

— Ззумы... аев, — с отвращением выдохнула Нина.

— Уххи?..

— Нет никаких уххов, совсем нет. Это выдумка.

— Чья? — усмехнулся Брянов. Он не испытывал никакой тревоги, а необычные названия — ай, ззумы, уххи — его просто забавляли.

— Да этих же... людоедов.

— Людоедов?

— Как их еще назвать?!

— Все правильно, — сказал Брянов. — Обычный симбиоз. Одни организмы что-то дают другим и что-то берут от них.

— Это не симбиоз! — выкрикнула Нина. — Это обман!

— Успокойся. — Брянов погладил ее по плечу. — Все изучим, во всем разберемся.

— Нет, тут надо вмешаться.

— Вмешаться? Во что?

— В их... взаимоотношения.

— Так сразу и вмешаться...

Он наконец отчистил шлем и увидел глаза Нины — большие, почти безумные. И впервые забеспокоился, но как-то странно — тяжело, мучительно, словно сквозь сон.

— Почему ты ушла из «вибрика», оставив все открытым? — спросил он. — Куда ты шла?.. Можешь объяснить?..

— Могу, — нехотя отозвалась Нина и надолго замолчала.

Брянов терпеливо ждал. Постукивали роботы, торопясь выполнить многочисленные свои дела. Часто пульсирующе гудел «вибрик», нейтрализуя гравитацию.

— Могу, — повторила она. — Эта... похожая на Сонечку... просила отнести ее в лес... Она так плакала...

— Ну и что?!

Брянов хотел сказать, что это не объяснение, что его интересуют не внешние причины, а мотивы противоестественных для космолетчика поступков.

— А ты бы не пожалел? — опередила его Нина. — Ты бы не пожалел, когда плачет и говорит, что если останется на поле днем, то ее заберут уххи? Разве мы совсем растеряли доброту —

основную человеческую добродетель? Разве недоброжелательство — первая заповедь космолетчика?..

— Но нельзя при этом нарушать порядок, рисковать...

— Я ничем не рисковала.

— Рисковала. И не только собой.

— Но ведь все обошлось...

— Это еще неизвестно. Мы недостаточно знаем планету. «Вибрику» теперь предстоит карантин.

— Ты боишься одиночества? — игриво спросила она. — Даже со мной?..

— Мы не каждый по себе, — перебил он ее. — Мы единый организм, и никто из нас не вправе без общего согласия рисковать даже самим собой.

— Если будем согласовывать каждое свое желание, мы обречем население звездолета на вымирание.

— Не преувеличивай, — сказал Бряннов. — Благодушие, как видно, главная зараза этой планеты. Это оно в тебе говорит.

— Почему же не говорит в тебе? Ты ведь тоже выходил из «вибрика»?

— Было это и у меня. Теперь поослабло. Теперь я начинаю понимать: на планете в нас парализуется чувство опасности. К счастью, это, как видно, проходит...

— Жаль, — выдохнула она. — Вся наша жизнь — поиски радости. К этому сводятся даже дальние экспедиции. Радость улететь дальше, чем другие, радость открыть новые миры...

— Есть еще долг.

— И в основе чувства долга тоже лежит радость, только не индивидуальная, а коллективная. Нечто вроде общественного инстинкта.

— Пусть так, — сердито сказал он. — У нас еще будет время для дискуссий. А сейчас ответь на конкретный вопрос: как случилось, что ты оказалась в коконе?

— Я несла «Сонечку», — посерьезнев, начала она. — Не Сонечку, конечно, а эту... птицу. И упала в яму. А тут жуки. Такие смешные жучки... Бегают, зудят. И от этого зудения так радостно на душе. Сонечка, то есть птица, закрыла глаза и сложила крылья. Я подкинула ее, и она улетела. А сама легла на траву...

— Зачем?

— Мне было так хорошо, так радостно за птицу, за себя, за всех нас, отыскавших наконец легендарную планету радости.

— А потом?

— Потом я заснула. Проснулась уже здесь... Мне было так радостно...

— Радостно? Но тебе снились кошмары.

Ее лицо вдруг, словно она только что вспомнила об этом, исказилось гримасой ужаса.

— Да, да, — быстро заговорила Нина. — Они их, оказывается, едят. У живых высасывают кровь. Они и меня собирались съесть.

— Кто?

— Ззумы. Я говорила.

— М-да. Вот тебе и «смешные жучки».

Он начинал понимать, что к чему.

— Едят сами, а сваливают на несуществующих уххов?

— Ну да!..

— И аи думают, что так и надо. Они считают себя хозяевами, а ззумов добровольными слугами. На самом же деле хозяева — жуки, для которых аи нечто вроде скота. Они их пасут, готовят им стойла для ночлега якобы для защиты от возможных ураганов, от ночных хищников, а на самом деле для того, чтобы иметь возможность выборочно поедать. И, надо полагать, они выбирают вовсе не больных, а именно здоровых, даже детей. И, похоже, не мы придавили детеныша этой птицы, поскольку гнездо под опорой было уже пустое...

Нина смотрела на него большими испуганными глазами. Зараза безотчетной радости, как видно, выветривалась; Нина беспокойно шарила руками по гладкому столу, пытаясь встать. Наконец, это ей удалось, она приподнялась и вдруг испуганно вскрикнула. Брянов проследил за ее остановившимся взглядом и сам вздрогнул от неожиданности: в иллюминатор заглядывало круглое пухленькое лицо ребенка.

— Она... прилетела! — придушенно вскрикнула Нина. И вдруг, легко спрыгнув со стола, кинулась к верхнему люку.

Смешно цепляясь лапками-ручонками за скобы, через люк в карантинную камеру вползли три белых существа, три птицы. Нина брала их одну за другой, ставила на стол. Они ничем не отличались друг от друга, но Нина каким-то образом узнала ту, которую называла «Сонечкой», удержала на руках, покачала.

— Это мои друзья, — прочирикала «Сонечка». — Они просили, чтобы я привела их к вам.

— Милости просим, — поклонился Устьянцев.

— погоди! — Брянов бесцеремонно отодвинул его и шагнул к столу. — Это, похоже, не просто визит вежливости.

«Сонечка» испуганно отступила, а ее друзья (или подруги — как их было разобрать?) остались недвижимы. Они были чуть выше ростом, и крылья у них были чуть потемнее, пожестче.

— Ваша птица, — говоривший обвел круглыми глазками переборки, приборы, иллюминаторы «вибрика», — эта ваша птица пугает аев.

— Мы скоро улетим, — сказал Брянов. — Мы не будем вас беспокоить.

— Нет, нет! — торопливо зачирикали аи. — Не улетайте.

— Но ведь мы вас пугаем.

— Вот и хорошо. Это и надо.

— Я не понимаю, — ласково сказал Брянов. — Согласитесь, мы должны знать, что делаем.

— Надо пугать аев.

— Но зачем?

— Чтобы не ночевали в норах ззумов.

— Да, да, — вмешалась Нина. — Ззумы их обманывают.

Робот перевел слова Нины, и аи беспокойно зашевелились.

— Обманывают, обманывают, — зачирикали они.

— Но, похоже, что в норах удобнее, — сказал Брянов. — Если, скажем, буря, в лесу разве спасешься?

— Удобнее, удобнее. Ничего не надо строить, ни о чем беспокоиться. Жизнь без забот. Но мы, аи, живущие в лесу, понимаем: жизнь без забот — гибель для аев. Когда-то аи жили дружными колониями, умели трудиться. Потом появились ззумы, и аи стали жить разобщенно, разучились трудиться. Порхать, любить, спать в мягких постелях — вот все, что теперь умеют аи. Только немногие понимают, что это путь к вырождению. Те, кто ночует в лесу. Им трудней, чем тем, кто ночует в норах ззумов. Но у них есть и преимущество: тех, кто ночует в лесу, не поедают уххи...

— Нет никаких уххов, вас обманывают! — снова вмешалась Нина.

— Мы об этом догадываемся. Но как узнать?

— Я знаю. Я сама была в коконе.

В глазах аев промелькнул ужас: еще не было случая, чтобы кто-то побывал в коконе и остался живым.

— Я была там, — повторила Нина. — Слышала разговоры о глупых аях, которым только бы спать помягче и которых так легко обманывать. Уххов не существует. Ззумы сами пьют кровь аев, живых, выбирая для этого вовсе не больных и старых, а молодых и здоровых. Особенно совсем крохотных, каким было дитя...

Она осеклась. Робот тут же воспользовался паузой, быстро зачирикал, переводя ее слова. «Сонечка» плакала. Во всяком случае, ее сморщенное личико говорило о глубокой печали. Два других ая стояли окаменело, ошарашенные услышанным.

— Пугайте, пугайте, не давайте нам спать в норах, — тихо засвистел один из аев. И умолк, испуганно уставившись на иллюминатор. За иллюминатором, далеко внизу, серебристо отсвечивало поле, и оттуда, с самой его середины, поднимался черный смерч.

Брянов подошел к пульту, поймал смерч на большой экран, приблизил изображение, и все увидели, что это масса жуков. Часто трепеща маленькими жесткими крылышками, они единой массой приближались к «вибрику».

— Интересно бы узнать, что они хотят, — сказал Устьянцев.

— Не будем рисковать.

Брянов взялся за белую рукоятку на пульте, и «вибрик» быстро пошел вверх. Смерч сразу распался черным дождем.

— Интересно, что они могут? Неужели бы напали?

— У них крепкие челюсти, могут перегрызть антенны, — сказал робот, не перестававший пересвистываться с аями.

— Думаю, что у них другое оружие, — сказал Брянов. — Добравшись до «вибрика» такой массой, они постарались бы лишить нас воли, превратить в добродушных идиотов.

— Да-а, вторая высадка будет непростой. На планете мы уже обрели врагов.

— И друзей.

— Одним словом, начало положено, — усмехнулся Устьянцев.

— Никакое начало не бывает простым...

Брянов посмотрел на неподвижных аев и подумал, что врагов много и они сплочены, а друзей — только вот эти трое, которым еще надо как-то добраться до своего леса.

— А вас ззумы не перехватят? — с беспокойством спросил он.

— Ззумы летают плохо.

— Мы выпустим вас над лесом...

— Не улетайте! — почти хором засвистели, зачирикали они. — Аи не должны спать в норах. Вашего аппарата они испугаются, улетят в лес. А потом многие поймут, что можно обходиться без ззумов. Не улетайте!..

— Правила не разрешают... — начал Брянов.

— Мало ли что не разрешают! — взорвалась Нина. — Да мы и не будем вмешиваться. Мы будем только летать... Все равно у нас карантин...

Она ссадила со стола аев, которым в тесном «вибрике» негде было распахнуть крылья, не спрашивая Брянова, открыла перед ними люк шлюзовой камеры.

Брянов не возражал. Он смотрел через иллюминаторы, как один за другим аи вываливались из «вибрика» и камнем падали вниз. В туманной глубине они раскинули крылья и крутыми спиралями заскользили к лесу. Ему вдруг подумалось о странной безбоязни этих трех аборигенов. Ведь они признавали, что виброгравитация пугает их. Почему же не испугались, а, пересилив страх и возможную боль, прилетели на «вибрик»? Почему? И ему уже не казалось вмешательством в дела чужой планеты то небольшое, что он собирался сделать, — летать и летать над полем, не давая спать этим добрым птицам...

ОШИБКА ПРОФЕССОРА ГРОМОВА

— Посмотри, что это?

Редактор всемирно известного еженедельника «Планеты» Уво Бенев, к которому было обращено восклицание, человек, по слухам, знавший все, что происходит в солнечной системе, заинтересованно повернулся к иллюминатору и целую минуту смотрел вниз. Под аэробусом текла река. То есть было полное впечатление настоящего потока, хотя какие могли быть реки среди лунных, пропастей, где для того, чтобы выжать стакан воды, нужно

переработать тонну руды.

— Пыль течет, — спокойно сказал он, — здесь это бывает.

И все сидевшие в салоне улыбнулись: Уво есть Уво, недаром говорят, что он удивился только раз в жизни — когда родился.

Уво Бенев не обращал внимания на подобные шутки. Он-то знал себя. Приходилось ему и удивляться, и восхищаться сверх меры. Чего стоили хотя бы встречи с профессором Громовым. Когда он беседовал с ним первый раз, то не мог отделаться от ощущения, что ученый как хочет копается в его мозгу, выуживая даже те мысли, которые журналисту хотелось бы спрятать от чужих глаз. Тогда профессор только начинал строить свою лунную обсерваторию, которую все на Земле называли не иначе, как «город Громова». После той первой встречи, с легкой руки Бенева, и пошла знаменитая шутливая поговорка: «Нет бога на Земле, бог — на Луне и фамилия его — Громов».

С тех пор они виделись много раз и, кажется, подружились. И всегда Бенева поражала неиссякаемая энергия уже вовсе не молодого профессора, но, как и прежде, переполненного идеями и преисполненного желанием воплотить их в жизнь...

— А все же тебя заинтересовал этот поток, — сказал Беневу его коллега, фотокорреспондент еженедельника, которого, несмотря на почти пенсионный возраст, все в редакции называли фамильярно — Руйк. Он не обижался на это, отговариваясь любимой фразой: «Фотокорреспонденты, как артисты, до ста лет молодые».

Бенев с улыбкой посмотрел на него.

— Скажи, нет? — приставал Руйк.

— День сегодня такой, особенный.

— День-то день, но лунные пейзажи — это все же...

Он не договорил, восхищенный, приник к иллюминатору. В серебристой дали меж острых расступающихся горных пиков поднимался сказочный город. Он напомнил Руйку один из школьных кабинетов, где вдоль стен стояли самые замысловатые тригонометрические фигуры. Казалось, создатели этого города задавались целью не забыть ни одной конструкции, которые нарисованы в учебниках. Были здесь шары разных размеров, стоявшие на таких тонких основаниях, что, казалось, вот-вот упадут, были пирамидальные вышки, трапециевидные и куполообразные дома. А над всем этим собранием фигур, четко выделявшихся на фоне черного неба, возвышался усеченный конус главного чуда лунной обсерватории — сильнейшего во всей солнечной системе оптического телескопа, тридцатиметровое зеркало которого шесть лет изготовлялось здесь же, на лунном нагорье «города Громова».

Аэробус прилунился в пяти километрах от обсерватории, механические руки отцепили салон с пассажирами, перенесли его на платформу, и люди впервые за двое суток путешествия смогли отстегнуть ремни и встать на ноги, не держась за магнитный луч. Некоторые, должно быть, попавшие сюда впервые, прыгали как дети, испытывая слабое лунное притяжение. Другие сидели на своих местах, замороженно смотрели на черную ленту дороги, на серую бесконечно монотонную пыльную равнину, исчерченную длинными тенями от разбросанных повсюду камней. Местами через равнину тянулись цепочки следов, ни на что не похожих, рождавших в воображении образы неведомых обитателей неведомого мира. И только один Уво Бенев смотрел в небо, усыпанное блестками звезд, все искал среди них ту единственную искорку, из-за которой он и прилетел сюда и которая через несколько часов должна будет превратиться в новый астрономический объект.

Никогда еще лунный город не знал такого перенаселения, как в эти дни, предшествующие эксперименту. Беневу не досталось даже отдельного прозрачного туристского блока, на который он рассчитывал, и ему пришлось разместиться вместе с Руйком в одной квартире, предназначенной для практикантов. В ней имелось все, что могло понадобиться человеку, но не было над головой естественного звездного купола, и эта маленькая неурядица вначале расстроила Бенева.

«Буду лежать в постели и считать звезды», — всю дорогу мечтал Руйк. Теперь, посмотрев на голубоватый потолок, имитирующий земное небо, он поморщился. Но тут же и утешился, побежал, как он выразился, «искать точки».

И Бенев тоже подумал, что это, может, и к лучшему: теперь у него будет повод осуществить давнюю мечту — побродить в одиночестве по лунной пыли и, как в той древней песне, оставить свои следы на пыльных тропинках чужой планеты. Он даже взволновался от этой мысли и не лег отдыхать, как собирался, подошел к стене видеотелефона, вызвал диспетчерский пункт. И еще более взволновался, увидев рядом с собой голографическое изображение очень красивой молодой женщины.

— Слушаю вас, — сказала женщина, откровенно любуясь его замешательством.

— Я хотел бы... — Он замялся, подбирая слова.

Женщина ободряюще улыбнулась и сказала неожиданно:

— А я вас знаю. Меня даже голографировали для вашего еженедельника, но изображение так и не опубликовали.

— Это мы исправим, — сказал Бенев, удивляясь непонятно почему нахлынувшей радости и сердясь на себя за это неделовое праздное чувство. — Попросите у профессора Громова хотя бы полчаса для меня.

Женщина исчезла, оставив в комнате обычный для голографической связи легкий аромат озона. Бенев потянулся и вдруг быстро опустил руки, потому что снова увидел у стены женщину.

— Громов очень занят, — сказала она. — У него есть для вас только десять минут.

— Связи или встречи?

— К сожалению, связи. — Женщина снова приветливо улыбнулась, и Бенев подумал, что потом, когда все кончится, надо будет задать этот вопрос ей самой.

— Подождите, пожалуйста, он скоро включится.

Когда она снова исчезла, Бенев тихо засмеялся, потер ладонями щеки и ужаснулся, вспомнив, что уже целые сутки не подходил к зеркалу. Он направился в ванную комнату, но вдруг услышал за спиной мелодичный гонг и, обернувшись, увидел у стены невысокого, чуть сгорбленного человека в старомодной профессорской шапочке над белым нездоровым лицом.

— Здравствуйте, дорогой мой! Очень рад вас видеть.

— Громов! — с неожиданной нежностью в голосе сказал Бенев. — Вы, как всегда, молодец. Держитесь, лунный бог. Мне будет очень неоставать вас, если вы захвораете.

Профессор рассмеялся, вытирая пальцами уголки глаз.

— Ох уж эти словесники, вроде комплименты говорят, а хоть в гроб ложись.

— Простите меня, но я так давно вас не видел.

— Ничего, правда спасает от паники. В любой ситуации говорят: держитесь, поможем. И мы так привыкаем к этому, что ждем того же и в старости. Хотя отлично знаем: в борьбе со старостью никто не может помочь. Держитесь, говорят старикам, и помогайте себе сами.

— Вы все-таки молодец. Как и прежде, обезоруживаете двумя словами.

— Что ж, придется мне же и вооружать. Ведь у меня и в самом деле нет времени.

— В таком случае, ответьте только на один вопрос: что вы думаете об этом эксперименте?

— Ничего себе вопрос. — Громов помолчал, поглаживая белый чисто выбритый подбородок.

— Вы знаете, что все это и зачем?

— В общем и целом.

— Людям надоело жечь фонари на ночных улицах, и они решили повесить одну лампу на всех в космосе. Приволокли астероид на соответствующую орбиту и собираются взорвать его, чтобы образовалось пылевое облако — своего рода экран, отражающий солнечные лучи. Но вот вопрос — как взорвать? Очень трудно рассчитать орбиту будущего облака. Ядерный взрыв может и увеличить и замедлить скорость, и тогда оно или совсем уйдет от Земли, или, как выражаются мои коллеги, запылит околоземное пространство. Чтобы не ошибиться, было решено ударить по астероиду двумя взрывами. Две ракеты подойдут к нему одновременно с противоположных сторон, строго перпендикулярных орбите астероида. Расчеты показывают, что пылевое облако при этом локализуется, а одинаковые взрывы, направленные навстречу друг другу, взаимно погасят ускорение. Такова техническая суть эксперимента. Она не представляется особенно трудной, и весь шум вокруг него сводится к удовлетворению нашего тщеславия: как же, впервые человек вмешивается в космогонию!..

— Я не слышу особого восторга в ваших словах! — улучив момент, сказал Бенев.

— Не знаю, дорогой, сам не знаю. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Но как подумаю, что ночей не будет, начинаю сомневаться: не заскучаем ли мы по темноте?..

— Но ведь нет выхода. Земля и так опасно перегрета. — Бенев усмехнулся. — Когда-то люди боялись энергетического голода, теперь мы не знаем, куда девать избытки энергии.

— Разве я спорю? — Громов развел руками. — Мне предложили руководить проведением эксперимента, и я, как вы знаете, согласился. Да душа не лежит. Мне будет не доставать ночи, лунных дорожек на морской глади, таинственных шепотов в тенистых парках. Не понимаю, почему поэты не возражают? А влюбленные? Куда им деваться?..

— Вы еще и поэт! — удивился Бенев. — Вот не ожидал.

— Зачем вы меня обижаете? — сказал Громов, грустно улыбаясь.

— Вас? Как я могу!..

— Извините. Только я должен сказать, что сомневаться в способности к переживаниям все равно, что сомневаться в умственных способностях.

— Это вы меня извините. Право же, не хотел...

— Если человек не способен зачитываться стихами, страдать и радоваться, слушая музыку,

значит, у него дефект наследственности или воспитания. — Профессор говорил так, словно ему было больно произносить эти слова. — Внутренний мир человека неделим. Если он уцербен эмоционально, то неизбежно уцербен и умственно...

— Извините...

— Да это я так, не принимайте на свой счет. Однако мне пора. Надеюсь побеседовать с вами после эксперимента. Знаете, чертовски приятно разговаривать с толковыми журналистами, честное слово. Вы не скованы обручами гипотез и убеждений, как мои коллеги, для вас ничего не значит связать то, что, по нашему мнению, никак не связывается. Вы свободны в суждениях — вот ваше преимущество.

— И наш недостаток.

— И недостаток, — согласился Громов. — Но что не имеет своей противоположности?..

Оставшись один, Бенев долго стоял перед рифленой, стеклянно поблескивающей стеной голографического экрана, вспоминая профессора, его слова, вновь и вновь переживая свою неловкость. Потом неожиданно для самого себя вызвал диспетчерскую. Стена исчезла, и Бенев снова увидел перед собой знакомую женщину. Она смотрела на него без удивления и без прежней насмешливости.

— Вы где будете во время эксперимента? — спросил он.

— Где и все — на смотровой площадке.

— А не хотели бы посмотреть это со стороны?

— С вами? — просто спросила она.

— Со мной.

— Но там не будет телескопов, и мы не увидим зарождение этого нового светила.

— Что за беда, увидим потом на экране.

— Ладно, — просто сказала женщина. — Через четыре часа я свободна.

— Как вас звать? — спохватился он.

— Энна...

В гараже Бенев выбрал самый маленький двухместный луноход, в котором была одна-единственная кабина, не разгороженная, как обычно, на герметические замкнутые отсеки. Однако робот, контролирующий выезд луноходов, потребовал надеть скафандры, и близости, которой так желал Бенев, не получилось. Энна сидела рядом, но была такой же далекой, как и там, на экране.

Они ехали по шоссе до тех пор, пока серебристые постройки обсерватории совсем не исчезли за острыми гребнями гор, потом свернули на лунную целину и со скоростью десяти километров в час поползли между каменных глыб, выбирая место поживописнее.

— Давайте за ту гору, там красиво, — сказала Энна.

— Вы не впервые здесь? — спросил он и покраснел.

— Я везде бывала. — Словно желая успокоить его, она положила тяжелую в перчатке руку ему на колено, и Беневу показалось, что он почувствовал тепло ее руки через толстый

многослойный пластик скафандра.

— Если при встрече двоих случается чудо, это запоминается на всю жизнь, — сказал он.

— А если благодаря чуду состоялась встреча?

— Все равно. У памяти свои законы.

Энна лукаво улыбнулась одними глазами.

— Что из этого следует?

— Еще не знаю. А вы знаете?

Она покачала головой и погрузилась.

Приткнув луноход к скале, они пошли по лунной пыли, оставляя глубокие следы. Идти было тяжело. Бенев остановился, машинально поднял руку, чтобы вытереть пот, и засмеялся, наткнувшись на прозрачный пластик шлема.

— А вы прыгайте, легче будет.

Она запрыгала по пыли, обернувшись к нему, улыбаясь поощряюще. Он попробовал и понял, что так передвигаться гораздо легче. Держась за руки, они запрыгали рядом, хохоча как дети, радуясь, что этот смех, это забавное прыгание рука об руку сближают их все больше.

С уступа горы, на который они вышли, открывалась широкая панорама лунного нагорья. Все было одинаковым в этом мире светотеней, без земных красок, без радующей глаз мозаики цветов. Но суровость пейзажа привлекала. Первозданный хаос, неподвижный, замороженный безмолвием, представлялся картиной гениального художника или, может, таинственным видением из детских снов, порожденных какой-нибудь старинной волшебной сказкой о царстве снежной королевы. Сколько раз видел Бенев лунные пейзажи, но еще никогда так не волновался. Может, на него влияло предстоящее чудо, которое вот-вот должно было вспыхнуть в звездном небе? А может?.. Он взглянул на свою спутницу и залюбовался ею. Стройная даже в скафандре, она походила на изваяние, поставленное среди хаотического нагромождения камней как вызов слепой природе. Подняв голову, Энна смотрела на огромный затуманенный диск Земли и улыбалась чему-то своему. Солнце заходило, последние лучи его блестели на прозрачном пузыре шлема, и казалось, что вокруг мягкого восточного профиля Энны сиял серебряный нимб.

— Вы знаете, где это будет?

— Кажется, в том созвездии. — Она мягко подняла руку, указала куда-то в сторону горных пиков, пылающих в лучах заходящего Солнца.

— Чуть выше. — Полуобняв ее, Бенев показал на едва заметную искорку, затерявшуюся среди мириадных звезд, чем-то напоминавших начищенные до блеска шляпки гвоздей, вбитых в черный бархат. И не снял руку с ее плеча, забывшись, смотрел в пространство, ожидая обещанного чуда.

— Еще минута. Вот сейчас!

В черной пустоте ослепительно вспыхнула вдруг новая звездочка и в отличие от своих неподвижных соседок зашевелилась в пустоте, словно примеряясь, устраиваясь поудобней на новом месте. Яркий блеск ее не ослаб сразу же, как предполагал Бенев, а все усиливался и уже через четверть часа затмил все другие звезды на небосводе. Солнце погасло за горами, и теперь только бледный свет Земли освещал нагорье.

— Недели через две свет этой звездочки поспорит со светом полной Земли, — сказал Бенев.

Энна ничего не ответила, стояла все так же неподвижно, смотрела на разгоравшийся в пространстве живой уголек, зажженный людьми.

— Пылевое облако растечется на сотни тысяч километров, оно будет двигаться вокруг Солнца по собственной орбите и всегда находиться над теневой стороной Земли. Представляешь, как будет? Заходит Солнце, и сразу же восходит этот наш искусственный светильник...

Беневу показалось, что Энна не слушает, он погладил ее по плечу и увидел, как она закрыла глаза, доверчиво склонив голову в его сторону. И он тоже подался к ней и вздрогнул, услышав сухой удар шлема о шлем. Теперь лицо Энны было совсем близко, он даже видел, как мелко-мелко дрожат ее ресницы. Он рассматривал эти ресницы миллиметр за миллиметром и страдал от невозможности прикоснуться к ним.

И вдруг он засмеялся беззвучно. Энна испуганно открыла глаза.

— О чем ты подумал? — спросила она, удивив Бенева, впервые столкнувшегося с такой почти неестественной женской проницательностью.

— Так, пустяки.

— Скажи, — потребовала она.

— Да глупость одна.

— Пожалуйста. Это очень важно.

— Понимаешь, мне вдруг показалось странным, что у космонавтов иногда рождаются дети...

Бенев думал, что она рассердится, но Энна только опустила глаза. Но уже через мгновение снова вскинула их к живой искусственной звезде в небе.

— Растет! — сказала она восторженно.

— И будет расти. — Беневу было радостно в этот миг, как никогда в жизни. Ему вспомнилась древняя поговорка об испытании верности в разведке, и он спросил: — Энна, а ты полетела бы со мной к звездам?

— Не знаю, — засмеялась она.

Но Бенев не поверил словам, ему больше сказали ее глаза, засветившиеся вдруг, словно бы затянувшиеся влажной мечтательной пленкой...

Они не спешили возвращаться. Взявшись за руки, прыгали по мягкой податливой пыли, подолгу стояли, прислонившись жесткими прозрачными шлемами, все не хотели уходить от этих гор, казавшихся им такими необыкновенно красивыми. А когда выехали на шоссе, помчались с такой скоростью, что автомат лунохода вынужден был включить ограничитель...

— Когда мы снова увидимся? — спустя час говорил Бенев, с удовольствием впервые пожимая живую мягкую руку Энны, стоявшей перед ним в своем золотистом цветастом платье. (В лунном бесцветном мире люди любили яркие одежды.)

— Через шесть часов.

— Так долго?

— Ничего, мой друг, у нас в запасе вечность.

Она улыбнулась и исчезла с легким галантным поклоном, в котором было что-то и дружеское и официальное.

Немного обиженный Бенев пошел в свою «практикантскую» квартиру с твердым намерением выспаться, чтобы через шесть часов предстать перед Энной сдержанным и по возможности спокойным. Но, как ни старался, не мог уснуть. Не помогали ни успокаивающие коктейли, ни вкрадчивые шепоты электросна. Перед ним не исчезало видение: мягкий профиль в ореоле сияющего шлема, длинные вздрагивающие ресницы, стройная серебристая фигура на фоне пестрого хаоса камней. Он долго мысленно умолял ее оглянуться. И она оглянулась. Но заговорила вдруг торопливым голосом Руйка:

— Уво, да проснись же, Уво, подвел я тебя...

Бенев открыл глаза, увидел своего коллегу с кипой голографических пластинок в руках.

— Не вышло, — сокрушенно жаловался Руйк. — Аппаратура подвела.

— Ладно, — сказал Бенев, быстро просмотрев пластинки и еще не понимая, что именно не получилось. — Обойдется.

— Что обойдется? Снимал звезду, а вышел крендель какой-то.

— Может, так и надо?

— Кому надо? Попробуй опубликовать это облако с дыркой — засмеют.

— Я говорю, что, может, дело не в аппаратуре, может, облако такое и есть?

— Чего ему таким быть? — Руйк задумался на минуту. — Шут его знает, пойду погляжу.

Он вернулся быстро.

— Что там творится, что творится! — с порога закричал Руйк. — В самом деле вместо булки крендель сделали. Громов, говорят, за голову хватается.

— Ну ты скажешь! — Он знал за Руйком такой грешок — «преувеличения на базе увлечения» — и не поверил.

Но Руйк, обычно не обращавший внимания на насмешки, на этот раз обиделся:

— Иди да посмотри. Или я тебе диспетчера вызову.

— Не надо! — испугался Бенев и, вскочив с постели, подошел к стене-экрану.

— Что-то не так получилось, не по рассчитанному. В самом деле говорят: даже Громов растерялся.

Такая настойчивость была непохожа на Руйка, и Бенев принялся одеваться, чтобы быть во всей форме перед вызовом диспетчерской.

Но диспетчером оказалась совсем другая женщина, холодно ответившая, что Громов находится в башне главного телескопа, что он очень занят и просил его ни с кем не связывать.

«Значит, и в самом деле что-то случилось», — подумал Бенев и решил сам отправиться в башню, чтобы на всякий случай быть поближе к Громову.

Он увидел профессора, маленького, сгорбившегося, под огромным, как гора, телескопом. Тихо сел в сторонке и стал наблюдать. Перед Громовым ярко горел экран, куда проецировалось изображение, сфокусированное телескопом. На экране колыхалось, жило, переливалось студенистой медузой ослепительное кольцо с угольно-черной серединой. Профессор неотрывно смотрел на это кольцо, потирая узловатыми пальцами блестящую свою лысину, куполом возвышавшуюся над седенькими волосами у висков. Его неизменная черная шапочка на этот раз лежала на столе. Потом профессор поднялся так тяжело, будто на его плечах лежал груз, шаркая ногами, подошел к пульта связи, поискал пальцами нужную кнопку. Стена перед ним посветлела, и на ее месте возникли рубиновые глаза электронного мозга.

— Кольцо-то растет, — сказал профессор.

— Так и должно быть, — мягким бесстрастным голосом ответил динамик.

— Теперь я и сам знаю, что так должно быть. Но почему ты не предупредил о такой возможности?

— Меня об этом не спрашивали, — все с тем же убийственным бесстрастием ответил голос.

— Но ты ведь знал, что такое может случиться?

— Вероятность была ничтожна, и меня об этом не спрашивали.

— Ты должен был сказать все.

— Я сказал все, что вас интересовало.

— Машина она машина и есть, — в сердцах сказал Громов. — Во все надо ткнуть носом.

Он снова пошевелил пальцами на пульте, и опять пропала стена и вместо нее возник хорошо известный Бенеу кабинет Президента Всемирного ученого совета. Президент что-то быстро говорил, глядя прямо перед собой. Но вот он оглянулся и с тревогой посмотрел на Громова.

— Что ты решил? — спросил он.

— Я заварил эту кашу, я ее и должен расхлебать.

— Сначала мы пошлем автоматы...

— Я не могу верить автомату! — неожиданно громко воскликнул профессор. — Без человека в непредвиденной ситуации он будет как тот гениальный дурак, у которого чем гениальнее, тем хуже. Да и нет времени на новые эксперименты.

— Мы будем все контролировать.

— Контроль не отменяется. Но я сам полечу. Это мой долг и мое право!..

— Подумай еще, не торопись, — сказал Президент. — Я соединюсь с тобой через час.

Громов снова посмотрел на экран телескопа и, оглянувшись, увидел сидевшего у двери Бенева.

— Теперь не до вас, голубчик, — почему-то жалобно сказал он.

— Я не отвлекать пришел, а помогать.

— Теперь никто не поможет. Даже этот красноглазый, — он сердито кивнул на пульт

электронного мозга, — и тот ничего не обещает.

— А что случилось?

— Что случилось?! — Громов изумленно уставился на журналиста. — Вам никто ничего не рассказал?

— Я ни с кем не разговаривал, прямо к вам.

— Да, голубчик, случилось непредвиденное.

— Эксперимент не удался?

— Более чем удался. Я бы сказал, что еще ни один эксперимент, когда-либо проводимый людьми, не оканчивался таким выдающимся открытием. И такой страшной катастрофой.

— Говорить так журналисту — все равно что быку показывать красную тряпку, — усмехнулся Бенев.

— Увы, голубчик, положение куда трагичнее, чем вы можете себе представить. В результате двух колоссальных встречных взрывов образовалось сверхплотное вещество. В том состоянии, которое нам известно лишь теоретически. Иными словами, мы, вероятно, сотворили «черную дыру».

Он замолчал, вопросительно уставился на Бенева, но тот сидел все такой же спокойный.

— Вам это ничего не говорит?

— По-моему, это даже неплохо. Наконец-то мы решим проблему отходов.

— И тем увеличим ее гравитационное поле?

— По крайней мере, мы теперь имеем возможность изучить этот космический феномен.

— Нет, не имеем. Она будет расти независимо от нас, поглощая космическую пыль, метеориты, энергетические излучения. И мы не знаем момента, когда эта чертова дыра дотянется до земной атмосферы. Вы понимаете, чем это грозит?

— Так взорвать ее! — воскликнул Бенев.

— Вы не пробовали тушить пожар бензином? — серьезно спросил Громов. И потому, что он задал этот вопрос без тени иронии, Бенев понял вдруг, что перед человечеством разверзлась бездна.

— Что же делать? — растерянно спросил он.

— Есть один шанс. И я хочу им воспользоваться. Через четыре часа вылетаю.

— Куда?

— Туда, — он кивнул на экран телескопа, где по-прежнему трепетало огненное кольцо. — Вы проводите меня?..

Бенев вышел в центральный зал обсерватории, над которым был прозрачный купол, остановился у входа. В зале было много людей. Они стояли кучками, громко переговаривались, даже спорили, то и дело взглядывая вверх, где, затмевая звезды, висело необычное небесное тело.

— Уже такое большое?! — сказал Бенев, ни к кому не обращаясь. И хоть не назвал то, о чем спрашивал, его тотчас поняли и несколько человек обернулись к нему, словно обрадовавшись возможности высказаться, заговорили, перебивая друг друга.

— Сама «черная дыра» крошечная.

— Но у нее мощное гравитационное поле.

— Она где-то в самом центре, а кольцо — это что-то материальное, неизвестно почему раскалившееся перед тем, как утонуть в «черной дыре»...

— Неясно, — не удержался Бенев от привычного скепсиса. — Почему мы видим кольцо, а не просто шар? Ведь это «материальное» вокруг, то есть со всех сторон?

Он думал обескуражить вопросом, но люди, жаждущие поговорить на болезную тему, только ухватились за подкинутое сомнение, и Бенев невольно стал центром еще одной группки спорщиков. Его окружили, начали каждый по-своему толковать непонятное явление. Уверяли, что все очень просто: если мы видим свет, значит, он излучается, в отличие от совершенно черного центра, что природа излучения неизвестна, поскольку никто во всей обсерватории не может объяснить его. Кольцо же никого не удивляло потому, что в космогонии немало подобного: в одной плоскости движутся планеты вокруг Солнца, да и сами галактики не шары, а сплюснутые звездные скопления... А Бенев по своей журналистской привычке обобщать думал в это время вовсе не о звездах, а о том, что вот и он со своими вопросами стал собирающим центром, как песчинка в перенасыщенном растворе, рождающая кристалл, что, может, от этого земного и привычного не так уж и далеко до законов мироздания?..

А над прозрачным куполом равнодушно горели мириады звезд и сверкало, шевелилось в вышине белое кольцо — огненная свита страшного демона, случайно созданного людьми.

Бенев выбрался из толпы, которая продолжала все так же спорить, даже не обратив внимания на его исчезновение, и пошел к себе. Еще от дверей увидел Энну, сидевшую в кресле у пульта связи.

— Я тебя не могла найти, — с тревогой в голосе сказала Энна.

Он смотрел на нее и ничего не отвечал.

— Энна, — наконец сказал Бенев, — я сейчас уезжаю в космопорт. С профессором Громовым.

— Почему ты? — испугалась она.

— Громов просил.

— Он не мог об этом просить.

— Почему же? — Бенев удивленно посмотрел на нее.

— Уво. — Она впервые назвала его по имени и покраснела. Но не опустила глаз. — Помнишь, я сказала тебе — «не знаю». Это была неправда. Я хотела бы полететь с тобой к звездам.

Он опустился на пол, положил голову ей на колени. Пощелкивал, шелестел в углу «регулятор эмоций», не в силах понять, какие для этого случая требуются шумы и запахи, чтобы ослабить нервное напряжение, переполнившее комнату. Сколько времени просидели так, они не знали, может, три минуты, а может, и три часа. Опомнились, когда томно зазвучал гонг и за пультом связи показалось усталое лицо профессора Громова...

Громов дожидался Бенева в большом экспедиционном луноходе. Рядом с ним сидели два робота, положив манипуляторы на титановые контейнеры, словно их надо было от кого-то охранять.

— Вы надолго летите? — спросил Бенев.

— Боюсь, что навсегда, — ответил Громов, недоброжелательно косясь на Энну. — Потому и хотел, чтобы вы меня проводили.

— Я тоже поеду. — Энна сказала это таким решительным тоном, что Громов махнул рукой.

Уже выезжая из лунного города, они увидели Руйка, стоявшего на дороге с длинным объективом, похожим на лучемет звездолетчиков.

— А меня-то забыли, — сказал он просто.

Бенев кивнул ему, чтобы скорее забирался в свободный кормовой отсек, и луноход, сорвавшись с места, помчался по пустынному шоссе, далеко впереди вонзавшемуся в темную стену гор.

— Значит, такое дело. — Громов откинулся на сиденье, поднял голову, посмотрел на светлое колечко в звездном небе. — Шанс такой: как можно скорее попытаться стащить «черную дыру» с устойчивой орбиты. Расчеты показывают, что можно приблизиться к ней на некоторое безопасное расстояние. Она, естественно, потянет корабль к себе, а он все время будет лететь впереди, как бы стремясь уйти. Есть надежда, что ее скорость на орбите при этом может возрасти и она начнет удаляться. Понятно?

— Нет, — сказал Бенев. — Почему такой сложный вопрос решаете вы один?

— Этим заняты сейчас все. Но нужно торопиться, пока «черное тело» еще мало. И нужно изучать его вблизи. Если кто-то должен лететь первым, то только я.

— А потом?

— Когда «потом»?

— Если удастся увести «черное тело»?

— Куда? В солнечной системе его оставлять нельзя.

До Бенева вдруг дошло, что это не просто эксперимент со своим началом и концом, а трудная, опасная и очень долгая работа, может быть, рассчитанная на многие годы.

— А если его подтащить к Солнцу, кинуть в огонь?

— Мы не знаем, что станет с Солнцем.

— Но это же ужас что такое! — вырвалось у него.

— Именно так, — сказал Громов. — Потом, наверное, его поведут автоматические корабли. Но доверить машинам первую попытку я не могу. К тому же, повторяю, надо спешить: «черный демон» будет непрерывно расти...

Впереди показались серебристые строения ракетодрома, над которыми, словно лунный пик, возвышался космический корабль.

— Когда его успели подготовить? — спросил Бенев.

— Корабль предназначался для дальней экспедиции. Я настоял, чтобы его отдали мне.

— Вы полетите один?

— Риск слишком велик.

— Я полечу с вами, — неожиданно для самого себя сказал Бенев.

Громов ласково засмеялся.

— Спасибо, голубчик, но это только мое дело.

— Это теперь дело всех.

— К тому же вы ничем мне не поможете.

— Вы будете не один. Разве это не помощь?

— Спасибо. У вас теперь есть кому помогать. — Он доброжелательно взглянул на Энну.

— Я полечу с вами, — повторил Бенев.

— И я тоже, — вдруг сказала Энна, побледнев от волнения.

— Не исключено, что мы не сумеем вернуться.

— Я это понял.

— Ну и пусть, — упрямо сказала Энна.

В другое время это простоватое замечание, достойное непоследовательности древних женщин, могло бы рассмешить, но теперь и Бенев и Громов, одновременно посмотрев на нее, поняли, что она ничуть не шутит, что ее решение не порыв, а вполне сознательный, уже обдуманный шаг.

— А если будут дети? — спросил Громов. — Как им расти на грани гибели?

— Всякий дальний перелет на грани гибели.

— Я не знаю, что нас ждет.

— Узнаем...

Луноход подошел вплотную к трапу, окруженному роботами, обслуживающими ракетодром.

— И никто не провожает? — удивился Бенев.

— Я об этом просил. Кому надо, тот нас видит.

Громов повернулся и помахал рукой слабо поблескивавшим на мачтах выпуклым глазам системы Всевидения.

— Знаете, о чем я теперь жалею? — сказал он. — Что нет у меня, как у наших давних предков, власти лишить вас права подниматься на корабль.

— Я не могу отпустить вас одного.

— Энну жаль.

— Меня? — удивленно сказала Энна. — Но я просто счастлива!

Они засмеялись все трое и по мягкому трапу пошли к входному люку.

Бенев видел в иллюминатор, как, обгоняя луноход, помчались прочь от ракеты черные пауки-роботы. Еще через минуту качнулись темные громады гор и начали валиться в разные стороны. Потом внизу ярко вспыхнуло — ударили главные двигатели корабля, на миг ослепили весь ракетодром, покрыли серебряным панцирем просторы каменной пустыни и словно бы начертили на горных кряжах угольно-черные трещины, провалы, зигзаги глухих ущелий. И еще последний раз он поймал взглядом распластанную кляксу тени от лунохода, на предельной скорости мчавшегося по пустынному шоссе, и вдруг вспомнил своего верного коллегу, так, должно быть, ничего и не понявшего, сидевшего в своем герметическом отсеке на корме лунохода.

— Жаль, забыл с Руйком попрощаться, — вслух подумал он.

— Это ты еще успеешь, — сказал кто-то за его спиной.

Обернувшись на голос, Бенев увидел своего Руйка в соседнем кресле. И мгновение ошеломленно смотрел на него, холодея от мысли, что тот забрался в корабль, подчиняясь одной только своей привычной пронырливости и совсем ничего не зная, куда они летят и зачем.

— Ты... как тут? — с трудом выговорил он.

— Как и ты. Хотел без меня обойтись? Не выйдет.

— Да знаешь ли ты... куда мы летим?

— Это я еще узнаю. Не впервой сначала снимать, а потом выяснять, что же, собственно, снял.

Испуганно улыбаясь, Бенев смотрел на него и молчал. Он знал, что возвращение невозможно, но знал также, что нельзя и оставлять на борту человека, не осознавшего своих действий, самостоятельно не решившегося на риск.

— Я должен тебе... кое-что объяснить. Я отвечаю за тебя...

— Перед кем? — удивился Руйк.

— Перед самим собой.

— Каждый человек отвечает за каждого человека перед самим собой.

— Тут особый случай. Ты ведь не знаешь, что мы никогда не вернемся.

— А куда мы денемся? Это же не межзвездный корабль.

— Это корабль в неизвестность. Слушай и не перебивай.

Он начал подробно рассказывать ему о «черной дыре», о решении профессора Громова первым приблизиться к ней, о том, что возможна неудача и тогда корабль просто сгорит в огненном кольце, чтобы перейти в другое состояние, превратиться в ничто, что надежда на возвращение почти исключена, потому что система «корабль — «черная дыра» в лучшем случае станет устойчивой и что вырваться из гравитационных лап черного чудовища, вероятно, не удастся...

— Ну что ж, — перебил его Руйк. — Буду первым репортером при «черной дыре»...

Тихий мелодичный гонг они слышали совершенно ясно, несмотря на гул двигателей. Засветилась переборка в глубине отсека, и показалось чуть искаженное ускорением озабоченное лицо профессора Громова.

— Извините, профессор, но так вышло, — виновато сказал Бенев, кивая на Руйка.

— Если уж так вышло, то лучше осознать все до конца, — сердито сказал Громов. — Еще не поздно пожертвовать спасательной капсулой и выбросить вас в космос. Когда приблизимся к кольцу, будет поздно. Тогда, возможно, мы не только не сможем использовать спасательную капсулу, но и сообщить о выбросе на Землю, чтобы вас подобрали. Я вовсе не уверен, что в условиях мощных гравитационных аномалий нам удастся поддерживать связь с Землей. Всего скорей мы просто исчезнем для людей, и они узнают о том, живы ли мы и продолжаем ли бороться с «черным дьяволом», только косвенно — по изменениям его орбиты. Так я думаю.

— Безвыходных положений не бывает, — простодушно заметил Руйк.

— К сожалению, бывает.

— Земля же рядом, весь ученый мир. Придумают что-нибудь.

Громов внимательно посмотрел на него.

— Хотелось бы надеяться. Когда-то даже мечтали об этом — иметь под боком «черную дыру» и тем решить сразу две важнейшие проблемы — энергетическую и проблему отходов. Но я привык рассчитывать на худшее.

Он замолчал, переводя насупленный взгляд с Бенева на Руйка и обратно. Ровно гудели двигатели, и вибрация слабо чувствовалась через толстые подошвы скафандров, через воздушные амортизаторы кресел. Сверкающий край Луны висел под иллюминатором, проваливался.

— А худшее таково, — с беспощадной суровостью в голосе продолжал Громов, — что вам, вероятно, придется расстаться с мечтой о первом репортере при «черной дыре». Вы просто не сможете передать снимки, если их вообще возможно там сделать.

— Жаль.

— Если жаль, то уходите немедленно.

— Жаль, — повторил Руйк, — жаль, свои аппараты не захватил. Каких бы я вам портретов наделал!..

«ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО»

Багровея, словно наливаясь кровью, звездочка импульса на приборе контролера-автомата поползла вверх, подрожала, достигнув середины шкалы, и снова стала сползать и бледнеть. Сигнал поступал с сорок четвертого участка, примыкавшего к морю. Федор выбежал на крыльцо. Испещренная клетками бассейнов огромная лагуна поблескивала миллионами

пузырей, шипела и стонала. От нее несло холодом.

«Надо осмотреть этот сорок четвертый», — подумал Федор. Он открыл дверь, чтобы сообщить о своей отлучке на главный диспетчерский пункт, и застыл на пороге: экран видеофона на пульте светился, в его глубине, занимая все пространство, лежал кристалл. Точеный октаэдр поблескивал треугольными плоскостями, вспыхивал искорками цвета переспелого граната с фиолетовым отливом. Казалось, что это никакой не кристалл, а сосуд в форме кристалла, наполненный огненной жидкостью.

— Хороша игрушка? — услышал он измененный динамиком голос жены. — Вот какие подарки приносят женщинам настоящие мужчины.

— Андрей? — догадался Федор, и сердце его упало.

И тут на экране появилось лицо Андрея, сильно изменившееся за годы, пока он его не видел, осунувшееся и бледное, как у большинства космонавтов.

— Здравствуй, дружище! Извини, старина, не удержался. Нашел эту штучку в космическом мусоре и решил подарить Тоне. Ты же знаешь...

Федор молчал, приходя в себя. Ему ли не знать! Семь лет, сколько женат, тщетно борется он с ревностью, стараясь подавить в себе это недостойное чувство, неизвестно с какими генами доставшееся ему по наследству.

Когда-то еще в университете у них сложился классический треугольник: Федор Буренков — Тоня Коновалова — Андрей Карпинский. Андрей был первым щеголем на курсе, к тому же он специализировался по космической технике, и Федор почти не сомневался; что в этом треугольнике ему уготована роль тупого угла. Тоня тоже увлекалась космической техникой, что еще понижало и без того ничтожные шансы Федора. Но судьба любит играть с людьми в жмурки. На выпускном вечере, когда был объявлен многозначительный белый вальс, Тоня демонстративно через весь зал пошла к нему, к Федору.

Через месяц играли свадьбу. Андрей тогда целый вечер просидел молчаливый. А на другой день ушел работать в метеоритный патруль. Ушел, как он говорил, чтобы только оторваться от земли, по которой ходила Тоня. Но так там и прижился, став, как он сам себя называл, небесным дворником...

— Ты чего молчишь? — забеспокоился Андрей.

— Здравствуй, — угрюмо ответил Федор. — Где ты ее взял?

— Кого?

— Вот эту... этот кристалл.

— Я ж говорю: нашел в космическом мусоре. Ты даже не представляешь, сколько всего летает в космосе. Иногда попадается интересное, вроде этого кристалла. Я его в термостате привез. Чтоб сохранить космический холод.

— Кусочек космоса! Прелесть! — воскликнула Тоня откуда-то из-за экрана. — Приезжай, Федя, пока он не оттаял.

— Да он, похоже, никогда не оттает, — сказал Андрей. — Поразительная теплостойкость. Три часа лежал на солнцепеке, а ничуть не согрелся.

— Похож на гранат, — сказала Тоня.

— У граната ромбовидные плоскости, — сердито поправил Федор.

— Похож на гранат, — упрямо повторила Тоня. — А форма алмаза.

— Загадочный кристалл, — сказал Андрей. — Вроде неземной, а был почти на круговой орбите...

Федор вдруг вспомнил, что Андрей три часа как приехал, и заметался по комнате, словно заяц, почувствовавший на спине когти совы. «Три часа, а мне сообщили только теперь?!»

— Федя, ну как тебе не стыдно! — услышал он голос жены. Она всегда понимала его, хотя и не торопилась утешать: ей почему-то доставляли удовольствие его мытарства. — Приезжай скорей.

— Я не могу, — сказал он, заставив себя успокоиться. — Надо бассейны осмотреть.

— Андрей вечером улетает.

— Не могу.

— Я сам к тебе приеду. Можно? — спросил Андрей.

— Не боишься нашей липучки?

— Я же космонавт.

— В космос все хотят, а к липучке никто не рвется. Брезгуют или боятся. А чаще потому и боятся, что брезгуют.

— Про твою липучку каких только ужасов не рассказывают. Будто она может сожрать человека быстрее мифического межзвездного вампира.

— Не знаю. У нас с техникой безопасности все в порядке.

— Но ведь дыма без огня не бывает.

— Раза два или три чайки попадали.

— Ну и...

— Растворялись через минуту.

— Вот видишь!

— Боишься?

— Нет, я приеду...

Федор посидел перед погасшим экраном, стараясь разобраться в новых, нахлынувших на него мыслях. То, что сообщил Андрей, никак не укладывалось в голове. Это было просто невозможно, чтобы кристалл не нагревался, лежа на солнцепеке. Или он обладает немислимым свойством полностью отбрасывать солнечные лучи, или, что еще более немисливо, поглощать. «Теплоемкость», — сказал Андрей. Но ведь это не что иное, как аккумулятивное, накапливание энергии. То самое, над чем он, Федор Буренков, работает столько лет..

Энергия! Энергетическая проблема, вот уже двести лет сохраняющая за собой не слишком почетный титул проблемы номер один всей физики!..

Федору казалось, что люди, жившие до двадцатого века, были совершенно счастливы. Потому что не знали этой проблемы, не оглядываясь, рубили леса, не задумываясь, качали нефть, не останавливаясь, гребли уголь. Будущее многим, наверное, представлялось безоблачным. Новые машины позволяли добыть больше горючего, а там проектировались еще новейшие машины. Кривая обогащения безостановочно ползла вверх и не приходилось беспокоиться, что она начнет падать.

Она так и не начала падать. Она просто оборвалась. К счастью, общественное мнение уже было подготовлено к переменам, а в мире произошли социальные изменения, позволившие предотвратить катастрофу. Но еще и теперь Федору становилось жутко от мысли, что могло случиться, если бы ко времени Большого экономического кризиса природные богатства оставались в руках эгоистичных собственников.

Гордые люди рвались на штурм энергетической проблемы с прямолинейностью «царей природы». Энергия? Да она ж вокруг!.. Но насытить рассеянной энергией промышленные узлы оказалось труднее, чем накормить слона комарами. Достаточную плотность энергии не могли дать ни гелиоустановки, ни геотермальные, ветровые, приливные и прочие станции. Использование термоядерных установок, как ни странно, уперлось в ту же невозможность получить нужную плотность в плазменном шнуре. Одно было упование — на атом. Но этот путь создал острейшую проблему радиоактивных отходов.

Тогда-то ученые и попытались скопировать природу. Начались поиски сверхактивных микроорганизмов, которые процесс накопления органики, занявший в естественных месторождениях миллионы лет, свели бы до нескольких месяцев.

«Выращивать нефть?!» — потешались скептики. Но работы шли. И вот появилась липучка...

— Куча взбесившихся микробов! Бр-р!.. Человек достиг совершенства, создавая искусственную природу, а не приспособливаясь...

Так говорила Тоня, когда Федор особенно долго задерживался у своих бассейнов. И каждый раз брезгливо принималась. Он не спорил, только недоумевал: можно ли аморфным понятием «нравится — не нравится» оценивать такое важное дело?!

В открытую дверь донесся шум двигателей, и Федор вышел на крыльцо, точно зная, что это спешит педантичный Андрей. Солнце опускалось к горизонту, море светилось так, словно в его глубинах горели тысячи прожекторов. Косые лучи феерически вспыхивали на миллионах пузырей кипящей липучки, отчего вся лагуна казалась таинственным многоцветным миром неведомой планеты из фантастического фильма.

Катер на воздушной подушке вынырнул со стороны солнца. Высоко задирая нос, он лихо пронесся над берегом и плюхнулся в пяти шагах от Федора, взметнув сухую пыль.

И тут Федор снова услышал зудящий звук на пульте и, оглянувшись в раскрытую дверь, увидел, как налившаяся кроваво звездочка импульса поползла по шкале, указывая недопустимые напряжения в дамбе того же сорок четвертого бассейна. Только кинув взгляд на прибор, Федор метнулся к катеру, вскочил в него и, даже не поздоровавшись с Андреем, рванул рычаги. Машина дернулась, развернулась на месте и, скатившись с обрыва, понеслась вдоль кромки воды.

Летевшая мимо береговая отмель упиралась в крутой склон, над кромкой которого виднелись сетки заграждений. Раздутый воздухом длинный пластиковый подол катера хлопал по выступавшим из воды камням. За кормой стеной вставала водяная пыль, и в ней висела сочная близкая радуга.

— Что случилось? — крикнула Тоня.

— Счас... погоди... — односложно ответил Федор, всматриваясь в берег.

Не больше двух минут продолжалась эта гонка, во время которой, как про себя отметил педантичный Андрей, катер проскочил почти восемь километров. Потом Федор еще немного провел машину над отмелью, поднял ее, резко опустил на самую кромку обрыва и выскочил, побежал по белесому стеклобетону дороги, идущей по дамбе.

— Оставайтесь там! Не подходите! — крикнул он на бегу.

Остановившись возле приборной коробки, Федор откинул крышку, осмотрел высокие пики диаграмм на лентах самописцев. Затем связался по радио с диспетчерской, вызвал дежурную группу контролеров-исследователей. И лишь после этого спокойно пошел обратно к оставленному у обрыва катеру.

Андрей стоял возле заградительной сетки, с любопытством смотрел, как вспухали радужные пузыри и лопались с глухим стоном, обдавая холодным ветром.

— Вот она какая, твоя липучка! — восторженно сказал он, когда Федор подошел к нему. — Она в самом деле липкая?

— Можно потрогать. Разумеется, там, где она пассивная.

— Это где же?

— В лаборатории. В бассейнах мы вводим подкормку-катализатор, и агрессивность микробов возрастает тысячекратно.

— Это что же, обычные микробы? — В его голосе слышалось разочарование.

— Не совсем обычные. Даже совсем необычные. Это специально выведенные штаммы.

— Зачем же их сделали агрессивными?

— Они просто активны, и это их главное достоинство. Микробы липучки размножаются и растут в миллионы раз стремительнее любых других. Для роста нужна энергия, и они берут ее от солнца, утилизируя почти всю. И столь же быстро погибают, оседая на дне бассейнов коричнево-фиолетовой жижей, похожей на мазут не только по цвету, но и по калорийности.

— А зимой?

— Зимой мы выбираем концентрат, отправляем в специальные реакторные установки и получаем ту энергию, которую липучка накопила за лето. Она лишь посредник. Посчитай: в солнечные дни каждый квадратный метр бассейнов концентрирует до десяти киловатт-часов в пересчете на электроэнергию. Общая площадь этих «плантаций искусственного горючего» — тридцать квадратных километров. Наша годовая энергетическая выработка — почти сто миллиардов киловатт-часов.

— Прилично!

— Прилично, — удовлетворенно подтвердил Федор.

— А эта ваша... «зверюга» не вырвется из-под контроля?

— Не вырвется. К тому же без подкормки-катализатора она обычный микроорганизм.

— А если она научится обходиться без вашего катализатора? А если вырвется в моря, выползет на сушу?!

— О чем это вы? — спросила Тоня, неожиданно подойдя сзади, и оба они вздрогнули.

— Андрею липучка не нравится...

— Ужас! — тотчас откликнулась Тоня. — Кошмар из фантастического романа.

— Древнее предубеждение! — рассердился Федор. — Во все века ассенизаторов презирали, а обходиться без них не могли.

— При чем тут ассенизаторы?

— При том, милый! — многозначительно сказала Тоня, искоса взглянув на Федора.

— При том, — сердито подтвердил он. — Вот это что, по-твоему? — Федор потер ногой выпуклость, протянувшуюся вдоль сетки. — Это канализационная труба. Липучка пожирает все, что имеет отношение к органике. И превращает в массу, способную гореть. К тому же в процессе жизнедеятельности выделяет большое количество кислорода. Чувствуешь, как дышится?

— Действительно! — Андрей, кажется, только теперь пересилил себя и вздохнул полной грудью. И задышал, удовлетворенно улыбаясь.

— Ребята! — взмолилась Тоня. — Плюньте вы на эту противную слизь. Давайте лучше подарок посмотрим. Я этот кристалл с собой захватила. В термостате.

Улыбаясь, они повернулись к ней, наклонились над белой массивной коробкой термостата. И тут услышали глухой утробный вздох и почувствовали, как дрогнула земля под ногами.

Какое-то время Федор с ужасом смотрел, как обламывался стеклобетон дамбы, ошметками проваливался в черную разверзшуюся яму, из которой выпирали, лезли друг на друга тугие пузыри. Потом кинулся к приборной коробке, закричал так, словно его могли не услышать:

— Прорыв на сорок четвертом! Поднять все аварийные машины! Все до одной!..

И снова подбежал к краю провалившейся дороги. Фиолетовая жижа тяжелым валом шла через проран, сползала к морю и растекалась тонкой пленкой, не добежав до воды. Липучка в бассейне и в проране вела себя как-то странно: огромными парусами вспухали радужные пузыри, лопались с надрывным стоном, обдавая лицо ледяным дыханием.

Проран все расширялся, словно липучка съедала саму землю. Федор с отчаянием посмотрел вдоль берега, откуда должна была появиться эскадрилья аварийных вертолетов, но небо было чистым, густело вечерней синевой. И тогда он решился. Разбежавшись, прыгнул через пузыри к катеру, стоявшему по ту сторону провала. Почувствовал в последний момент, как большая пластина стеклобетона рухнула от толчка. Уже в воздухе догнал его отчаянный крик:

— Фе-едя-а!..

И обожгла мгновенная тоска. Он упал на живот, проехал по инерции. Вскочив, бросился к катеру, поднял его над прораном и... выключил двигатели.

— Федя-а! — В голосе жены был никогда не слышанный им ужас.

Катер рухнул в фиолетовую жижу, резко накренившись, стал тонуть. Федора обожгло холодом близкой липучки, но он успел выскочить на край прорана. И все же липучка облепила его ногу, потянула назад. Ногти скользили по гладкому стеклобетону. Федор чувствовал, что еще мгновение и он сползет в густое хищное месиво. И тогда все. Утонет, как

в трясине, и уже через несколько минут от него не останется ничего.

Он почувствовал, что его схватили за руку. Метнул взгляд, увидел Андрея, напружинившегося, упершегося обеими ногами в серый стеклобетон.

— Держись! — твердил Андрей. — Держись! — Но видно было, что и у него не хватает сил перебороть липучку.

Стараясь не суетиться, Федор опустил другую, свободную, ногу, нащупал застежку ботинка и сорвал ее. Ботинок соскочил, липучка, плотноядно чмокнув, сразу опала.

Вскочив на ноги, Федор кинулся к обрыву. Липучка уже не шла валом, а, загороженная катером, только сочилась. Он оглядел горизонт и снова не увидел вертолетов. Ему казалось, что прошло слишком много времени. В этот миг он не осознавал, что даже время, неизменное время, в разных обстоятельствах для разных людей может идти по-разному.

Поток липучки снова начал увеличиваться, и Федор заметался глазами — чем еще можно его остановить? И тут увидел Тоню. Она опасно приближалась к прорану, неся термостат на отставленной руке, словно ведро, полное воды. У края Тоня открыла крышку и, наклонив термостат, «выплеснула» в липучку поблескивающий кристалл.

— У него же космический холод. Может, заморозит немного? — оглянувшись на Федора, виновато спросила Тоня.

По липучке прошла судорога. В том месте, куда упал кристалл, образовалось белое пятно, которое все расширялось. Пузыри вокруг него вздымались лениво и словно обесцвечивались. Липучка вела себя точно так, как обычно в конце периода созревания, когда ее лишали подкормки катализатором.

«Почему бы это? — недоумевал Федор, сразу позабывший о только что пережитом. — Кристалл убивает микроорганизмы? Или, может, ускоряет созревание?..»

С моря донесся гул: вдоль берега над самой водой шли восемь вертолетов с подвешенными снизу большими черными грушами. В них был быстротвердеющий стеклобетон.

Через полчаса дамба была восстановлена, обвисшая сетка заграждения поставлена на место, а вырвавшаяся на отмель липучка полита нейтрализующим раствором, ослаблена. Сразу налетели чайки, торопливо принялись клевать зыбкую массу, словно мстя за страх перед ее хищным нравом, словно боясь, что она снова оживет...

Возвращаясь на одном из вертолетов, Федор смотрел на чаек, на быстро темневшее море, на растекавшееся по горизонту закатное солнце и все думал о кристалле, похороненном в глубине дамбы. Его не беспокоила причина прорыва, хотя в этом и таилось что-то грозное, — этим займутся микробиологи и выяснят все. Он думал о том, почему не нагревался кристалл. И находил только одно объяснение. Потому что поглощал всю падавшую на него энергию. Значит, там, на орбите, он тоже поглощал? Сколько времени? Год или тысячу лет? Значит, в дамбе лежит настоящая бомба, мощность которой невозможно представить. И значит, надо кристалл немедленно доставать, отправлять на орбиту или еще дальше. И там исследовать. Непременно исследовать. Потому что кристалл, как и липучка, тоже накопитель энергии, только неизвестный, более совершенный. Если все так, то в нем, в кристалле, решение главной земной проблемы...

Федор представил на месте «противной» липучки по всей лагуне россыпь красивейших кристаллов и покосился на жену, сидевшую у соседнего иллюминатора. Как она встречала бы его, возвращавшегося с работы?

Словно почувствовав, что он думает о ней, Тоня улыбнулась и вдруг прильнула к нему.

— Милый ты мой!

Он погладил ее по спине и отстранил, сам удивляясь спокойствию, с каким принял ласку.

— Андрей, — сказал он задумчиво, — ты говорил, что кристалл был на орбите. Полетай-ка там еще.

— Ты думаешь?!

— Да, да, поищи, пожалуйста.

— Спасибо, не надо, — сказала Тоня, по-своему поняв его слова.

— Похоже, это топливный элемент.

— Что?!

— Если один потеряли, то почему не могли потерять другой?

— Потеряли? Кто потерял?

— На Земле таких нет, стало быть... Забудь о своем мусоре, ищи. Найдется же хоть еще одно такое... «жемчужное зерно». Может быть, в нем все наше будущее... Не мое и твое, а все наше.

Тоня смотрела на мужа с любопытством и страхом. Он привлек ее к себе, обнял. Он не стал говорить, что сегодня же сядет писать докладную записку с просьбой разрешить уничтожить липучку во всем сорок четвертом бассейне и снова разрушить дамбу. Надо искать кристалл. В свое время Тоня узнает об этом. А пока пусть хоть немного почувствует себя героем. Пусть погордится своей находчивостью и щедростью...

ДЕЛО ОБ УБЕГАЮЩИХ ЗВЕЗДАХ

— Сколько звезд на небе?

— Сколько вам надо?

Иван Иванович, невысокий лысый пенсионер, сидевший на скамье возле своей калитки, с удивлением посмотрел на стоявшего перед ним младшего лейтенанта милиции.

— Не ожидал такого от представителя власти.

— Чего «такого»?

— Неопределенности. В вашем деле главное что? Учет.

— Дела небесные не подлежат земному учету.

— Ошибаетесь. Даже звезды должны быть пересчитаны.

— Они и пересчитаны.

— Сколько же их?

— Смотря как поглядеть.

— Ну вот так если.

Он из-под руки посмотрел вверх и засмеялся вызывающе.

— Простым глазом — тыщи три. В бинокль, может, тридцать три. А в телескоп — весь миллион.

— А в самый-самый?

— Миллиарды.

— Та-ак, — разочарованно протянул Иван Иванович. — Значит, нет учета.

— А чего это вы звезды считать начали? — удивился младший лейтенант.

— Да хотел узнать: учтена та звезда ай нет? Первый я ее увидел ай нет? Понимаешь, младшой, пятый день гляжу, как она то потухнет, то погаснет...

— Мало ли чего в небе гаснет...

— Не скажи. Каждый день в одно и то же время, в одном и том же месте.

— Ну... не знаю.

— Так узнай. Для того и рассказываю как представителю власти.

Младший лейтенант милиции Чуприн считал себя человеком очень занятым: служба, да учеба на заочном юрфаке, да продавщица Нюра из продовольственного магазина — все это не оставляло времени для того, чтобы выспаться. Поэтому он со значением посмотрел на часы, собираясь сказать, что ему пора идти, но вместо этого спросил:

— А когда это бывает?

— Точнехонько в двадцать два ноль-ноль. Полчаса осталось.

Чуприн еще взглянул на часы и вздохнул:

— Ладно, полчаса подожду, но... глядите у меня!

Он сел рядом на скамью, осмотрел улицу — сначала слева направо, потом справа налево. Улица эта была одним из участков его большого поста, и знал он ее как свой карман. Одноэтажные домики, доживавшие свой век на окраине в ожидании, когда городские небоскребы вытеснят их и отсюда. Старая дорога с выщербленным асфальтом, не ремонтируемая потому, что здесь по генеральному плану запроектирована автомагистраль. Зеленый забор в конце улицы, за которым виднелась крыша небольшого заводика прохладительных напитков и торчала черная железная труба. Завод этот не работал, и Чуприн слышал, что по реконструкции района его должны снести, но забор вокруг выглядел как новенький: кто-то аккуратно подкрашивал его. Чуприн не раз собирался обследовать завод, опасаясь, как бы местные мальчишки не облюбовали его для своих «секретных» забав, но не знал, с какой стороны подступиться: на плотных железных воротах висел большой замок.

Во дворе, примыкавшем к заводу, залаяла собака, и Иван Иванович тотчас вскочил на ноги, потянул Чуприна за рукав.

— Вот счас, она как раз перед этим лает. Гляди во-он туда, где тучка.

В потемневшем вечернем небе и в самом деле мигнула искорка, подрожала секунду и погасла.

— Ну и что?

— Что? — переспросил Иван Иванович.

— Дальше-то?

— Все уже. Завтра приходи в это время.

— Делать мне больше нечего.

— Неинтересно, значит?

— В небо пускай астрономы глядят.

— Конечно, — ехидно сказал Иван Иванович. — Только вот собака.

— Что собака?

— Да все думаю: откуда она понимает в астрономии?

Собака — это было уже серьезно, к собакам Чуприн привык относиться с почтением.

— Ладно, — сказал он, — завтра приду, разберусь.

В одиннадцать, докладывая начальнику об итогах службы, Чуприн как бы между прочим все же сказал о таинственной звездочке. На всякий случай. Чтобы не говорили потом, что не докладывал. Как он и ожидал, начальник не обратил на это никакого внимания. Тайнами милицию трудно было удивить. Тайны были сродни нераскрытым делам, поэтому в отделении их не любили, предпочитая ясные и четкие понятия и формулировки. Это Чуприн знал не хуже других. И он не стал повторяться, решив как следует доложить по выяснении.

Было самое темное время суток, когда он направился домой. В глубине улицы висела над горизонтом блеклая заря, дававшая местной газете повод писать о белых ночах. Видимо, поверив газете, электрики не включали уличное освещение. Впрочем, настоящего ночного времени было совсем мало. Это Чуприн знал по собственному опыту. Не далее как третьего дня, провожая Нюру, мысленно ругал ночь за то, что она такая короткая. Но теперь эта летняя ночь показалась ему длинной. Потому что не было Нюры и хотелось спать.

Чуприн шел и зевал, торопя время, представляя себе, как придет домой, скинет сапоги и завалится спать. Он зевнул в очередной раз и резко захлопнул рот: за его спиной послышался четкий и ясный стук сапог. Оглянулся и никого не увидел: улица была пуста, слабо поблескивала отражениями зари. Успокоившись, Чуприн снова пошагал по асфальту. И сразу же снова услышал шаги. Выждал немного, резко оглянулся, и опять никого. Это было уже черт знает что. И вообще все вокруг казалось каким-то странным. Куда-то попрятались обычные ночные парочки, и таксисты словно бы объезжали эту улицу, и тишина висела такая, какой он никогда и не слыхал. Только где-то далеко-далеко надсадно, по-волчьи, выла одинокая собака.

Так он и дошел до своего дома, никого не увидев.

Наскоро ополоснувшись под краном, Чуприн по-детски с головой залез под одеяло и уснул. Проснулся, как ему показалось, сразу же от дикой песни под окном:

— Ой, бел мороз,

Белая метелица.

Много моли развелось —

Пиджаки шевелятся!..

Ночная компания прошла, и сразу же песня приглушилась, загороженная домами. Но Чуприн уже не мог уснуть, ворочался и почему-то все думал о нелепой песне. Вдруг ему почудилось, что тужурка, висевшая на стене его холостяцкой комнаты, повела плечами, словно бы поежилась, а потом начала попеременно махать рукавами, как на строевых занятиях. Чуприн сам удивился, что ничуть не испугался этому, встал, вынул из кармана удостоверение личности, отнес тужурку на кухню и захлопнул дверь.

Всю эту ночь он то засыпал, то просыпался, снились ему хороводы бабочек моли, белыми звездочками кружившиеся в ночном небе. Чуприн подпрыгивал, хлопал ладошами, стараясь поймать хоть одну, но бабочки ускользали меж пальцев, и получалось, что он не охотится, а аплодирует...

Несмотря ни на что Чуприн проснулся бодрым. Как всегда, наскоро помахав руками и проглотив свой неизменный утренний бутерброд, то есть отдельно кусок хлеба с чаем и отдельно кусок колбасы с чаем же, он сел к столу, заваленному учебниками, и... стал смотреть в окно. А за окном было лето, девушки ходили насквозь прозрачные, спасаясь от солнца под цветастыми зонтиками. Чуприн вздохнул и потянулся к окну, чтобы задернуть занавеску, отгородиться от соблазнов. Но вдруг увидел свою Нюру под руку с каким-то немолодым гражданином, одетым не по-летнему — в черный костюм с галстуком.

Чуприн оделся, как по тревоге, за одну минуту. Выскочив на улицу, бодро прошел два квартала. Бежать в милицмейской форме было никак нельзя, это привлекло бы к нему внимание всей улицы, а Чуприну хотелось незаметно пройти за Нюрой, выяснить, с кем это она и чего это, не стесняясь, ходит с другим под его окнами. Нюра ему нравилась, потому что была красива. Но красивые всем нравятся. Это было ее достоинство, и это же был ее недостаток. Чуприн был человеком трезвого склада ума и принимал ситуацию как должную. Но трезвый склад ума не освобождал от мук душевных, скорее даже усиливал их. Как сдерживание реки плотиной усиливает напор воды.

Парочка остановилась на тротуаре как раз в тот момент, когда Чуприн переходил площадь. Он заметался, оставшись в одиночестве на середине площади, и, не придумав ничего лучшего, встал в позу регулировщика. Но машин, как назло, ни одной не было. Покрутившись на месте, Чуприн решил, что все равно нехорошо, и напрямик пошел через площадь. Но пока он крутился, Нюрин ухажер куда-то исчез. И, что совсем уж было странно, Нюра вроде бы совсем не замечала Чуприна, плыла по тротуару своей легкой, как у балерины, походкой.

Эх, Нюра, Нюра, неужели новый знакомый так поразил тебя, что ты перестала замечать старых друзей?! Вопрос этот гвоздем воткнулся в душу младшего лейтенанта милиции. И Чуприн со свойственной ему решимостью собрался теперь же дознаться ответа. Он заспешил за Нюрой, чтобы догнать и посмотреть в ее чистые, всегда удивленные глаза. Но, как ни

торопился, не мог догнать, Нюра словно бы и не спешила, а расстояние до нее все не уменьшалось. Зачем-то она свернула в улицу, ведущую к еще не застроенному пустырю, не оглядываясь, пересекла пустырь по извилистой тропе и оказалась на бог весть какой дальней окраине города. Тут было совсем безлюдно, и Чуприн решился наконец побежать бегом. Но Нюра вдруг сама остановилась и повернулась к нему, прижавшись спиной к забору. От неожиданности Чуприн опустил глаза, а когда поднял их, не увидел Нюры. Не было ее ни справа, ни слева. Оставалось предположить, что она каким-то образом в один миг перепрыгнула через забор. Чуприн ринулся к тому месту, где только что была Нюра, заученным, как на тренировках, движением вскинул ногу, подпрыгнул, схватился за верхние доски забора и... едва не упал: доски были нестерпимо горячими, словно их только что вынули из печи.

Не в силах понять случившееся, Чуприн долго ходил по улицам, мучая себя воспоминаниями. Потом догадался пойти в магазин. Нюра как ни в чем не бывало стояла за прилавком. Она знакомо улыбнулась Чуприну и удивленно вскинула брови, не увидев на его лице обычной ответной улыбки.

— Что случилось? — невинно прощебетала она.

— Тебе лучше знать, — загадочно ответил Чуприн. И гордый своей мезтью, пошел к выходу.

Служба в этот день шла как-то суматошно. Его без конца одолевали старушки, просившие перевести через улицу. А то какой-то пацаненок, решив, что его трехколесный велосипед тоже транспорт, выехал на проезжую часть. А то двое друзей-пенсионеров, сидя на скамеечке в парке, допоминались до того, что их пришлось отправлять в отделение милиции. Только в десятом часу вечера он вспомнил об убегающих звездочках и заторопился к дому Ивана Ивановича, но тут увидел того самого гражданина, который водил Нюру по городу. Гражданин этот быстро шел по улице, бесцеремонно раздвигая прохожих, и Чуприну пришлось поторапливаться, чтобы не отстать.

«Зачем я за ним иду? — подумал младший лейтенант. — Любовные вопросы не решаются выяснением отношений между мужчинами». Но едва он это подумал и остановился, собираясь повернуть обратно, как тут же увидел, что из-под полы у гражданина что-то выпало.

— Гражданин! — крикнул он, обрадовавшись объявившемуся поводу для знакомства. — Вы обронили!..

Но гражданин вдруг куда-то исчез.

На земле лежал бумажник из тисненой кожи. А в нем тяжелая пачка сотенных в банковской упаковке.

— Гражданин! — теперь уже властно крикнул младший лейтенант.

С бумажником в руке он добежал до угла и никого в переулке не увидел. Только заблудшая дворняга, поджав хвост, опрометью бежала посередине дороги.

Бумажник — это было уже серьезно, это не любовные фигли-мигли, не прыгающая через забор Нюра, даже не марширующий мундир. Все можно было принять за галлюцинации. Доложи об этом начальнику, тот бы только покачал головой: «У вас это от переутомления на почве перегрузки мыслительных центров детективной ерундой». Но бумажник! Никогда еще Чуприн не держал в руках таких денег, да и был уверен, начальник тоже. Такие деньги могло носить с собой или очень ответственное лицо, или жулик. В растерянности Чуприн прислонился к фонарному столбу и... отскочил. Столб был горячий...

— Вы не увлекаетесь фантастикой? — спросил начальник, когда Чуприн в самых осторожных выражениях доложил ему об исчезновении черного гражданина. — Есть такой закон: ничто в природе не исчезает бесследно.

— А он и не бесследно, — обрадовался Чуприн. — Столб горячий оказался.

— Ну и что?

Это был всем вопросам вопрос, и начальник знал его магическую силу. Когда хотел остановить бурную фантазию своих подчиненных, спрашивал заинтересованно: «Ну и что?» И подчиненные сразу свергались с небес на землю, к фактам и точным доказательствам.

Чуприн растерянно пожал плечами и сразу вспомнил, что точно так же прошлой ночью пожимала плечами его тужурка. И почему-то расстроился. А потом рассердился на себя, решил, что завтра, если увидит Нюру или того черненького, или еще кого подозрительного, то уж не даст себя облапошить, а сразу в свисток и — «Давайте пройдемте!». Иначе придется признать, что все это галлюцинации, и проситься на медкомиссию.

С этой решимостью он шел домой по пустынной, как и вчера, улице, шел прислушиваясь, ожидая снова услышать шаги таинственного преследования. Но ничего не услышал, улица была обычной. И тужурка на этот раз не танцевала на стене, и никто не горланил под окнами, и сон был, как всегда, спокойный, по принципу «лег — встал». Лег вечером, встал утром бодрый и свежий, без какой-либо чертовщины и пугающих сновидений.

«Видно, и в самом деле почудилось вчера», — с горечью думал Чуприн, прикидывая, как получше сказать начальнику о своих видениях. С мыслью о медкомиссии он уже смирился, ему нестерпимо было думать, что товарищи начнут поглядывать на него с опасливым любопытством, как на человека, у которого не все на месте.

В этот день Чуприн изменил свой обычный маршрут и, заступив на пост, прежде всего пошел к Нюре. За прилавком он увидел другую продавщицу. Такое и прежде бывало, но теперь неизвестно почему беспокоило его.

— А где же ваша подружка? — как можно спокойнее спросил он, перегнувшись через конфетные горы на прилавке. Он всегда так спрашивал, и всегда Нюрины подружки томно закатывали глазки и говорили, что подружка выбежала на минуточку, что сейчас она явится, раз явился он. Однако на этот раз получилось по-другому. Продавщица испуганно взглянула на него и почему-то посмотрела на потолок.

— Горе-то какое! У нее мать при смерти, телеграмма пришла.

— Когда?

— Что «когда»?

— Когда телеграмма пришла? — рассердился Чуприн.

— Да вчерась же, как вы были, так следом за вами сразу.

— И что она?

— Кто?

— Да Нюра же?

— Уехала. Взяла отпуск на неделю и уехала.

— А кто принес?

— Чего?

— Телеграмму! — заорал Чуприн.

— Человек, — обиделась продавщица. — С почты. Черненький такой...

— Черненький?! Плащик коротенький? С палкой?

— Ну.

— Ага! — торжествующе воскликнул Чуприн. — Вы его видели?

— Видела. Тоже спросил: «Где же ваша подружка»?

В груди у Чуприна что-то заныло, как перед трудным экзаменом на юрфаке. Значит, никакая не галлюцинация этот черненький, значит, в самом деле вчера он прохаживался с Нюрой и все объясняется просто: они сбежали, а он прошляпил.

— Ну погоди же! — угрожающе сказал Чуприн и вышел на улицу. На улице было тихо и солнечно. Он подергал себя за ворот рубашки, чтобы остудить вспотевшее горло, тоскливо осмотрелся, больше всего желая, чтобы именно сейчас подошла к нему очередная старушка с просьбой перевести через улицу. Но все было не как вчера: старушки сами бодро шагали через дорогу, малыши катались в бульварчике, не помышляя нарушать правила движения, все люди были как люди — спокойные, трезвые, занятые.

Помаявшись возле магазина, Чуприн пошел по улице к окраине, называвшейся его милицейским постом. И вдруг вспомнил про знакомого пенсионера Ивана Ивановича и про таинственные звездочки. Это было какое-никакое дело, которое могло отвлечь от тяжких раздумий. Он прибавил шаг и еще издали увидел Ивана Ивановича. Тот, как обычно, сидел на своей скамеечке, только был почему-то в галошах на босу ногу.

— Фантастику не читаете? — спросил Иван Иванович точно так же, как вчера начальник.

— Не читаю, — сердито ответил Чуприн, подумав, что начальник, узнай он обо всех его мытарствах, мог сказать и не такое.

— Зря, а я балуюсь.

— Вы?

— Чего такого?

— Так прежде вроде...

— Все течет, все изменяется, — назидательно сказал Иван Иванович и поднял палец. — В одну реку нельзя войти дважды...

Чуприн с удивлением смотрел на Ивана Ивановича, заговорившего вдруг таким мудреным языком, да еще на «вы».

— ...Так вот, значит, я и говорю: вчера не читал, а сегодня читаю. Вот. — Он вынул из кармана книжку, удивив Чуприна очередной несуразностью: книга толстая, а в кармане лежала, не оттопыривалась и выпала как-то сразу, не зацепившись никаким углом. — Любопытное это произведение. Хотите послушать?

— Давайте, — вздохнул Чуприн, поглядывая на черный палец трубы, уставившейся на

одинокую тучку в небе.

— Вы на трубу не глядите. Сегодня там ничего интересного не будет.

— А вчера было?

— Вчера было, а сегодня не будет.

— Вы почему знаете?

— В книжке написано. Если разобраться, все, что есть и будет, все уже было. Вот тут, — он постучал пальцем по твердой обложке, но стук вышел каким-то мягким, словно обложка была из ваты, — тут говорится как раз о таком случае: был всеми забытый заводик, где обосновались...

— Бандиты? — спросил Чуприн.

— Обосновались пришельцы из другого мира. Просверлили они землю и устроили рудник, стали добывать эрбу...

— Чего это? — равнодушно спросил Чуприн.

— Такая жидкость. Она в камне содержится. Стали, значит, они ее добывать...

— Контрабандно?!

— Как вам сказать? Дело в том, что эрба людям совсем ни к чему, они даже и не знают о ее существовании. А на Земле ее больше, чем воды в океанах.

Чуприн начал соображать, чего на Земле больше, чем воды, и ничего не придумал. Разве что самой земли?

— О базальте слышали? — спросил Иван Иванович. — Все, что на поверхности планеты — и моря, и поля, и горы — на нем лежит.

— И города?

— И города. Базальт — это вроде как фундамент всему.

— Как же его можно ковырять, фундамент, да еще без спросу?

— Я ж и говорю: много его на Земле. Стали они добывать эрбу, превращать ее в излучение и отправлять в космос...

— Воровски как-то. Чего ж не по-человечески? Связались бы с властями, так, мол, и так, вам вроде ни к чему, а нам позарез...

— А вы вот лично можете отдать то, что вам не нужно? — неожиданно спросил Иван Иванович.

— Пожалуйста. — Чуприн пожал плечами и принялся ощупывать себя. Но все вроде было на месте, все нужно.

— Билет автобусный у вас в левом кармане. Отдайте его мне.

Пошарив в кармане, Чуприн и верно вынул билет. Вспомнил, что еще на прошлой неделе ездил с Нюрой в кино. Сам, как положено, без билета в автобусе ехал, а на Нюру взял. И сунул в карман, поскольку билет был «счастливым»: номер — сплошные пятерки. Счастья он

ему, правда, не принес: Нюра в тот раз ушла рано, сказав, что кино она и дома может посмотреть по телевизору.

Чуприн разгладил билет на ладони, снова подивившись такому редкому номеру — из одних пятерок, и вопросительно посмотрел на Ивана Ивановича.

— А зачем он вам?

— Вот видите? Самому не нужно, а отдать жалко. Вы думаете, один такой?

— Да не жалко! — растерянно сказал Чуприн. — Я и нужное отдам, если надо. Но ведь интересно же узнать...

В этот момент за зеленым забором что-то зашумело, словно там вдруг высыпали на железный лист целый кузов шлака. Чуприн оглянулся, и показалось ему, что труба качнулась. Звездочек в небе никаких не было, но, как и позавчера, запахло послегрозовой свежестью, а собака во дворе уже не завывала — зашлась на самой неистойой тоскливой ноте.

«Э-э, непорядок!» — подумал Чуприн и пошел к забору с намерением теперь же перелезть через него. Но вдруг остановился от неожиданной мысли: «Откуда этот странный сегодняшний Иван Иванович узнал про билет в кармане?»

Он резко повернулся, но никого не увидел. Стояли под скамьей одни только галоши, и от них шел белый дымок, как от сухого льда у знакомой мороженщицы на вокзале. Галоши быстро таяли, исчезали, не оставляя луж.

— Э-э! — сказал Чуприн и бессильно опустился на то место, где только что сидел Иван Иванович. И тут же вскочил, принялся хлопать себя по штанам: скамейка была нестерпимо горяча.

За забором тем временем все утихло, и собака успокоилась. Чуприн в растерянности постоял перед скамьей, подумал и решил, что надо теперь же идти к начальнику и... как когда-то говорил принц Гамлет, — «была не была»...

— А, ты-то мне и нужен! — воскликнул начальник, едва младший лейтенант переступил порог. — На-ка прочти.

Он протянул через стол знакомую по небольшому формату городскую газету и многозначительно улыбнулся. Чуприн аккуратно развернул ее. Внизу, где обычно печатались «Шутки деда Егора», увидел большой заголовок: «Чей завод?» И, не читая, все понял.

— Я так и думал? — радостно воскликнул он. И посерьезнел, наткнувшись на суровый взгляд начальника.

— Нет, это я так и думал. А вы вместо того, чтобы досконально знать, что творится на вашем участке, несли мне какую-то чушь о саморастворяющихся гражданах. А на вашем участке вопиющая бесхозяйственность. Оказывается, какая-то организация еще несколько лет назад начала строить этот завод безалкогольных напитков...

— Я же только год... — вставил Чуприн.

— Начала строить этот завод, — возвысил голос начальник, недовольный тем, что его перебили, — потом заморозила стройку, поскольку с кем-то укрупнялась, а потом почему-то самоликвидировалась. Документы о заводе путешествовали-путешествовали по организациям и, наконец, утонули где-то в архиве. Газетчик раскопал все это, газетчик, а не вы, который должен был видеть непорядок и доложить. Что я теперь скажу в горисполкоме? Покажу ваш бумажник?..

Он крутнулся на своем стуле, не глядя, привычно попал ключом в скважину сейфа, дважды повернул. Из сейфа дохнуло запахом озона. Начальник сунул руку в темную глубину и сразу же выдернул ее.

— Вот, черт, жжется!

— Ага! — обрадовался младший лейтенант. — Я тоже ожегся. Вчера о столб, а сегодня о скамейку. Как пропадает, так сразу горячо становится.

— Пропадает?

Начальник заглянул в сейф, осторожно, чтобы не ожечься, пошарил там. Бумажника не было. Сначала он подумал, что бумажник почему-то сгорел. Но все другие бумаги были целы. И он в недоумении уставился на подчиненного.

— Что это значит?

— Пропал? — участливо спросил Чуприн.

— Я спрашиваю, что это значит?! — рассердился начальник. Недоумение, с которым не знал, что делать, сменилось привычным гневом за нерадивость подчиненного, принесшего этот самоисчезающий бумажник. Дело осложнялось тем, что находку успели заактировать, и как теперь отчитываться о пропавших деньгах, он не имел понятия.

— Иван Иванович вот так же пропал, — посочувствовал Чуприн. — Одни галоши остались.

— При чем тут Иван Иванович?!

— Так ведь пропал.

— Ну и что?

— Непорядок.

То ли подействовал привычный термин, то ли факт пропажи еще чего-то, кроме бумажника, что могло помочь ему объяснить таинственное исчезновение ценной находки, только начальник вдруг успокоился.

— Надо было не допустить, раз непорядок. Человек не бумажник. Теперь что же, объявлять всесоюзный розыск?

Чуприн переступил с ноги на ногу. До этого он как-то не додумался. Но, с другой стороны, разве только Иван Иванович пропал? А верная подруга Нюра? А неизвестный гражданин, обронивший бумажник? Если все они пропали, чего ж об этом никто не заявлял? Может, они и не пропали вовсе, может, это ему померещилось?

«И бумажник тоже померещился? — спросил себя Чуприн. — Сразу двоим? Что это — коллективная галлюцинация?..» Ему стало легко от мысли, что он не одинок, и подумалось, что уж лучше пусть медкомиссия признает его ненормальным, чем всю жизнь ходить с тяжелой верой в нечистую силу. От галлюцинаций врачи знают, как лечить. А поди-ка попробуй доказать, что все виденное правда. Свихнешься только от того, что все тебя будут считать свихнувшимся.

— Разрешите выяснить?! — крикнул он с такой страстью, что начальник вздрогнул.

— Что выяснить?

— И доложить...

— А, валяйте, — сказал начальник рассеянно, видно, тоже решал непосильную задачу насчет бумажника: принимать ли его как реальность или как галлюцинацию...

Чуприн вышел на улицу и размашисто пошагал знакомой дорогой мимо продмага, мимо скверика с бетонной балериной на забрызганном пьедестале, мимо окон с наличниками и без таковых, мимо глухого забора пенсионера Ивана Ивановича и калитки с нарисованной свирепой собакой. Когда завернул за угол, увидел Ивана Ивановича, как всегда мирно сидевшего на своей скамейке. Чуприн приостановился, чтобы перевести дух, подождал — вдруг опять пропадет? — подошел, не сводя с него глаз, спросил ласково:

— Что это вы сегодня без галош?

Иван Иванович не ответил и даже не удостоил его взглядом.

— А звезды сегодня будут? — не сдавался Чуприн.

— Черт их знает, — сказал Иван Иванович и выругался, чем несказанно обрадовал младшего лейтенанта. До этого инопланетяне, по его мнению, никак не могли додуматься.

— Вон сколько понаехало, какие теперь звезды.

Только тут Чуприн увидел, что ворота заводика раскрыты настежь и в глубине двора ходят какие-то люди.

— Где вы вчера были? — осторожно спросил он, стараясь не выпускать из вида ни Ивана Ивановича, ни тех людей во дворе.

— Проходимец! — вдруг взорвался Иван Иванович. — Чтоб ему подавиться моей четвертинкой! А я, старый дурак, еще посочувствовал, думаю, мается человек, опохмелиться хочет. Ну и дал ему два целковых. А он мне свою путевку в дом отдыха на неделю. Думал, отдохну, чего ж не отдохнуть цельную неделю на два-то рубля. Одни харчи чего стоят. Приехал туда, а вместо путевки шиш в кармане, только тепло осталось...

— Вчера, значит, вас тут не было?

— Как я мог быть тут, когда был там?

— А тепло, значит, было? — Чуприн обрадованно вскочил. Все-таки свидетель, в случае чего подтвердит. — Вы не уходите пока, разговор есть.

Оглядываясь, он побежал к раскрытым настежь воротам. За ними на узкой площадке перед одноэтажным зданием заводика остановился. Вот он, двор, который ему давно следовало оглядеть. Двор как двор, серый, пыльный. Дверь, которую, было видно, давно не открывали, замок на дверях большой, амбарный. Здесь еще острее, чем на улице, пахло озоном, словно это было наглухо закрытое помещение, куда не залетает ветер.

Человек с портфелем, стоявший у двери, оглянулся, посмотрел на младшего лейтенанта спокойно и уверенно, по чему сразу можно было определить немалого начальника.

— Это же надо! — сказал начальник тоном артиста Зиновьева, обращаясь то ли к работнику милиции, то ли к своим двум спутникам, как раз подходившим к нему с большим ломом.

При виде лома у Чуприна засосало под ложечкой.

— Э-э, взламывать-то нельзя. Без разрешения...

— Я разрешаю, — сказал человек с портфелем.

И не успел Чуприн придумать очередной довод в защиту законности, как замок, хрюкнув по-пороссячи, отлетел в сторону. Дверь распахнулась и... За дверью за белым турникетом все увидели мирно дремавшего вахтера.

— Что это вы, люди хорошие, вламываетесь, будто к себе домой, — сказал вахтер, зевая и вздрагивая после сна.

Видя, что онемевшие взломщики не в состоянии вымолвить слова, вахтер улыбнулся понимающе и произнес до ужаса буднично:

— Проходите, раз пришли. Только никого нет, все уехавши. Один я остался.

Растерянные посетители, торопясь и толкаясь, прошли через турникет и направились по тускло освещенному коридору к двери, над которой висел светящийся трафарет «Цех».

— Наверное, есть другой вход, а этот вроде как запасной, — неуверенно сказал человек с портфелем. В его голосе слышался испуг: ведь это он велел взломать запертую дверь.

— Нету другого входа, — растерянno произнес Чуприн, который никак не мог прийти в себя от очередной галлюцинации. — Я этот завод сто раз по забору обходил, тут одна дверь.

Хрипло вскрикнув, он вдруг резко развернулся и побежал назад. Вахтера, как ожидал, на месте не было. До турникета невозможно было дотронуться, такой он был горячий.

— И этот! — крикнул Чуприн не то испуганно, не то восторженно, как обычно кричал, когда по телевизору показывали его любимое «Динамо».

Уже не обращая внимания на начальнические нотки человека с портфелем, он ринулся вперед, обежал все закутки крохотного этого заводика, осмотрел кочегарку, откуда выходила нацеленная в небо труба. Но нигде ничего, совершенно ничего подозрительного не обнаружил. Всюду лежала пыль нежилого забытого помещения. Даже озоном не пахло. Скорее пахло совсем другим, противоположным озонной свежести.

— Граждане! — крикнул он, выбравшись из кочегарки. — Прошу освободить помещение. До выяснения. — И почему-то добавил многозначительно: — Здесь нечисто.

Власть есть власть. Милицейская форма да решительный голос укротили даже человека с портфелем. А может, он просто обрадовался, что нашелся некто, взявший на себя ответственность. Только не стал задерживаться, быстренько выбежал во двор, сам вставил вырванный вместе с замком пробой, отошел на шаг, удовлетворенно посмотрел на свою работу: будто так и было — и выкатился за ворота.

Чуприн собственноручно закрыл ворота и оглянулся. Скамейка на противоположной стороне улицы была пуста. «Неужели опять? — встревоженно подумал он. — А ведь так по-человечески говорил, особенно про четвертинку». Перебежав улицу, он потрогал скамейку и вздохнул облегченно: скамейка была холодной.

«Может, и в самом деле чужаки прилетали? — подумал он, опускаясь на скамью, чтобы успокоиться, собраться с мыслями. — Как было бы ладно все на них свалить. Писатели на что люди дошлые, и те, чуть что, на чужаков ссылаются. Взбретет что в голову, видят — в огороде бузина, а в Киеве дядька, сейчас пишут: впереди, мол, фантастика, не взыщите, и дело в шляпе. Хорошо бы и в милиции так. Но не верят в милиции в нечистую силу. Начальнику подавай факты. И чтоб никаким озоном не пахло».

Вздыхнув от огорчения, что ссылка на фантастику не пройдет, Чуприн поднялся и пошел вдоль забора. Собака во дворе Иван Иванычева дома захлебывалась злобным лаем. Чуприн остановился у калитки, нерешительно взялся за щеколду. Надо же в конце концов

удостовериться, что сегодняшний Иван Иванович не исчез, как вчерашний.

Собака, казалось, готова была вылезть из собственной шкуры, пока Чуприн поворачивал тяжелое кованое кольцо. Он посмотрел в щель, думая, что на лай выйдет хозяин. Но никто не выходил, и Чуприн шагнул во двор. Собака сразу умолкла, словно ее выключили, и попятилась. Сразу же на крыльце появился Иван Иванович, удивленно посмотрел на своего вдруг присмирившего пса.

— Вы дома? — обрадовался младший лейтенант и машинально шагнул по чистой асфальтированной дорожке.

Собака отскочила и вдруг, задржав голову, завывала в какой-то не собачьей смертельной тоске.

— Стара стала, — сказал Иван Иванович, сокрушенно покачав головой. — Надо новую заводить.

— Ничего, счас отойдет. — Чуприн тоже удивлялся необычному поведению собаки. Но он уже понимал, что все дело в нем самом. Видно, пока ходил по заводу, набрался чужих запахов или еще чего другого, пугающего собак. Недаром же они были каждый раз, как появлялись и убегали звезды.

Он шагнул назад, захлопнул за собой калитку и, уходя, услышал, как пес, словно спохватившись, снова залился лаем.

Теперь у него не было сомнений, что надо писать рапорт с подробным изложением всего случившегося, со всеми своими выводами-достоинствами. И пусть в отделении смеются над его инопланетным шерлокхольмством, пусть начальник направляет его на медкомиссию, он все равно сообщит о своих наблюдениях куда следует. Не может быть, чтобы не нашлось хоть какого-нибудь профессора, которого бы не заинтересовал феномен убегающих звезд. Приедут, сделают анализы, разберутся в собачьей панике.

Одно только беспокоило привыкшего к милицмейской логике участкового инспектора. Ведь если это в самом деле космические воры, то они должны быть заинтересованы в том, чтобы никто не знал о них. Зачем же устраивали эти спектакли с исчезновениями? Знали же, что оставляют след — тепло у забора, у столба, на скамейке, в сейфе. Допустим, что они иначе не могли. Тут логика есть: поманить видением, отвлечь внимание от заводика. Это они и сделали: ему подсунили черненького с бумажником, Ивана Ивановича отправили в дом отдыха, а Нюру — к больной матери.

Чуприн подумал было, что Нюра тут вроде бы совсем ни при чем, но мысль его переметнулась к последней несуразности. Зачем под самый конец им понадобился липовый Иван Иванович, читающий фантастику? Хапнули свое и улетайте так же незаметно, как прилетели. Так нет, захотелось еще подразнить, приоткрыть карты. Тут что-то не так. Непорядок. Если он есть на Земле, то почему бы ему не быть на другой планете, откуда прилетели эти черти со своими звездочками? Это же так ясно: если идут на тайное, на воровство, значит, делают недоброе дело. А одно недоброе само по себе разве существует? Недоброе всегда там, где есть доброе, оно паразитирует на добре, живет его соками. Значит, в тех людях, что прилетели с недобрым намерением, тоже могло заговорить человеческое?

Чуприн засмеялся облегченно от того, что назвал их людьми и что отпало последнее сомнение. Если есть доброе, то оно непременно должно захотеть извиниться, как-то оправдать свои поступки...

Вечер опускался такой же, как вчера, тихий, добрый, и в душе у Чуприна не было вчерашних сомнений. Он быстро шел по улице, спешил донести свою упрямую уверенность до отделения милиции.

Он всегда был чудаком, мой сосед Серега. А тут решил купить «Москвича».

— Зачем тебе «Москвич»? — говорю. — До работы рукой подать.

— Да так, в моторе хочу покопаться.

Как вам это нравится? Для этого и денег-то не надо тратить: иди в автоклуб, копайся сколько хочешь. А ему подавай персональный мотор, чтобы в своем сарае стоял.

Купил он и впрямь рухлядь. «Москвич» был того древнего образца, что походил не на автомобиль, а на коробку с колесами. Хозяин его до самого конца не дышал, все ждал, что его прогонят с этой кучей металлолома. А когда получил деньги, сразу исчез. Боялся, что покупатель передумает.

Помог я Сереге вкатить покупку в сарай и полез с сочувствиями:

— Далеко ль собрался на этой колыхаге?

Есть в нас такая привычка: все-то нам хочется чужие поступки на себя примерить.

— Мне эта машина нужна не как средство передвижения, — сказал Сергей.

— Вот те на! А для чего тогда колеса существуют? Может, ты коллекционером заделался? Тогда авто не для нас, работяг. Без штанов останешься. Ты уж лучше берись за марки — дешевле обойдется.

— Да нет, — говорит, — я тут одно изобретение изобретаю.

— К авто?

— Ну...

В общем, надоел я ему. Но у Сергея терпение — позавидуешь. Больше, чем у продавщицы в пивном киоске. Та целый день такое в своем окошке слушает, что, доведись до меня, давно бы озверел. А той все словечки как с гуся вода. Вот и Сергей — приставай не приставай, все равно не нахмурится. Словно уши выключает. Слушает, а думает о своем. Я как-то для эксперимента таз уронил в коридоре. Грохот был!.. Собака за забором заикаться начала. А Сергей хоть бы ухом повел. И на этот раз он нисколько не разозлился на мои приставания, сказал спокойно:

— Пантелеич, я знаю, ты можешь быть гениальным учеником, но я плохой учитель. Все равно всего тебе не втолкую. Но ты великий слесарь. Помоги мне, пожалуйста, сделать одну штуковину...

Вот так всегда: вроде уест и вроде похвалит. Стоишь и не знаешь, дуться или улыбаться.

Я на Серегу никогда не обижался. Чутьем чуял в нем человека, каких поискать, и мастера, каких даже искать не надо — все равно не найти. Он раз показал мне пустую поллитровку —

«грешок молодости», как он выразился, а в ней целый завод работает: станки крутятся, конвейеры ползут, люди бегают. И неизвестно, что за сила их двигает. Я сначала подумал, что он туда батарейку засунул, а оказалось — ничего. Оказалось, что все заводится уже тем, что кто-то берет в руки эту «заводную поллитровку» да крутит ее, рассматривая.

Домик у нас двухэтажный — внизу я живу, сверху он. И слава богу, что больше соседей нет, а то бы наговорили всякого. Так вот, слышимость у нас через потолок сами знаете какая, и я всю Серегину автоматику узнаю по звуку. И как двери у него сами собой открываются, и как кровать по утрам переворачивается, превращается в стол... Великий чудак мой сосед, редкий умник. А не заносится. Чуть посложней работа, стучится ко мне: «Давай, Пантелеич, выручай».

Делал я ему всякие штуки замысловатые. А тут гляжу на чертеж и в глазах рябь.

— Что это? — спрашиваю. — Как тут разобраться?

— А я и сам с трудом разбираюсь. Вот тебе другие чертежики. Выполняй их по очереди и все сообразишь.

Леший знает, что это была за штукавина и зачем. Все вместе размером в небольшой чемодан. Снаружи она и впрямь походила на чемодан, только тяжелый, железный. А внутри, если открыть, черт ногу сломит: секции, отделенница, камеры всякие. На год работы.

— Этот чемоданчик, если кому заказать, обойдется не дешевле автомобиля.

— Конечно, Пантелеич, не пошкуплюсь. Я ведь понимаю: не всякий такое сумеет. Только, сам знаешь, денег у меня кот наплакал...

Тут я рассердился.

— Денег нет, а машину покупаешь?

— Так это, — говорит, — к машине чемодан. Без него мне и автомобиль не нужен.

— Вроде мотора, что ли?

— Вот, вот, вроде этого, только поважней.

Попробуйте догадайтесь, что в машине важней мотора? Разве колеса? Ну да если Сергей говорит, значит, есть что и поважней. А нет, так приделает. Это уж я точно знаю.

Прошло две недели. Каждый день я после работы в слесарке оставался. И по выходным в своей сараюшке копался, все железный чемодан делал. Совсем измучился. Хоть бы знать, что к чему. А то ведь нет хуже неизвестное делать. Так бывает: приносят в цех заказ, а зачем и для чего — не говорят. И никакого тебе удовольствия. Ну там, может быть, государственные секреты, а тут родной сосед — и те же муки?!

Не выдержал, пошел стучаться в Серегин сарай. Вышел он, шатается. Глаза красные, словно вчера на свадьбе гулял.

— Ты, — спрашиваю, — по ночам-то спишь?

— А ты бы спал на моем месте?

— На твоём месте я бы пешком на работу ходил.

— А у меня отпуск.

— Ты что же, отпуск в сарае проводишь? Взаперти? Если уж такой чокнутый, — говорю, — так хоть бы на дворе в машине-то копался. Все на свету. А лучше ехал бы ты, раз в отпуске, куда-нибудь отдыхать.

Вот тогда он и раскрылся.

— Пантелеич, — спрашивает, — тебе можно тайны доверять?

Я даже обиделся. А кто бы не обиделся? Разве есть такой человек, который признался бы, что ему нельзя доверять?

— Мне и в самом деле нужно уехать ненадолго. Можешь мою квартиру посторожить?

— Чего ее сторожить?

— Так, на всякий случай. Ты, главное, слушай, что там у меня происходить будет. Если услышишь какой звук, сразу мне телеграмму. Понял?

— Чего тут не понять.

— Это все для науки. Наука она знаешь какая капризная?..

Так я и забыл расспросить о чемодане. А на другой день он уехал, и я стал сторожить его замки.

Три дня прошло тихо-мирно. А потом глянул я на счетчик у Серегиной квартиры и ахнул: крутится как бешеный. «Что, — думаю, — за оказия? Может, свет забыл погасить? Поглядел на окна — темны. Дал телеграмму, как условились: так, мол, и так, дорого тебе отпуск обойдется. Назавтра получаю ответ: «Пусть крутится, как-нибудь расплачусь».

Снова стал сторожить. По утрам и вечерам, а то и среди ночи, когда вставал, поднимался на второй этаж, прикладывал ухо к двери, прислушивался. Я уже ко всему был приучен и, пожалуй, не слишком бы удивился, если бы у него дома стулья вдруг сами собой заплясали. А слышал свист. Тихий такой, но до того пронзительный, что прямо не по себе становилось. Будто далеко-далеко визжит кто-то на самой невозможной ноте. Снова отстучал телеграмму. И получил ответ: «Спасибо, Пантелеич. Пусть свистит. Сторожи дальше».

И вот как-то ночью разбудил меня стук наверху — вроде упало что-то. Вскочил я, затаил дыхание, прислушался. И тут ка-ак ударит, ведь дом ходуном заходил. Постучал я щеткой в потолок, когда все затихло:

— Серега, ты, что ли?

Молчание. Бывает же так: тихо, а чувствуешь — тревожно. Выглянул в окно — светает. Во дворе дорожки поблескивают: видно, дождь прошел. У сарая коты обнюхиваются. Береза космы развесила, не шелохнется.

Выбежал я во двор, глянул на Серегини окна — темны, как вчера. Решил уж досыпать идти, да на лестнице глянул на счетчик, а он стоит.

Описал в телеграмме все, что видел и слышал, полтора рубля заплатил. В тот же день Сергей и примчался, на такси прикатил. Не входя в квартиру, стал расспрашивать, что да как. Выслушал, походил по двору, а потом взял кирпичину да ка-ак запустит в собственное окно.

— Что ты, — говорю, — ошалел?

— Может быть, Пантелеич, может, и ошалел. А может, иначе нельзя.

Отмкнули мы его замки, приняхались — гарью пахнет. А посередине комнаты кошка лежит скрюченная, обгорелая. Сергей сразу кинулся куда-то в угол. А там темное пятно в полстены, обои обуглились. Под ними на толстом фарфоровом набалдашнике стояла у стены черная искореженная коробка. Две таких же целых стояли рядом. Эти были прикрыты стеклянными круглыми аквариумами и оплетены проволокой. Хотел я расспросить обо всем, а тут милиционер наш участковый входит.

— Говорят, ночью взрыв был? Что происходит? — И пошел по комнате. Пятно на стене потрогал, а потом к Сереге подступился.

— Кто стекло разбил?

— Я, по неосторожности.

— Откуда пятно на стене?

— От аккумулятора. Стоял тут, хлеба не просил, а кошка как-то залезла в комнату, замкнула контакты, и получилось короткое замыкание.

— Сколько работаю, не слышал, чтобы аккумуляторы взрывались.

Поморщился Серега, однако стал объяснять:

— Видите ли, это не такой аккумулятор, как в автомобиле. Это вроде конденсатора, только со свойствами аккумулятора. И гораздо мощнее.

— Изобретение, что ли?

— Вроде этого.

— А где вы работаете? Пожалте документик.

Посмотрел, покачал головой.

— Что это вы, гражданин изобретатель, секретные изобретения дома держите?

— Оно не секретное.

— Нет, так будет. Я в этом деле тоже кое-что кумекаю.

— Не будет. Не верят мне.

— Любому шоферу дай аккумулятор понадежней — обрадуется.

— Дело не в аккумуляторе.

— В чем же?

— В гравитонции.

— Кто такая?

— Это такое вещество. Аккумулирует гравитацию.

— Земное притяжение, что ли?

— Не только земное. Вообще гравитацию.

— А зачем она, то есть оно, вам? Для какой, так сказать, надобности?

Такой, понимаете, попался любитель науки. Сначала Серега неохотно объяснял, а потом разошелся. Выволок из-за шкафа черную доску, такую, как в школе, только поменьше, и пошел сыпать формулами. Даже я, уж на что знаю Серегу — все-таки сосед, — и то рот разинул. А участковый через четверть часа дремать начал.

Очнулся другим человеком — ласковым, вежливым. Руки нам пожал и откланялся.

Посидели мы с Серегой, помолчали. Чекушку с расстройства раскупорили. Я принес. Ибо у Сереги никогда запаса не было.

— Спасибо тебе, — сказал он. — Здорово ты меня выручил.

— Ты бы, — говорю, — друг Серега, хоть бы рассказал мне про свои дела. А то по незнанию и сболтну чего лишнего.

— Так я только что все рассказал, — удивился он. — Вон и формулы на доске.

Теперь удивился я. Ну и язык у этих ученых! Говорят как на духу, а поди пойми.

— Ты, — говорю, — давай по-человечески рассказывай.

Тут он и выложил все как есть.

— Понимаешь, Пантелеич, нашел я вещество, которое при определенных условиях аккумулирует гравитацию...

— Где нашел-то?

— Открыл, значит. Представь себе килограммовую гирьку. Как ее ни клади, хоть прямо, хоть на бок, она все равно килограмм весит. А мой гравитонций может менять свой вес: то тебе полкило в той гирьке, то сразу два...

— Вот, — говорю, — торгоши обрадуются.

Он даже не усмехнулся.

— ...Я и подумал: если вес может меняться в большую или меньшую сторону, то почему бы ему не меняться в отрицательную?

— То есть чтобы его совсем не было?

— Вот-вот. Бросаешь такую гирьку на пол, а она падает на потолок.

— Нет, — говорю, — за такие гирьки тебя не похвалят.

— Не в гирьках дело. Это же открытие!

— А если открытие, чего ж ты мне голову морочишь? Беги в эту контору, которая открытиями занимается. А то кто-нибудь другой откроет твои гирьки.

Вздыхнул мой Серега.

— Разве ж, — говорит, — не бегал. Все как есть описывал. А они не верят, дилетантом обзывают. Не может, говорят, быть такого.

— А ты им гирьку покажи.

— Показывал. Не гирьку, конечно. Гирька — это так, для образного выражения. Опыт я им

показывал.

— Ну и что?

— Ахают, а не верят. Тут, говорят, надо разобраться. Нет такого закона природы. А на нет и суда нет... Ну представь, придешь ты завтра на работу и начнешь рассказывать, что дома по потолку ходил. Поверят?

— Спяну, скажут.

— Вот именно. Теперь мы запросто в самолетах летаем. А лет триста назад изобретателя самолета сожгли бы на костре. Хотя птицы в то время тоже летали и всем было ясно, что полет в принципе возможен. Понимаешь, Пантелеич, ведь природа от нас ничего не таит. У нее все на виду. А видим мы не все, потому что мало зрения, нужно еще и понимание. А понимание зависит от осознанного жизненного опыта, от знаний. Брось самую умную обезьяну в ванну — думаешь, она откроет закон Архимеда? Да если ей его и растолковать, все равно не поймет. Потому что всему свое время и винить тут некого. У людей ведь тоже случается подобное. В семнадцатом веке жил во Франции ученый Дени Папен. Уважаемый был человек, профессор, член королевской академии. Изобрел он паровоз и подводную лодку. И остался непонятым. Через сто с лишним лет все это пришлось снова изобретать.

— И ты сто лет собираешься ждать?

— Ну уж нет! Я постараюсь доказать свое. И очень скоро...

Заморочил мне голову Серега.

— Ну хорошо, а зачем окно разбил?

— На всякий случай. Прежде у меня при разрядке глаза пощипывало. Вдруг газ какой образуется? Дело-то новое...

Видели вы таких чудиков, чтобы на всякий случай окна в своем доме вышибали? Ну да не мое это дело. Мое дело железный чемодан мастерить. Намучился я с ним. Да еще и Серега на нервы действовал, каждый день спрашивал. Я уж порой не выдерживал, отшивал:

— Сам изобрел, сам и терпи. Заказал бы чего попроще, ключ там или еще что, сразу бы и получил.

Но все же я чемодан сделал. Сам удивился. Такой хороший вышел, что прямо хоть себе оставляй. Ну и Сергей, понятно, обрадовался. Целый вечер гладил его как дитю малую.

— Теперь, — говорит, — ты мне, Пантелеич, поролону достань. Того, что ковриками продается. Штук сто ковриков нужно.

— Господи, зачем тебе столько?

— Для безопасности. Вообще-то больше надо, но на большее у меня денег нет, больно уж они дорогие...

Сколько раз я ругался в одиночку. Вот сосед попался! Был бы свой брат — работяга, все было бы просто и ясно. Сегодня телевизор, завтра телевизор, а послезавтра опять же домино. Досуг как досуг. А тут бегай по магазинам после работы, ищи эти проклятые коврики, которых нигде нету. Но погляжу, как Сергей радуется, и отойдет от сердца: нет, не надо мне другого соседа...

Однажды, в воскресенье дело было, зовет меня Серега. Посадил перед собой чин чинарем,

как на приеме в райисполкоме, и сказал:

— Ну, — сказал, — кончаются, Пантелеич, наши с тобой мучения. Поедем гравитонций испытывать.

— А испытания не муки разве?

— Радость! — закричал он. — Конечно, радость! Сколько я ждал этого часа!

— А если не испытается?

— Такого не бывает. Какой бы ни был результат, все равно интересно. И потом чего ты каркаешь заранее?

Ну я и умолк. Сели мы на его «Москвича», покатали за город. А в машине, надо сказать, было не повернуться, столько всего навалено.

Приехали мы к старой мельнице. Есть у нас такая за городом. Бог знает, зачем ее строили, да недостроили. Оставили этакое местечко, где, если старух послушать, нечисто.

Ну и мы, значит, туда же. Остановились у стенки, метрах в десяти от нее, спустили из бака весь бензин в канистру, отнесли подальше.

— Когда я тебе махну рукой, — говорит Серега, — кидай в машину камни да посильнее.

— Что ты, — говорю, — очумел? Ведь я и попасть могу.

— Не попадешь. — Улыбается, а сам бледный такой, прямо весь разволновался.

Что мне было делать? Набрал щебенки, жду. Гляжу, и глазам не верю: машина-то вроде расти начала. Кричу Сергею об этом видении — не слышит. Чудно как-то: кругом тишина, и мотор не работает, а он не слышит. Хотел я подойти к нему поближе и чувствую — не получается. Будто кто за подтяжки уцепил и тянет назад. Словно ветер навстречу ураганный. Только ветра никакого нет — тишь сплошная, а ноги назад едут, как по льду. Гляжу — пыль и камни ползут по земле прочь от машины. А она уж совсем выросла. То есть не сама она, а какая-то ее видимость. Машина как стояла, так и стоит, а вокруг словно пузырь какой в форме машины. И Серега в этом пузыре растет вместе. Хотя вижу — тот, что в середине, сидит себе на месте нормальный. Прямо наваждение. Хорошо еще, что никого вокруг, а то мельницу совсем бы ославили как нечистое место.

Гляжу, Серега из середины знак подает: кидай, мол. Бросил я камешек, промазал. Бросил посильней — опять мимо. Тогда уж я совсем большой камень взял, запустил изо всех сил. А камень скользнул вверх и улетел за мельницу. Ну точно как по воде рикошетом пропрыгал. И все, что я кидал, летело мимо. А один большой такой камень, который я обеими руками бросал, отлетел назад, словно от резины. Едва я отскочить успел.

Устал, аж руки заболели. Показываю Сергею: хватит, мол. А он мне рукой делает: отойди, дескать, подальше. Отошел я и вижу — пузырь снова расти начал. Деревце было молоденькое, так с него сначала все листья пообрывало, а потом и вовсе выдернуло с корнями. «Ну, — думаю, — силищу Серега изобрел! Пристроить бы ее на стройку, вместо бульдозера».

И тут началось непонятное. Машина, та, что настоящая, что в середине пузыря стояла, начала приподниматься да и совсем оторвалась от земли. Повисела немного в полуметре и пошла вверх, словно ее каким невидимым домкратом тянули.

Тут уж я совсем голову потерял. Чувствую: изобрел Серега что-то совсем особенное. Ничего

не понимаю, а ору как мальчишка: виданное ли дело, чтобы автомобили как воздушные шарики летали.

И вдруг вижу, качнулась машина, наклонилась — и радиатором вниз. Словно из-под нее домкрат выбили. И пузырь лопнул, да так, что грохнуло, как из пушки, и кирпичи с мельницы посыпались.

Выволок я Серегу из машины. «Ну, — думаю, — голова, ноги целы, значит, все в порядке». А он без памяти лежит, неживой вроде. Сбегал я на дорогу, поймал попутку и повез его в больницу.

Дорогой он очнулся, заметался, как маленький.

— Где я? Где машина?

— Где ж ей быть, — говорю, — у мельницы. Одни колеса остались.

— Ступай, — кричит, — сейчас же! Собери все, никому ничего не давай.

Я, конечно, ни с места. Тогда он сам на дорогу стал кидаться. Держу я его и слезами плачу. Вижу ведь, что ему глаза открыть и то больно. Начал уговаривать:

— Друг ты мой сердечный, — говорю, — изобретатель дорогой. Ты меня знаешь? Так вот, лучше я руку там, у мельницы, оставлю, а последнюю гайку домой принесу... А машина, — говорю, — твоя — прямо ковер-самолет: метров на десять поднялась.

Обрадовался он как младенец.

— Ты хорошо видел?

— Еще бы не видеть, когда меня чуть камнем не шибануло. Да и синяки твои тому доказательство.

— Синяки к делу не пришьешь. А ты свидетель. Все приятней, что хоть не один знаешь...

В общем, сдал я его в больницу и помчался к мельнице. А там возле разбитой машины уже милиционер на мотоцикле. (Удивительное у них чутье на происшествия.) И уже дверцу открывает, рулетку достает, блокнот свой, хочет акт составлять. И вроде бы даже собирается Серегину машину в свое ГАИ тащить. Пришлось мне всю свою дипломатию в ход пустить.

— Дорогой, — говорю, — и любимый товарищ милиционер. Неужто в вашей конторе происшествий не хватает, что вы еще одно хотите на себя повесить? Здесь не трасса, не дорога проезжая, скорость никто не превышал, да и вовсе не было никакой скорости, претензий никто не предъявляет. Неужели, — говорю, — хозяину возбраняется под настроение свою колымагу в металлолом отправить?

А милиционер есть милиционер, ему нужно, чтобы инструкции не пострадали.

— А ежели, — говорит, — он пьяным был за рулем? А ежели подфарники не горели? А ежели люфт у руля?..

— Какой люфт? Он ведь не по земле двигался, а по воздуху, по вертикали. Оттуда и свалился, сверху. А воздушные дороги — это уже не компетенция автоинспекции.

Вроде убедил. Но тут у милиционера любопытство разыграло. Пришлось объяснять ему все как есть. «А чего, — думаю, — бояться? Поверит — другом будет, не поверит — опять же реклама не помешает».

Договорились на том, что машину мы пока отвезем в сарай, запрем и опечатаем, чтобы никто ничего в ней не тронул. До случая, если вдруг, как выразился милиционер, откроются дополнительные обстоятельства. Что доложит он о происшествии, как полагается, и наведается в больницу и ко мне домой.

Все устроилось нельзя лучше. Вот только с Сергеем было плохо. Не знаю, как там по-медицинскому, а по-человечески тошно было нам обоим: не пускали меня к нему рассказать-успокоить. Пришлось опять использовать дипломатию, теперь уже с нянечкой, что его сторожила. Нянечки, известное дело, народ более сговорчивый, чем главные доктора. Пустила она меня на минутку. Ну а где минутка, там и пять — это же известно. Просидел я возле Сереги с полчаса, все рассказал в подробности.

— Это, — говорил Серега, — все из-за кошки-мерзавки. Испортила мне один аккумулятор, вот мощности и не хватило.

— Ничего, — успокоил, — ты только выздоравливай. Теперь я твою квартиру пуще глаза сторожить буду.

— А что толку? Машины-то нет. И денег нет.

— Ты, главное, не горюй. Как-нибудь выкрутимся. У меня там есть в записке маленько. На мотоцикл копил.

Обрадовал его. Руку мне пожал как-то по-особенному.

— Ты, — говорит, — Пантелеич, если б не слесарем был, непременно вышел бы в изобретатели. Есть в тебе этакое... самоотречение, что ли? Ведь все новое на самоотречении замешивается и без него ничего не начинается...

Так и сговорились мы с ним. А когда двое сговариваются на доброе дело, это ж сами понимаете... Выйдет Сергей из больницы, купим мы другую машину и посмотрим, какой он, наш двор, с высоты. А потом отправимся в контору, которая изобретениями занимается, поставим автомобиль прямо на крышу, и пусть тогда попробуют не поверить. Пусть только попробуют...

ИЛЛЮЗИОН

Индикатор замигал, и из динамика послышался хриплый приглушенный голос:

— Операция переносится на шестнадцать ноль-ноль...

Инспектор уголовной полиции Луис Мортон, вот уже третий день прослушивавший эту телефонную линию, вскочил, едва не опрокинув стул, кинулся к магнитофону. «Наконец-то гангстеры заговорили, наконец-то будет чем порадовать начальство!»

— Что случилось? — спросил другой, испуганный, нервный голос.

— За мной следят.

— Примени маскировку.

— Применял. Берту разве проведешь?

— Что буде-ет?!

— Порядок будет. Только попозже, в четыре.

— На старом месте?

— Где же еще?

— Условия?

— Захвати там по дороге.

— Я прошлый раз приносил.

— Черт с тобой, принесу. А ты обеспечь закуску...

Мортон выругался и выключил магнитофон. Опять эти алкоголики договариваются. И ведь так темнят, сволочи, будто банк накрыть собираются.

Он прошелся по комнате, остановился у окна. Тень от угла дома, наискось перечеркнув улицу, подобралась к подъезду на противоположной стороне. Это значило, что день перевалил за половину и пришло время сбегать к папаше Цимке перекусить.

Мортон оглянулся на дверь и подумал, что пора бы явиться этому лентяю Роланду и сменить его у магнитофона. И едва он оглянулся, как дверь приоткрылась и в проеме показалась удивленная физиономия посыльного Форреста, которого все в участке звали просто Фо.

— Шеф вызывает, — сказал Фо, оглядывая комнату так, будто никогда ее не видел.

— Я же на линии.

— Мое дело — передать.

— А ну посиди тут. Услышишь разговор, нажми вот эту кнопку. Понял?

Фо пожал плечами, отчего тонкие погончики на его плечах быстро вскинулись и опали, словно крылышки.

Шеф был зол. Он кинул на стол лист бумаги, ткнул в него пальцем.

— Полюбуйся.

Мортон наклонился и прочитал:

«Готовится ограбление музея... этого месяца будет украдена...»

— Какого музея? — спросил он.

— У этого балбеса Форреста надо спросить, — взорвался шеф. — Вскрывал конверт и, видите ли, ненарочно отхватил ножницами чуть не половину письма.

— Так приложить срез...

— Нету среза. Он видите ли, сжег его. Мало ему зажигалки, вздумал от бумажки прикурить.

— Что он, кретин?

— А ты сомневался?! Дождется, выгоню я его...

Шеф не первый раз грозился это сделать, да все откладывал: больно уж безотказен был этот Форрест. Когда все валились с ног после очередной гонки за гангстерами, один Фо

безропотно оставался дежурить и вторую и даже третью смену. Да и неплох он был при выездах, бывало, шел на выстрелы как заговоренный.

— Ясно же, музей искусств. — Мортон вынул из кармана газету, неторопливо принялся читать: «...Одна только мраморная богиня, выставленная в новой экспозиции, оценивается в два миллиона...» — Столько пишут о стоимости, что эту выставку просто не могут не ограбить.

— Сам знаю, что музей искусств, — сказал шеф. — Это не первое предупреждение. Вот почитай.

Он кинул через стол другую бумагу.

— «Газеты пишут, что богиню в два миллиона невозможно украсть, — вслух прочел Мортон. — Заявляю: это ерунда. В доказательство я ее украду. Это теперь дело моей чести...»

— Каково? — воскликнул шеф. — Украсть — дело чести!

— Если «убить» может быть делом чести, то почему не может «украсть»?

Шеф поднял голову, в упор посмотрел на Мортон.

— А у тебя что?

— Пока ничего.

— Почему же ты ушел из аппаратной?

— Вы велели...

— Я велел прийти, когда что-нибудь будет.

— Фо сказал...

— Опять Фо?! — взревел начальник. — Гони его к черту!

Мортон кинулся в аппаратную. Фо, развалившись, сидел на стуле, включив динамик на полную громкость, слушал какого-то слезливого сопляка, жалостливо объясняющегося по телефону в любви особе с томным голосом.

— Иди, тебя шеф зовет, — мстительно сказал Мортон Форресту.

— Зачем?

— Мое дело передать...

Он выключил этот любовный треп, но тут же спохватился: разговор шел по каналу, который они прослушивали, и надо было терпеть.

— Я все для тебя сделаю, — молил слезливый голос.

— Все? — заинтересованно спросила она.

— Хочешь, из окна выпрыгну?

— Это ты не мне, а себе сделаешь.

— Хочешь... на городскую башню залезу?

— Зачем?

— Не знаю.

— Ну и не предлагай.

— А что тебе предложить?

— Миллион.

— Где я его возьму?.. Не бросай трубку, не бросай трубку! — завопил он, хотя его собеседница, похоже, и не собиралась этого делать.

— Газеты надо читать. Там все написано.

Мортон заинтересованно подвинул стул и подвернул на магнитофоне рукоятку громкости записи.

— Даже то, как достать миллион?

— Как достать — твое дело.

— А где?

— Мраморная богиня в музее искусств два миллиона стоит.

— Надо подумать.

— Продумаешь. Говорят, сегодня ночью ее украдут.

— Значит, не украдут, раз говорят.

— Значит, украдут, — упрямо повторила она. — Не могут не украсть. Чтобы два миллиона просто так лежали на глазах у всех?

Мортон вспомнил, как сам только что говорил то же самое, и подумал о слухах, как о стихии. Так, наверное, обрушиваются лавины. Что такое крохотный камешек, соскользнувший с вершины горы? Но он толкает другой, третий, вместе они сталкивают камень покрупнее, и, наконец, сдвигаются с места глыбы, какие не качаются даже при землетрясениях. Сколько людей видели ту скульптуру, сколько глядели на нее не с умилением, а с вожделением! Тут и провидцем не надо быть, чтобы догадаться: плод созрел и не сегодня-завтра кто-то его сорвет.

Когда насмешливо-равнодушный женский и умоляющий мужской голоса затихли в динамике прослушивающего устройства, Мортон, оставив магнитофон включенным, побежал к шефу. Думал удивить новостью, но шеф скучно посмотрел на него и, как тогда, кинул через стол письмо. Это была официальная просьба управляющего музеем искусств направить в музей двух-трех детективов, поскольку, по его точным сведениям, ожидается налет на главный экспозиционный зал.

— На этот раз письмо не срезано? — спросил Мортон и сам устыдился ненужности вопроса. При чем тут срезано не срезано, когда такие вести.

— Фо даже не видел письма. Я сам вскрыл конверт, — сказал шеф.

— Разве оно пришло не по почте?

— Управляющий принес.

— Лично?!

— Именно... Хитрит он что-то.

— Чего уж хитрить. Все ясно. Не удивлюсь, если сегодня возле музея соберется толпа.

— Из толпы легче наблюдать.

— Прошу прощения, шеф, но следует сторожить внутри. Надо брать с поличным.

— А снаружи с поличным не взять?

— Слишком много слухов связано с этим музеем. Нечисто там...

— Ты веришь в нечистую силу?

— Такая служба — всему приходится верить.

— Всему верить — ночей не спать.

— Эту ночь кому-то придется не поспать.

— Желаю успеха. Ты и Роланд справитесь?

Мортон пожал плечами. Сначала он пожалел, что выскочил с этим разговором, потом подумал о куше, который наверняка можно будет сорвать с управляющего, и успокоился. Это если обойдется без стрельбы. Иначе от скульптур останутся одни мраморные крошки.

— А ведь, пожалуй, управляющий не позволит сторожить внутри, — сказал он.

— Сам решай. Сдай прослушивание этому негодяю Форресту, забирай Роланда и действуй...

За Роландом числились два недостатка: он был слишком длинным и совсем не умел стрелять. В тире все пули у него оказывались кривыми. Но недостатки компенсировались достоинствами. Он, как гончая, мог догнать кого угодно. И хватка у него была, как у гончей: сразу за горло. В азарте мог и придушить, и за ним приходилось присматривать, поскольку газетчики и без того писали про полицию, что она поставляет в суд больше трупов, чем живых преступников.

Но даже Мортон не знал всех недостатков Роланда. Оказалось, что он уже несколько раз побывал в музее. Не в качестве детектива, а как любитель искусств. Это уж было черт знает что: эстет в полиции! Мортон не ждал ничего хорошего от этого своего открытия. Но перерешать с помощником было уже некогда, и он всю дорогу, пока шли до музея, терпеливо слушал восторженные восклицания Роланда. И удивлялся многоликости жизни: если верить Роланду, в тех скульптурах помимо их ненормальной стоимости было еще что-то.

— Искусство! — восклицал Роланд.

Это было понятно: телевизор тоже искусство, и те бестселлеры, которые Мортону приходилось читать на дежурствах, и головокружительные сальто-мортале автомобильных гонок, и мало ли еще всякого будоражащего. Но все стоило денег, все делало деньги, и ясно было, что чем больше денег, тем выше искусство. И за скульптурами он признавал немало достоинств, если уж дохленькая богиня оценивалась в два миллиона. Не понимал только, чего на нее смотреть часами, когда точно известна стоимость? Но ведь смотрят. Теряют время и деньги. Сам видел очереди возле музея. Не может же быть, чтобы так много было сумасшедших в одном городе.

— А та богиня что, как настоящая? — допытывался Мортон, и сам морщился от такого

сравнения: за два миллиона он мог бы купить целый батальон живых богинь.

— Она сама красота! — вдохновенно говорил Роланд.

— Лучше манекенщицы Бетти?

— Это же искусство! — снова как заклинание повторял Роланд. И Мортону начинало казаться, что все так называемые «любители искусства» похожи на говорящих попугаев: только повторяют слова, считая их высшей мудростью, и не понимают смысла.

— Ладно, сам увижу, — сказал Мортон.

Улица перед музеем искусств была полна народа. Огромные рекламные щиты, вывешенные на фасаде серого здания, с нагловатостью опытных зазывал расхваливали достоинства экспонатов, собранных, как сообщалось, со всего света. Были тут драгоценности фараонов, короны самых расточительных монархов, редчайшие скульптуры не отличающихся целомудрием храмов Востока и отличающихся бесцеремонностью храмов Запада. А главный экспонат — мраморное изваяние голой богини, стоившее два миллиона, — был изображен на таком большом щите, что становилось не по себе: ну как упадет!..

Управляющий музеем, невысокий лысеющий господин с холодными глазами и тренированно-гостеприимными жестами, не понравился Мортону. Про таких он говорил, что они брали уроки у сатаны, встречающего грешников в аду. Но полицейскому не приходится выбирать клиентов. Мортон постарался изобразить на лице такую же приветливо-гадливую улыбку и сразу попытался «взять быка за рога», потребовав объяснений. Но управляющий объяснять ничего не стал, сказал только, что эту ночь им всем придется провести в музее: им в засаде, ему в своем кабинете, — и предложил пока пройти по залу, посмотреть экспозицию.

— Сбереечь ценнейшие экспонаты — дело нашей чести, — высокопарно сказал он. — Ваши старания не останутся незамеченными.

— И неоплаченными, — подсказал Мортон, любивший ясность в таких делах.

— Разумеется.

— Тогда о'кэй! Пошли, Роланд.

В зале было не протолкнуться. Скульптуры находились в глубоких нишах и очень эффектно вырисовывались на фоне черного бархата. Свет на них падал из каких-то незаметных щелей, но света совсем не было видно, и казалось, что скульптуры светятся сами по себе. Но что больше всего поразило Мортон, так это отсутствие охраны. Даже возле знаменитой богини не стояли полицейские. Мортон долго смотрел на богиню, заходя с той и с другой стороны, и никак не мог понять, что в ней такого драгоценного? Вся в пятнах от старости и небольшая — по колено нормальному полицейскому, — она не производила на Мортон никакого впечатления. Попадись такая игрушка где-нибудь при обыске, отбросил бы, даже не поинтересовавшись. Давно замечал Мортон, что люди, которые с жиру бесятся, нарочно выдумывают ценности и, может, оттого не беднеют. И теперь, снова удостоверившись в этой истине, он подумал, что не так живет. Вот бы разрекламировать какие-нибудь старые ботинки, заявить, будто в них первый гангстер Боб Дай совершил свое последнее преступление. Главное, погромче кричать, убедить, и тогда ботинкам цены не будет. Только какие же нужны деньги, чтобы переорать всех лжецов, желающих разбогатеть?

— Ты чего?

— Чего?

— Чего, говорю, рот разинул? Не заглядывайся, тут у них особая система охраны. Сунешься, а тебя лучом лазерным по башке...

Длинный Роланд стоял перед Мортонем, на голову возвышаясь над ним, и говорил громко, чтобы, все вокруг слышали, чтобы не мечтали зазря. И все стоявшие рядом заинтересованно повернулись к нему.

— Вот если выключить лазер, тогда другое дело. Но где выключатель? Это самая главная их тайна...

— Нету его, — сказал стоявший рядом сухощавый человек с быстро бегающими глазками.

— Чего нету?

— Выключателя. И лазера тоже. Ничего нету.

— Может, и скульптур нету? — сыронизировал Роланд.

Говоривший посмотрел на скульптуру в нише, подумал, пожевав губами.

— Я знаю только, что тут нечисто.

— А кто ты такой?

— Никто. Чую просто. Я всегда чую.

— Ну и что же ты чуешь? — заинтересованно спросил Роланд.

Человек осмотрел его с ног до головы.

— Чую, что не зря вы тут слоняетесь.

— Тебе бы репортером работать.

— А я и есть репортер.

Роланд захохотал, подергал носом.

— Раз газета заинтересовалась искусством, значит, и верно, чем-то пахнет.

— Точно, — сразу ответил репортер. — Раз полиция заинтересовалась искусством, значит, чем-то пахнет.

Толпа все прибывала, возбужденно гудела. Слышались голоса: «газетчики», «полиция»... Слова эти действовали на людей, как позывные телевизора. Мортон понял, что если они еще немного так «побеседуют» в толпе, то любопытные до утра не разойдутся и ночное бдение в музее будет пустой тратой времени. Дернув Роланда за рукав, он демонстративно пошел к выходу.

Пришлось обогнуть целый квартал, чтобы выйти к музею с другой стороны.

— Вот уж верно: дурная голова ногам покоя не дает, — ворчал Мортон.

— Зато мы кое-что узнали, — оправдывался Роланд.

— Что мы узнали?

— Что тут газетчики крутятся.

— Они везде крутятся.

— Просто искусство слишком скучно для них. Нужна изрядная доля перца, чтобы они сбежались.

— Сбежались потому, что кто-то пустил слух об ограблении.

— Только слух? Чего ж тогда мы тут?

— Мы для того, чтобы охранять священный принцип частной собственности, — по-школьному продекламировал Мортон.

— Не-ет! — Роланд уверенно покачал головой. — Что-то назревает. Все чего-то ждут.

— Это называется — массовый психоз.

— Не-ет. Все что-то знают.

— И мы знаем.

— И мы знаем, — повторил Роланд. — Когда все знают — это уже реклама. А на рекламу кто-то должен был потратиться.

— Ты подозреваешь?..

— Никого я не подозреваю. Знаю только, что кому-то это надо. Твой «массовый психоз» выгоден не гангстерам. Может, газетчикам?

В глухом переулке они разыскали служебный вход музея, вошли в маленькую дверь. Сторож, сидевший за дверью, без слов пропустил их, словно знал в лицо.

— Сегодня что, всех пускают? — не удержался Роланд.

— Кого надо, того пускают, — угрюмо ответил сторож.

— А кого надо?

— Это наше дело.

— Смотри, как бы это не стало нашим делом.

— Ваше дело маленькое: стой, где велят, беги, куда велят, лови, кого велят...

— Не слишком ли ты разговорчив для сторожа?..

Узкий гулкий коридор вывел их в коридор пошире, где справа и слева были двери. На одной висела табличка: «Управляющий музеем». Они вошли и увидели газетчика, с которым недавно спорили в экспозиционном зале. Он сидел сбоку у большого стола и потягивал что-то из высокого черного стакана.

— Не хотите ли для бодрости? — предложил он, доставая из-под стола бутылку. — Ночь длинна. Кто знает, сколько придется ждать?

Мортон и Роланд переглянулись.

— Ты собираешься просидеть тут всю ночь?

— Не один я, придут и другие.

— Что же вы собираетесь ждать?

— Все, что будет.

— А что будет?

— Вот это я и хочу узнать.

— Ты уверен, что узнаешь именно сегодня?

— Не то чтобы уверен, скорее предчувствую.

— Что тебе известно? — резко спросил Мортон.

— Такой вопрос! — рассмеялся репортер. — У прессы свои тайны.

— Но ведь что-то известно?

— Ничего особенного. Слово чести.

— Что-то подозрительно много сегодня говорят о чести. — Мортон похлопал Роланда по руке. — Пошли. Если бы он что-то знал, об этом было бы в газетах.

— Сенсации надо дать созреть, — назидательно сказал репортер.

— Давай зрей. Но если выйдешь отсюда ночью, я тебя арестую.

— Я выйду, как только услышу выстрелы.

— Выстрелы? — Уже стоявший в дверях Мортон снова повернулся к репортеру. — С чего ты взял, что мы будем стрелять?

— А как остановите преступника? Не будете же вы сидеть в засаде возле самой богини. Да и негде там. А окно рядом. Он вскочит в окно, схватит богиню и... вам придется стрелять.

— Уж не сообщник ли ты? — спросил Мортон.

— Увы. Два миллиона для меня слишком много. Я этой ночью рассчитываю на сотню-другую. Вот если вы его уколошите или он уколошит вас, тогда я все перепишу заново и заработаю в два раза больше.

— Ты уже все написал?

— Остались только детали.

— М-да! — изумился Мортон. — Знал, что газетчики — мастера выдумывать, но, признаюсь, недооценивал.

— Вы, полицейские, всегда нас недооцениваете. А ведь я мог бы заранее описать любую вашу операцию. Люди стереотипны: и вы и гангстеры. Все самые хитроумные планы и контрпланы уже описаны нами. Что-либо новенькое — редкость. Это как в шахматной игре: по первым ходам можно предсказать, какая разыгрывается партия...

— Тебе известны первые ходы?

— Управляющий сказал, что сегодня богиню должны украсть...

— Украсть или попытаться украсть?

Репортер грустно посмотрел в стакан и отставил его в сторону.

— Я, видно, много выпил. Ну да все равно: часы заведены... Управляющий сказал: «должны украсть». Так что без стрельбы не обойдется.

— Обойдется, — сказал Мортон и направился к двери. Он уже знал, что сделает: этой ночью ни на минуту не отпустит управляющего, заставит и его сидеть в засаде...

В коридоре было пусто. Мимо них тенью проскользнули лишь несколько служащих, незаметных, прячущих лица. Пусто было и в экспозиционных залах. Окна затягивали плотные вечерние сумерки, и ажурных решеток снаружи почти не было видно. Мраморные статуи, все так же освещенные, стояли в черных нишах необычными часовыми, застывшими в своих вековых позах радости и страданий, стояли, истерзанные временем, безрукие, безногие, даже безголовые. Тишина, окружавшая их, не была тишиной покоя, а висела, насыщенная безмолвными страстями, и казалось, что она вот-вот взорвется смехом, стонами, обычными криками толпы. Это была мучительная, тяжелая тишина, и Мортон даже обрадовался в первый момент, когда услышал тихий монотонный скрип. Он быстро пошел к дверям соседнего зала и застыл на пороге: у приоткрытого окна на легкой стремянке стоял управляющий и раскачивал решетку. Украдкой оглядывался, снова прикидывал расстояние до ниши, где стояла двухмиллионная богиня, и снова принимался дергать решетку.

Мортон кашлянул, подойдя почти к самым ногам управляющего. Тот вздрогнул и едва не свалился со стремянки, суетливо сполз с нее и сел на нижнюю ступеньку.

— Как вы меня напугали! — сказал он.

— Неудивительно, — засмеялся Мортон. — Не объясните ли, что вы тут делали?

— Я?

— Да, да, вы. Зачем раскачивали решетку?

— Раскачивал? — растерянно переспросил управляющий. — Я не раскачивал, а проверял, надежна ли она.

Мортон мысленно выругал себя и подумал, что шеф наверняка не похвалит за такую спешку. Сколько уж раз убеждался он: поспешишь — упустишь преступника, и вот снова оплошал. И еще подумал, что репортер не так уж и не прав, ожидая стрельбы. Налетчиков придется впустить в музей, даже дать им возможность взять скульптуру. И только после этого задерживать. Иначе тот же репортер не пожалеет слов, чтобы расписать промашку полиции. А как поведут себя грабители, застигнутые на месте преступления, трудно сказать.

Кивнув Роланду, чтоб не спускал глаз с управляющего, Мортон прошел в туалет, вынул плоскую карманную рацию, прицепил присоски антенны к канализационной трубе и вызвал шефа.

— Управляющий? — переспросил шеф, выслушав доклад. — Сам на себя доносил? Ведь это он вызвал полицию. Нет, поищи другого.

— А все же пришлите пару человек. Пусть погуляют снаружи на всякий случай.

— Где я их возьму... — Шеф замолчал, и Мортон подумал было, что он отключился. В соседней кабине урчал унитаз и булькала вода под краном. — Разве что Форреста? Он сегодня на свидание отпросился, ну да свидание не похороны, можно и отложить...

Вернувшись в зал, Мортон увидел идиллическую картину: Роланд, как экскурсант, ходил за управляющим от скульптуры к скульптуре, почтительно слушая его воркующий голос.

— Древние понимали красоту женского тела, не как мы. Теперь все сводится к сексу, и женщина в купальном костюме уже не вызывает эмоций. Да и вовсе без ничего не всегда волнует. Стыдливость — вот основа пластического искусства. Взять эту мраморную девственницу, у нее все угадывается под покрывалом, все, что надо. Видно, что она колеблется: скинуть покрывало или нет. И зритель мучается вместе с ней. Часами стоит, замороженный ее нерешительностью. Когда женщина все делает сама, неинтересно. А тут каждому хочется помочь. И уж я-то знаю, сколько рук тянулось к этой скульптуре...

— А та, двухмиллионная? — спросил Роланд. — Она совсем голая, чего ж столько стоит?

Управляющий пожевал губами, погладил лысину.

— А кто знает, сколько она стоит? Ее никто не покупал. Лет пятьдесят назад музей, которому она принадлежит, вконец разоренный, предложил продать ее за два миллиона. Покупателя не нашлось. А цифра так и осталась. Мы упоминаем ее только в целях рекламы. Поверьте, девять из десяти посетителей музея приходят только за тем, чтобы взглянуть, что это так дорого стоит.

Он вздохнул, оглянулся, увидел Мортон и сказал:

— Пора гасить свет.

— Зачем? — удивился Мортон. — В темноте преступнику будет легче.

— А вы на что? — усмехнулся управляющий. — Я плачу вам не за то, чтобы вы всю ночь любовались скульптурами.

— Можно подумать: вы заинтересованы в том, чтобы богиню украли.

— К сожалению, это невозможно.

— К сожалению?

Он расхохотался, как мальчишка, который знает тайну.

— О, это была бы сенсация. Это было бы грандиозное открытие, и я б заработал на нем не два, даже не двадцать два миллиона. Но вы не волнуйтесь: все останется на своих местах. Вы ведь этого хотите? У полиции ведь одна забота: чтобы все оставалось на своих местах?..

— Но свет вы все-таки не выключайте.

— Свет выключается только в зале. Скульптуры остаются освещенными, так что вы все будете видеть.

— И вы тоже, — сказал Мортон. — Вам придется провести ночь вместе с нами.

Управляющий задумался, что-то прикидывая, и кивнул:

— Что ж, может, это и лучше...

Они сидели в пустой темной нише, смотрели на тускло освещенную шеренгу скульптур. Теперь, когда затянутые в черный бархат постаменты совсем исчезли из виду, скульптуры словно бы повисли в воздухе. Стояла жуткая тишина, не было слышно даже шума машин с улицы, и Мортону временами начинало мерещиться, что скульптуры оживают, шевелятся, словно собираясь размяться от вековой неподвижности. Тогда, чтобы отогнать дремоту, он глубоко вздыхал и крутил головой.

В какой-то миг ему почудилось, что безрукая богиня зашевелила торсом, как это делают

женщины, когда крутят хула-хуп. Он тряхнул головой, очнулся и вдруг увидел возле ниши темную фигуру человека. Человек наклонился и щелкнул выключателем где-то под постаментом. «Выключил лазерное ограждение, — подумал Мортон. — Значит, кто-то из своих». Он оглянулся на управляющего, разглядел в темноте его закрытые глаза и отвисшую во сне губу.

Человек шагнул в нишу, протянул руки и вдруг удивленно вскрикнул, замычал и попятился к окну. И только тут Морган вспомнил, что управляющий так и не убрал от окна стремянку. Он взглянул на место, где только что стояла богиня, и не увидел ее. Это был тот момент, которого он ждал.

— Стой! — крикнул Мортон.

Человек тенью кинулся к окну, прыгнул на стремянку, распахнул незапертую раму. За ней была решетка, но теперь Мортон был уверен, что решетка не удержит преступника, что она всего скорей откидывается.

— Уйдет! Уйдет! — истошно и вроде бы радостно завопил управляющий. Он выскочил из ниши, подбежал к стремянке, уронил ее.

Преступник стоял уже на подоконнике. Заскрипела решетка. Мортон кинулся ставить стремянку, понимая, что еще мгновение и преступник спрыгнет на улицу, но управляющий и тут помешал, вроде бы неловко поддел стремянку ногой, снова уронил.

— Заодно?! — заорал Мортон, выхватывая пистолет.

И тут оглушающе грохнул выстрел. Роланд, в тире всегда стрелявший мимо, на этот раз не промахнулся. Человек вскрикнул беспомощным и почему-то знакомым голосом, рухнул в зал. Мортон наклонился над ним, посветил фонариком и увидел перекошенную от боли удивленную физиономию Форреста.

В зале загорелся свет. Мортон обессиленно опустился на пол, совсем обалдевший, минуту смотрел, как Фо кривил губы в виноватой улыбке.

— Что тебе, законных путей не хватало? — с укоризной сказал Мортон. — Пошел на преступление...

— Это не... не преступление, — выдавил Фо. — Это для... рекламы.

— Что?!

Фо лежал с закрытыми глазами и, казалось, ничего не слышал.

— Что ты сказал?

Подошел Роланд, легко поднял Форреста и понес его к выходу.

— Для какой рекламы?..

В глазах замелькали ослепительные вспышки, и только тут Мортон заметил репортеров, обступивших его. Представил завтрашние фотоснимки в газетах, где он будет изображен беспомощно сидящим на полу, и волна злости вскинулась в нем. Но он тут же погасил в себе эту вспышку: для репортеров чем больше скандал, тем лучше. Поднялся, принялся отряхивать колени. Когда разогнулся, репортеров возле него уже не было. Они толпились в стороне, окружив человека, которого Мортон вчера принял за сторожа.

— Я помощник управляющего Лео Смит, — бодро говорил он, — я должен сделать важное

сообщение. Посмотрите вокруг...

Театральным жестом он повел рукой. Все оглянулись, куда он показывал, и все ахнули: скульптур не было. Ни одной.

Как фокусник, Смит протянул руки к той нише, где еще недавно стояла двухмиллионная богиня, и она тотчас появилась на своем месте, целая и невредимая, выпуклая, гладкая, словно живая. Мановением руки Смит одну за другой вернул на свои места все скульптуры и громко и ясно, словно декламируя со сцены, произнес только одно слово:

— Го-ло-гра-фия!

И зачастил с энтузиазмом эстрадного чтеца:

— Да, да, господа, перед вами эффект голографии. В течение нескольких месяцев вы имели возможность видеть лучшие шедевры мирового искусства. Никто, я повторяю, никто не заподозрил, что это всего лишь иллюзион. Нападение на музей, свидетелями которого вы только что были, еще одно подтверждение великих возможностей голографии. Мы не раз заявляли, что произведения искусства, выставленные в нашем музее, украсть невозможно. Нам не верили. Но мы были правы. Отныне мы будем называться не музеем искусств, а голографическим музеем мировых шедевров. Некоторые из произведений искусства будут подлинными. Посетителям представится возможность угадать, какие именно. Уверен, что угадать никому не удастся, так достоверен эффект голографии. Система голографических музейных экспозиций разработана специально по нашему заказу...

На Мортонa никто не обращал внимания. Он сыграл свою роль, он был больше не нужен.

Пришел Роланд, протянул сложенный вчетверо листок. Мортон развернул его, прочел и ничего не понял.

— Что это?

— Бумага, освобождающая Фо от ответственности за нападение на музей. Управляющий уговорил его сделать это в целях рекламирования музейных ценностей. За хорошую оплату, разумеется.

— Но... скульптур нет.

— В договоре и не говорится о скульптурах.

— Фо знал это?

— Ничего он не знал.

— Спектакль, — сказал Мортон. — И мы в качестве актеров. Всего лишь невинное рекламное представление.

— Невинное, если не считать пули в кишках у Фо.

— «Несчастный случай по вине балбесов-пелицейских, не сумевших отличить подлинных вещей от их изображений» — так утром напишут газеты.

— Но зачем это, зачем?! — вскричал Роланд, заставив оглянуться репортеров, ходивших за экскурсоводом от ниши к нише, в которых то появлялись, то исчезали скульптуры.

— Ясно зачем, — угрюмо сказал Мортон. — Весь этот бум с выставкой мировых шедевров вот-вот должен был лопнуть. Уже поговаривали, что тут нечисто. Оставалось или признаться

в мошенничестве и потерять посетителей, или сделать «финт ушами», удивить всех неожиданным поворотом дела. Теперь люди полезут в музей, чтобы посмотреть, чем это так ловко облопошили полицию. Пуля в животе у Фо — лучшая реклама, и ты главный герой этого спектакля...

Роланд вынул пистолет, передернул затвор.

— Ты куда? — Мортон положил руку на пистолет, удержал.

— Пойду объясню этому лысому: есть на свете еще кое-что, кроме его вшивых доходов.

— Нет, — жестко сказал Мортон. — Это не твое дело. Это дело Форреста...

ЗЕЛЕНый ПРИЗРАК

Фантастический памфлет

Если случается то, чего не может быть, — это абсурдно;

То, что может быть, но не случается, — типично. Габриэль Лауб

ПРОРОК

Между старинными городами Бирштадт и Штадтбир на каменистых обрывах у бурного моря с незапамятных времен стояли два божьих храма. Местные верующие видели в этом особое богорасположение. Что ж, на то и верующие чтобы верить. Хотя если разобраться, то во всем виноваты их предки — рыбаки. В далекие времена, когда вся округа ломала одни храмы и строила другие, местные рыбаки просто ловили рыбу, в промежутках пили свое пиво, и у них не оставалось времени для религиозно-политических ссор.

Проходили мятежные и безмятежные годы. Рыбаки плодились, хотя и не размножались. Ибо те, что не успевали утонуть в море, попадали в солдаты и героически умирали во славу разных королей. Менялись прихожане на черных вытертых скамьях, менялись голоса над захватанными кафедрами, и древние своды храмов безучастно усиливали звуки независимо от того, во имя добра или зла гремели благочестивые проповеди.

Древнее всегда ценнее современного. Так и древние кирпичи костелов вызывали у прихожан священный трепет. Таковы люди: им все кажется, что, если другие ценили, значит, может, и в самом деле дорого. Как будто мало примеров всеобщих заблуждений.

Но недавно с прихожанами что-то случилось. То ли они поумнели, или рыбы в море поубавилось, и рыбаки стали чаще засиживаться на берегу, только их потянуло на новенькое. И с этого момента «божий оазис» раскололся пополам.

Два храма были совсем как два брата. Оба стояли у самого обрыва, оба когда-то служили маяками для моряков, жаждущих берега. И вот случай ввел еще одно похожее: в них появились отец Бриттер и отец Дриттер. Казалось бы, полный комплект. А вышел конфликт. Отец Бриттер считал, что священное писание и церковные атрибуты даны господом раз и

навсегда, и тот, кто меняет их, — еретик и богохульник. Отец Дриттер был за гибкость и считал, что поскольку бог дал людям электричество, радио, модернизм и футбол, то почему церковь должна игнорировать их?

Одним словом, началась обычная борьба новаторов с консерваторами. Отец Дриттер начал с того, что радиофицировал свой храм, чтобы «до самого глухого прихожанина доходило слово божье». Разгневанный отец Бриттер в знак протеста вывернул единственную лампочку, спрятанную под пологом кафедры и помогавшую святому отцу разбирать священные цитаты. Отец Дриттер выбросил зацелованный деревянный крест и заменил его огромным, смело стилизованным распятием из чеканной меди. Мстительный отец Бриттер выставил на всеобщее обозрение старый, засиженный голубями крест, который он откопал на церковном чердаке.

Но вот ведь что любопытно: эти два антагониста не могли и недели прожить друг без друга. Каждый находил немало поводов, чтобы навестить соседа и за душеспасительной беседой отдохнуть от нудных проповедей. Станными были эти беседы. Они начинались с тихих перепалок и кончались как-то вдруг, словно единственной целью святых отцов было взаимное прощупывание.

— До моих грешных ушей дошло, будто вы «улучшаете» слог священного писания? — опустив глаза, говорил отец Бриттер.

— Продиктованного святым духом? — иронически спрашивал отец Дриттер. — Но вы не могли не заметить, что святой дух знал по-латыни куда хуже, чем, к примеру, этот каналья Цицерон.

— Вы цитируете еретика Гольбаха, святой отец?

— Судя по вопросу, вы тоже его читали.

— Надо знать врагов церкви.

— О, святой отец, нам бы слишком легко жилось, если бы враги говорили только глупости. Не забывайте, что именно бог придумал дьявола. Разве он создал себе врага?...

Они никогда ни до чего не договаривались и расходились не то чтобы взвинченные, скорее освеженные беседой.

И в тот трагический день они, как всегда, встретились на прогулке над морским обрывом.

— С хорошей погодой! — сказал отец Дриттер.

— Бог милостив, — сказал отец Бриттер.

Они молча пошли бок о бок, как два оленя перед поединком, внимательно наблюдая друг за другом и выбирая момент для нападения.

— Говорят, с этого обрыва когда-то сбрасывали еретиков, — сказал отец Дриттер.

— Больно низко.

— Вы достойное дитя века, вы жестоки.

— Тверд, — заверил отец Бриттер. — Но разве теперь церковь тверда в защите веры?!

— Да, теперь не то, что во времена Сорбонны. Отец Бриттер уловил иронию.

— Вы пользуетесь терминологией атеистов, — вскинулся он. — Но что вы можете

противопоставить? Одна атомная бомба Убила больше невинных, чем вся святая инквизиция.

— Это потому, что у инквизиции не было атомной бомбы.

— Для утверждений нужны сравнения. А вот как «в святое старое время» — почти четыреста лет назад — некий Жан Боден предлагал бороться с ведьмами.

«Нельзя придерживаться обычных правил судопроизводства, — писал он,

— потому что доказательства этого зла настолько неопределенны и трудны, что из миллиона ведьм ни одна не была бы обвинена и наказана, если бы соблюдался обычный юридический порядок». Что вы на это скажете, святой отец?

— Скажу, что юридический порядок и теперь не слишком соблюдается, особенно когда начинают «ловить ведьм».

Они замолчали, устав от первой схватки, сели на камни. Сосны шумели внизу тугими вершинами. За ними белела отмель. И бежали волны длинными шеренгами, выныривали из белесой морской глади и, пробежав положенные метры, таяли у невидимой сверху кромки берега.

— И четыреста лет назад так же бежали волны. Возникали и таяли. И четыреста лет спустя будут бежать. Вот оно божье величие!..

— Вы хотите сказать, что бог во всем, что выше наших понятий?

Отец Бриттер хотел было возразить, даже рот раскрыл и набрал воздуха для длинной тирады. Но так и остался с разинутым ртом. Ибо увидел такое, от чего сразу забыл все припасенные слова. В густом сумеречном небе, освещенная снизу косым солнцем, медленно плыла... летающая тарелка. Она была светло-зеленой, как дорогой фарфор. Потом тарелка начала опрокидываться и скоро превратилась в золотистый усеченный конус с темным диском наверху. Вокруг диска стоял голубоватый нимб.

— Что скажете? — шепотом спросил отец Дриттер, боясь опустить глаза.

— Скажу, что бог существует.

— А если это дьявол?

— Если есть дьявол, значит, есть и бог.

— Четыреста лет назад за эти слова вы попали бы на костер.

Но отец Бриттер ничего не ответил. Он вдруг заволновался, заерзал на камне, а потом вскочил и бегом пустился к своему старому храму, видневшемуся за лесом.

«Бедный старик, — подумал отец Дриттер. — Даже попрощаться забыл...»

Он снова поднял глаза, но летающей тарелки уже не было. Вокруг, до гребенки леса, до дальней кромки моря, густо синело пустое небо...

А отец Бриттер мчался домой, не разбирая дороги и совершенно забыв о своем сане. Потом на вопросы людей, видевших его, он отвечал убежденно, что его звал бог. Но кто потом не придумывает благопристойных объяснений своим поступкам?...

Он проснулся под утро на пороге храма. Его разбудила бабуся Марта — самая приверженная прихожанка.

— Отец Бриттер! Неужели и вы стакнулись с зеленым змием? — взвизгнула она, толкая его палкой.

У бабуся Марты когда-то утонул муж, потому что в праздничном состоянии полез в море за русалками. С тех пор она ненавидела пиво, море и женщин.

Голова отца Бриттера трещала, будто он вчера побывал к, свадьбе. Но бабуся Марта ждала ответа и божьему слуге пришлось быстро соображать, ибо он понимал, что от его первых слов зависело многое. Эта тихая бабушка обладала уникальной врожденно-приобретенной способностью разносить новости с фантастической скоростью. Как это ей удавалось, никто не знал, это была научная загадка. И вот теперь этот природный уникум стоял рядом, нетерпеливо поводя ушами, словно локаторами.

— О сестра Марта! — нашелся отец Бриттер. — Если бы вы знали, какое удивительное видение мне было...

Бабусины уши вздрогнули и замерли.

— Вчера вечером мы с отцом Дриттером мирно гуляли по берегу моря и беседовали о боге. И вдруг мне был голос свыше: «Иди и увидишь!» Я побежал и на ступенях храма увидел человека, принявшего мой облик. На нем были яркие одежды, а на плечи спадали чудные зеленые волосы, свежие, как молодые листочки тополя или первая весенняя травка на лугах. «Слушай, отец Бриттер, — сказал он, — слушай и ничего не забудь, ибо я послан к тебе тем, кого ты любишь...»

— Ну-ка, ну-ка, — заволновалась бабуся Марта, и ноги у к мелко задрожали.

— «Ты должен завтра же проклясть атомное оружие и впредь неустанно повторять это, пока люди не проникнутся...» Бог вспомнил о нас и снова посылает к нам своего сына. Но он хочет, чтобы мы прежде уничтожили атомное оружие — этот подарок дьявола. Если и теперь люди ослушаются, то придет конец света!..

Отец Бриттер сам не заметил, как взошел на ступеньки и принял позу проповедника, так что чуткие уши бабуся оказались где-то на уровне его живота.

— Еще посланец бога сказал, что он отметит меня своим святым перстом, чтобы люди верили мне. -

Тут утренний луч пробился сквозь листву и упал на ступени. И глаза бабуся Марты вдруг стали большими и круглыми, как иллюминаторы.

— Святая Мадонна! — прохрипела она. — Да вы зеленый! Отец Бриттер оглянулся, чтобы посмотреть в стеклянную дверь, и сразу понял, что никакой это не сон, что видение действительно было и что его теперешние слова — голос свыше. Он повернулся к бабуся, чтобы сказать что-нибудь напутственное, но той уже не было. Лежала на дорожке ее клюка, а сама бабуся исчезла, будто и не существовала. Отец Бриттер перекрестился и пошел готовиться к проповеди.

Первые любопытные, оповещенные бабусей Мартой, пришли уже через пять минут. А через полчаса древние стены ломились под напором толпы. Такого божий храм не видел за всю свою историю.

В этот день отец Бриттер превзошел и себя самого, и всех других проповедников. Слышавшие его искали сравнений в книжных образах, вспоминая первых протестантов. Даже то, что отец Бриттер был не рыжий, как Лютер, не мешало новому пророку. Многие считали это даже хорошим признаком, ибо рыжие не раз выходили из моды.

На другой день толпа еще прибавилась. В старый храм потянулась молодежь, падкая до новенького. Как осы на варенье, налетели любопытные из обоих городов — Бирштадта и Штадтбира. Нагрянули журналисты.

Но говорить с утра до вечера с пафосом трудно даже кандидату в президенты, не то что святому отцу. И скоро в храме появились неизменные спутники любого современного зазывалы — магнитофоны, динамики, даже телевизионные экраны. Отец Бриттер говорил не новое, но всем понятное — об угрозе атомных кошмаров, о необходимости раз и навсегда покончить с этим. И гром динамиков над старым храмом был для людей как гром небесный после долгого томительного ожидания грозы.

И вдруг все смолкло. Исчезли динамики, исчез и сам отец Бриттер. По законам, существующим в той стране, он был арестован «за гуманистическую пропаганду». И только магнитофонов ленты с речами пророка некоторое время еще ходили на мерном рынке вместе с наркотиками и порнографическими открытками.

ВТОРОЙ ПРОРОК

Люди думают, что они могут все: захотел — поел, захотел — проголодался. Какое заблуждение! Даже это простое делается не по желанию. Люди обычно или всегда сыты, или всегда голодны. Первые едят не потому, что хотят. Вторые всегда хотят, но не всегда едят. Что уж говорить о других желаниях. Люди боялись смерти и изобрели атомную бомбу. «С нами бог», — говорили даже те, кто служит дьяволу.

Люди не узнали первого пророка. Что ж, не впервой. Первых никогда не узнают. Потому что их слишком много. Действительно, первыми становятся не единственные, а те, за которыми есть и вторые и сотые.

Вторым был Сегундо. В тот день он вместе со своей болтушкой Барбарой забрался подальше в кусты, в шалашик, где милым всегда был рай.

Вечером, когда солнце катилось к дальним холмам, Сегундо лежал в шалаше, скептически рассматривая силуэты своих стоптанных башмаков. И вдруг там, за своими башмаками, увидел самого себя. Он даже не удивился вначале: ведь нередко бывает, что не только во сне, но и наяву мы видим себя будто со стороны. Одного не понял Сегундо: почему он видит себя не таким, как есть, а совершенно зеленым. «Чего не привидится!» — философски рассудил он, вспомнив о бутылке, которая была уже наполовину пуста. Удивляться он начал потом, когда услышал возглас Барбары:

— Пюпик, какой ты зеленый!

Сегундо видел, как она кинулась к тому типу на шею, но странно проскочила мимо и ткнулась носом в кусты. Тогда он решил, что для полбутылки это слишком, и поднялся.

— А ну катись!

Пришелец стоял неподвижно, словно памятник забытому генералу на городской площади.

— Земля прошла уже четверть орбиты, — сказал он голосом Сегундо. — Вы совсем не беспокоитесь о своей судьбе...

— Чего он мелет? — спросил Сегундо, взглянув на Барбару.

— Теперь я могу назвать срок. Вы, все люди Земли, будете благодетельствованы или погибнете через пятьсот восемьдесят восемь ваших суток. Я приду и скажу, чтобы вы могли выбирать. А пока готовьтесь...

— Ты еще угрожаешь! Мне?!.

Наклонив голову, Сегундо кинулся на обидчика и... запутался в кустах. И что больше всего потом удивляло, тотчас заснул.

Проснулся он в шалаше, куда затащила его верная Барбара. Волосы на голове Сегундо стали зелеными, как глаза ящерицы коао.

— Что это было? — спросил Сегундо, прикладываясь к холодной бутылке. Голова его трещала, как после двухнедельного карнавала.

— Ты разговаривал не то с ангелом, не то с чертом кем-то еще в этом роде. Или с кем-то еще в этом роде.

— Приснилось, наверное? — умоляюще спросил Сегундо

— А мне тоже приснилось? Видишь это? И посмотри на себя.

Сегундо потрогал зеленую прядь на голове Барбары потом посмотрелся в ее зеркальце и тяжело вздохнул:

— Уж лучше бы ангел.

— А мы так и скажем. Кто его видел, ангела?

— Проболтаешься.

— Я?! — искренне изумилась Барбара.

— А что он молол? С чего это мы загнемся?

— Не одни мы, а все. Будет конец света.

— Ни за что не поверю. Мы еще можем, но чтобы дон Фернандо отдал концы!.. Он построит такое бомбоубежище, что весь пол будет из новых монет, стены из первых красок, а вместо наката положит три ряда лучших докторов. Сам черт до него не доберется, не то что бог.

— Нам от этого не легче.

— Ты-то выкрутишься. Фернандо тебе уже строил глазки.

Сегундо вновь достал бутылку, приложился и облизал толстые края горлышка, напоминавшие губы Барбары.

— Но этот зеленый говорил, что скажет, как спастись.

— Мы и без него знаем, как спастись, да не получается...

Через три дня местная газетенка напечатала заметку:

«Как Сегундо с помощью водки Филиппо увидел бога». Парни смеялись, уверяя, что с Барбарой они и без водки увидели бы создателя.

Неожиданно газету поддержал местный кюре. Он авторитетно заявил, что наконец-то господь

вспомнил о своих заблудших детях, явил свой лик самому грешному и сотворил чудо, превратив его волосы в такие, каких нет ни у кого из смертных. И снова, как бывало много раз в прошлом, над притихшей паствой прогремело грозное предупреждение близкого конца света.

И потянулись паломники к дырявой хижине Сегундо. Одни, чтобы помолиться, другие поглазеть, третьи, чтобы поинтересоваться, о чем говорят все остальные. Сегундо вовремя сообразил и решил до поры не торговать своими сувенирными волосами. Расторопные люди начали было сколачивать торговую фирму, стремясь монополизировать выгодное дело. Но фирма прогорела в самом начале, ибо Сегундо неожиданно был арестован: полиция усмотрела в лесной встрече связь с партизанами. Второй «зеленый пророк» исчез в тайниках министерства общественного спасения.

На том бы дело и кончилось. Но Барбаре очень не понравился такой оборот. Она не без оснований рассчитывала кое-что иметь от неожиданной святости своего милого. В знак протеста Барбара выкрасилась в зеленый цвет и начала проповедовать вместо Сегундо.

Чудо есть чудо. Нет человека, который не клюнул бы на его изменчивое мерцание. Редакторы это поняли, и скоро портреты Барбары запестрели на газетных страницах.

«До конца свет два года», «Новый Христос на кресте закона!» — кричали заголовки.

Где-то в складках своего платья Барбара отыскала зеленый волос Сегундо и сумела пристроить его: передала крупнейшему химику дону Рикардо Фьерро. Тот произвел анализы и установил, что волос окрашен неизвестным науке способом. Сведения об этом попали в печать, и «зеленая тема», как окрестили ее газетчики, стала самой популярной. Зеленые рекламы замелькали над барами и витринами, зеленые лампочки зажглись на распятиях. Женщины, что в способности подражать уступают только детям и обезьянам, стали массами перекрашиваться, и серые улицы начали конкурировать в зелени с городскими бульварами. Калейдоскоп ее величества моды ярко вспыхнул зеленым.

Вспыхнул и погас. Утомленная публика жаждала нового. И лишь где-то в лаборатории дона Рикардо Фьерро кого-то еще продолжала волновать неразрешенная загадка.

Но мало ли загадок замуровано в стенах научных учреждений?!

ТРЕТИЙ ПРОРОК

Неизвестное племя мбулу-нгулу вышло из джунглей и потребовало уничтожения ядерного оружия. Вопрос был не новым, и дипломаты, как обычно, не обратили на него внимания. Шум подняли журналисты. Они поставили вопрос так: откуда мбулунгулянам известны нужды человечества, если человечество ничего не знает о мбулунгулянах? «Тут какой-то секрет», — решили журналисты и помчались на тихий океанский берег, где раскинуло свои хижины таинственное племя.

Король Мбулу-Нгулу, по убеждению его соплеменников, был самым великим человеком на земле. Они ничего не слыхали ни о Цезаре, ни о царе Соломоне, ни о фараоне Хеопсе. Но если бы и узнали, то это едва ли поколебало бы их уверенность. Мбулунгуляне могли бы сказать, что их король совсем как Цезарь умеет делать сразу многое: пить веселящую паку, ласкать сорок седьмую свою жену, мечтать о сорок восьмой и одновременно думать о судьбах мира. Он совсем как Соломон, сказали бы подданные короля, только тот был мудр советами своих многочисленных жен, а этот тем, что никогда с ними не советовался. Что

касается Хеопса, то тут даже говорить не о чем. Жалкий фараон за всю свою жизнь не додумался переименовать Египет в какую-нибудь Хеопсиду, а Мбулу-Нгулу сделал это со своим народом еще когда был коронованным дитем. Хеопс строил пирамиду, чтобы поселиться в ней после смерти, Мбулу-Нгулу построил дворец, чтобы жить в нем.

Дворец этот и поныне вызывает трепет и восхищение у всех мбулунгуловских архитекторов. Он стоит в непроходимом лесу, опираясь одним углом на могучий баобаб, а другим на широколистный фикус. В нем целых восемь комнат с такими высокими потолками, что до них не мог дотянуться даже начальник личной охраны короля Амбра-Бамбра, самый длинный в племени.

Великий Мбулу-Нгулу лично разработал систему охраны дворца. На замаскированных тропах в страшной тайне было установлено сорок четыре самострела. Правда, от самострелов обычно страдали соплеменники. Но все они, как уверял Амбра-Бамбра, с радостью умирали за своего короля. Самую главную тропу охраняло новейшее секретное оружие, наводившее ужас на все джунгли. Оно изрыгало огонь и гром и, словно болотным туманом, затягивало лес едким дымом. Оружие это, с таинственным названием «самопал», досталось нынешнему королю в наследство от отца — богоподобного Нгулу-Мбулу.

В этот-то дворец, миновав самострелы, и пришел сам великий Бонда — дух огня и воды, лесов и гор. Под страшным табу король рассказал о видении своей сорок восьмой жене. Именно поэтому миру и стало известно о третьем посещении Земли Зеленым призраком.

Случилось это вскоре после сезона дождей, когда счастливое человечество готовилось в двадцатый раз отпраздновать и начало эпохи Мбулу-Нгулу, в эру его сорок восьмой любимой жены, в период, предшествующий четвертому выходу короля к народу.

Мбулу-Нгулу в полном одиночестве поглощал на верхней площадке дворца свой второй завтрак. Видеть, как он ест, не полагалось никому. Кроме обезьян. Но ведь они не люди, с них не просто потребовать выполнения страшного табу.

Утомленный завтраком, король вздремнул, а когда открыл глаза, то увидел рядом с собой человека.

— Побереги дротики, — сказал человек, видя, что король схватился за оружие. — Я не нарушитель табу, я дух и прищеп к тебе, своему брату, по важному делу.

Бонда (это был, несомненно, он, ибо так подумал король) трижды подпрыгнул и стал расти. Руки у него вытянулись, как ветви у баобаба, ноги стали как корни, а с головы свесились зеленые волосы, яркие, как листва джунглей, пронизанная солнцем.

— Ты великий из великих? — спросил он громовым голосом.

— Смеешь сомневаться? — бесстрашно крикнул Мбулу-Нгулу.

— Властелин народа народов? Тот самый, который может обедать по восемь раз а день, чего не в силах никто другой на земле?

— Могу и девять.

— Повелеваю тебе в ближайшее время уничтожить атомное оружие. Если ты этого не сделаешь, то погибнут люди и звери, рыбы и птицы, деревья и даже травы. И жены твои умрут, и солдаты тоже. И некому будет нежить и охранять божественного Мбулу-Нгулу...

И он исчез, будто и не был. Только вихрь прошел по вершинам.

Король поднялся с пола, потер онемевшие колени и, отдышавшись, крикнул жену, чтобы она убрала еду. Сорок восьмая жена, молодая и красивая, вошла, пошевеливая бедрами. Но застряла в дверях, будто ее стукнули по лбу, и вдруг закричала громко и визгливо, как сотня испуганных обезьян. На крик прибежали жены и воины из личной охраны. Они тоже закричали и плюхнулись на животы. И вдруг все пропали, уползли, не поднимаясь и не поворачиваясь. Мбулу-Нгулу подивился таким способностям своих подданных. Он и сам умел когда-то ползать вперед, лежа на животе. Но, чтобы назад, этого он еще не видел.

Потом жены рассказывали, что их испугали его волосы цвета молодых банановых листьев. Но и сам король испугался не меньше, узнав о своем чудесном превращении. После паки он видывал всякое. Но тут пришлось поверить, что его действительно навел сам великий Бонда. А стало быть, и его требование об уничтожении атомного оружия надо было выполнять.

Через три дня состоялся праздник уничтожения. В полной тишине под сухой стук барабанов воины пронесли сквозь толпу большие носилки, накрытые драгоценным плащом, сшитым из перьев маленьких попугайчиков. Носилки поставили в центре поляны на высокие подмости, и вокруг них начал прыгать главный колдун племени. Когда он устал и упал на землю, плащ на носилках откинулся, и из-под него поднялся сам Мбулу-Нгулу. Его желтые руки тянулись к небу, его красное лицо было как восходящее солнце. А волосы, необычные, зеленые волосы, стоявшие дыбом от священного трепета и клейких снадобий, напоминали утренние лучи. Крик восхищения и ужаса пронесся над толпой. И все упали, не смея поднять глаз.

«...О великая магия власти! Она освобождает сердце от страха и вливает в него смелость пантеры. Она делает бесцеремонным каждый жест, наполняет мудростью каждое слово. Недостатки властителя превращает в достоинства, ошибки — в величайшее благо. Ты можешь взять чужую жену, и все будут рады, можешь убить друга, и все сочтут — поделом. Власть заменяет таланты, поднимает до величайших гениев мира. Ни лучшая пака, ни самые способные женщины не могут доставить такого блаженства, как власть. Жаль, что поэты не воспевают ее. Наверно, потому, что никто из них не знает, что это такое. И послом этим бездельникам, не способным взять за горло даже последнего нищего. Сами они ничего не умеют и другим только мешают...»

Когда мысли Мбулу-Нгулу добрались до этого патетического места, он заговорил гневно, как и подобает богоподобным:

— Ко мне, великому Мбулу-Нгулу, приходил еще более великий Бонда и повелел уничтожить атомное оружие. Выполним его волю.

С этими словами король выхватил из носилок дедовский самопал и швырнул его оземь.

Долго мбулунгуляне топтали и били старое ружье. Старики еще помнили рассказы других, давно умерших, стариков об унижениях, которые пришли в джунгли вместе с такими вот грохочущими трубами, и теперь мстили ружью за свой вековой страх. А когда солнце утонуло в тучах над лесом, они собрали железки и кинули их в самую глубокую пещеру.

На другой день Мбулу-Нгулу покинул дворец и во главе своего племени отправился выполнять спасительную волю Бонды. Выступили в полном соответствии с тактикой и стратегией: в центре на носилках король, окруженный женами и воинами, вокруг все остальные. По пути они хватали и убивали всякого, чье оружие чем-либо отличалось от обычного лука... * * *

По-видимому, первым до мбулунгулян добрался все-таки репортер. Иначе откуда бы в ноздрах у короля оказалась современная авторучка, а в ушах его сорок девятой жены

превосходные клипсы, сделанные из солнцезащитных очков. Она была большая модница — эта сорок девятая.

Штангель, специальный корреспондент популярной газеты «Без прикрас», увидев столь оригинальные украшения, насторожился и переложил поближе стреляющую авторучку. (Она каким-то образом уцелела после первого знакомства с мбулугулянами.) Всякие формы приветствий знавал Штангель. Дома его приятели обычно шевелили пальцами у виска и говорили нечто среднее между «ха» и «алло». Приходилось ему здороваться за руку, целоваться, хлопать знакомого пониже спины, Прижавшись к нему животом, обнюхиваться, тереться носами, даже, кажется, бодаться. Чего только не повидал он а странствиях по свету. А здесь вместо приветствия его раздели и оставили в чем мать родила. Все племя сбегалось поглазеть на него. Но, странное дело, их интересовало вовсе не то, что обычно бросается в глаза у голого человека, а густая рыжая шевелюра на груди. В горячей научной дискуссии, развернувшейся возле Штангеля, по-видимому, обсуждался один вопрос: не произошел ли человек от обезьяны.

Надо полагать, сторонники обезьянней теории победили, потому что Штангель был признан существом неопасным и ему даже вернули часть одежды.

Потом его принял король. И хотя он ни слова не понял, все же набросал сенсационное интервью. Большой опыт позволял ему расшифровывать любые намеки.

— Откуда вы узнали о существовании атомного оружия? — спрашивал Штангель.

— Воу стре Бонда, — отвечал Мбулу-Нгулу.

И он записывал, что некая банда проникла в джунгли и строит военный объект.

— Примете ли вы бескорыстную помощь ваших друзей?

— Кара Бонда тара бух, — говорил Мбулу-Нгулу.

И опять было все ясно: мирные дикари ждут не дождутся, чтобы их взяли под защиту сильные друзья.

Одно только озадачивало Штангеля: каким образом «зеленая мода», поразившая однажды целый континент, проникла сюда, на неведомый берег? Ведь король был окрашен так, что позавидовали бы самые ревнивые сторонники той моды...

Однажды в хижину Штангеля пришел начальник личной охраны короля всесильный Амбра-Бамбра и привел двух красоток. На мягком ковре из пальмовых листьев они пили экзотическую паку, закусывали языками попугаев. Красотки приносили охапки мягких лепестков и вытворяли такое, за что первые цивилизованные гобсеки отдали бы свои последние кошельки.

Ночью Штангель проснулся оттого, что озябли ноги. Холод был под коленями и поднимался все выше.

— Есть кто-нибудь! — крикнул он.

Пришел Амбра-Бамбра и остановился между пальмами. Светился океан за его спиной, и сияющее по краям облако, словно шапка, сидело на голове Амбры-Бамбры.

— Что, брат, плохо? — спросил он так ясно и чисто, будто век жил в цивилизованной стране. — Ты выпил слишком много паки, настоящей на сонной траве. Когда проснешься, я буду Далеко. Вместе со своим племенем, разумеется.

— О черт! — воскликнул Штангель. — И здесь агенты иностранной разведки!

Потрясенный открытием, он впервые в жизни искренне пожалел обреченных туземцев.

Но туземцам новая жизнь не угрожала. Амбре-Бамбре просто Надоело работать на других, и он решил позаботиться о себе сам. Этой ночью он отправил Мбулу-Нгулу в далекий путь Искать своего Бонду и стал преемником короля. Что ж, его можно понять: взамен призрачных благ на чужбине он получал сорок девять совершенно реальных молодых и красивых жен которые к тому же умели работать как сорок девять домработниц...

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРОРОК

Следует отдать должное долготерпению Зеленого призрака. Другой на его месте давно бы уж плюнул и предоставил людям доживать до катастрофы в блаженном сознании незыблемости мира. А он пришел снова. Четвертым избранником оказался человек, которого даже сослуживцы, обычно не терпящие рядом с собой ничего выдающегося, называли «гениальным чудачком». Очень удобную формулу придумали сослуживцы. С одной стороны, признание, с другой — снисходительность, дающая право на бесцеремонность.

И с ним не церемонились. Сотрудники института разных проблем, где работал Грюндик, каждое утро толпой собирались возле его стола с недоразгаданными кроссвордами. Грюндик отвечал на самые заковыристые вопросы и походя выдавал такие идеи, что коллеги, знающие в этом толк, в изумлении кидались к столам записывать темы своих будущих научных работ. Вокруг ходило немало магистров, попавших в этот почетный клан благодаря необычным способностям Грюндика. А сам он оставался простым сотрудником. Ему все казалось, что он не сделал для науки ничего выдающегося и не достоин называться ученым.

Многих это устраивало. Но только не жену. Если уж говорить откровенно, то она и вышла-то за него лишь из-за перспективы стать профессоршей. И теперь ей было стыдно перед подругами за свой просчет.

В тот роковой день Грюндик сидел в кресле-качалке на балконе своего дома и наслаждался. Так он называл минуты свободных раздумий, те самые, во время которых иные люди умирают от скуки. Грюндик думал, уставившись в пустое небо. Покачивались крыши домов, деревья помахивали вершинами, бледное пятно луны колыхалось в синем вечернем небе.

Грюндик думал. Кто знает, о чем? Но несомненно, мир был у него на ладони со всеми конфликтами, конференциями, ракетами, зажигалками, консервами, кроссвордами, зубочистками, с большими открытиями и мелкими капризами, с высоким небом и низкими потолками... Кто знает, может, именно в тот момент спираль его мысли вонзалась в самое заветное слово, на спасительную миссию которого вот уже сколько веков надеется простодушное человечество. Может, уже на другой день все мы были бы облагодетельствованы открытием, которого смутно и безотчетно ждем. Если бы Грюндик не задремал.

Когда он проснулся, то в другой качалке увидел... самого себя. Он не удивился, ибо привык смотреть на себя как бы со стороны. А в следующий миг уже не удивлялся, потому что все понял. Такова уж была у Грюндика способность.

Собственно, каждый из людей немножко гений. Если попытаться записать все зигзаги любой кратковременной мысли с сумбурными, наивными, противоречивыми и железнологическими связями, то пришлось бы писать часами. А минутная мысль Грюндика могла составить целую

монографию.

Он заметил, что перед ним не зеркальное отражение, ибо бородавка с волосиками — предмет постоянных злых шуток жены — у двойника тоже была на правой щеке. Эта-то бородавка и выдавала пришельца, ибо, подумал Грюндик, если он так педантично копирует образ, то, стало быть, не может отличить главного от второстепенного. Но, с другой стороны, если он умеет так быстро и точно перевоплощаться, то почему бы ему не воспроизводить и мысли, в том числе и эти, о главном и второстепенном?

Грюндик насторожился и стал думать не столь целеустремленно, чтобы не выдать себя. Тут ему бросилось в глаза, что полотно качалки не провалилось, как обычно, до самого пола и что Зеленый сидит довольно прямо. И Грюндик понял, что перед ним не фокусник и не шутник, готовый на розыгрыш, а дух, луч, галлюцинация и вообще все, что угодно, но не материальное существо. Это было настолько любопытно, что Грюндик не выдержал и спросил:

— С кем имею честь?

— Дело не в имени, — сказал Зеленый. И эти четыре слова были для Грюндика таким потоком информации, что он молчал целых две секунды. Он заметил, что Зеленый говорит, не открывая рта. Стало быть, он умеет воздействовать непосредственно на слуховые центры мозга. А это уже новое в науке землян. «Землян?» — Грюндик поймал себя на слове и подивился, как это он так сразу сделал вывод о неземном происхождении «призрака»?

Словно подтверждая эту мысль, Зеленый сказал:

— Наконец-то я получаю удовольствие от общения с людьми.

— Не могли бы вы рассеять мои недоумения? — спросил Грюндик, сообразив, что в этой ситуации лучше всего играть в открытую.

— У вас нет недоумений. Вы все понимаете правильно.

— Я понимаю гипотетически. А гипотез у нас и без моих предостаточно.

— К сожалению, я могу сообщить немного. Итак, по порядку...

— Порядок? — вскинулся Грюндик, вспомнив, что жена, мстя мужу за невозможность иметь прислугу, строго-настрого наказала ему навести в доме порядок.

Он схватил помойное ведро и выскочил к мусоропроводу.

— Каждая секунда нашего общения стоит очень дорого, — сказал «призрак», когда Грюндик вернулся.

— Вы говорите, а я тут кое-что поделаю.

И он начал переставлять вещи. Зачем-то вылил воду из вазы с цветами, сдвинул стулья, дважды задев головой люстру, вытащил пылесос, но, испугавшись, что, включив его, ничего не услышит, оставил посреди комнаты.

Но не будем слишком строги к нему. Многие ли осмеливаются не любить своих жен? Что удивительного, если недовольный взгляд жены стал для Грюндика страшнее землетрясения. А тут еще этот фантастический пришелец. В такой ситуации не то что мелкий научный клерк, кто угодно потеряет голову...

— Мы, цваги, посланцы могущественной цивилизации, прилетели с далекой планеты, чтобы

освободить вас от забот. Мы уже теперь можем дать вам то, чего вы сами достигнете лишь через века. Но с нашим приходом на Земле взорвутся все расщепляющиеся материалы. Это может погубить вас. Чтобы спастись, вы должны уничтожить атомные бомбы, рас творить уран и рассеять его...

— Уран есть и на атомных электростанциях, — решил возразить Грюндик.

— Они вам не понадобятся. Мы освободим вас от энергетических забот.

— Но что я могу? Надо обращаться к старшим...

— Старые люди часто озабочены личным бессмертием. Это опасно.

— Я говорю не о старых, о тех, кто в силах решать такие вопросы.

— Нам трудно ориентироваться в ваших взаимоотношениях, — сказал «призрак». — Мы настраивались на наиболее выдающиеся точки, беседовали с самым самоуверенным из людей, который во время сеанса связи оказывался в луче, потом с самым мужественным, самым гордым, наконец, с Вами, самым умным...

Грюндик опустил голову и пожалел, что нет жены, — вот бы она послушала!

— Вам надо на ту сторону планеты, там скорей поймут, — сказал он. И тут же покачал головой. — Хотя нет, надо убедить именно этих, за теми дело не станет...

— Сообщите всем. Мы не можем убеждать каждого. Как договоритесь, вызовите нас на связь...

За всю жизнь лишь второй раз горели в мозгу Грюндика такие фейерверки мысли. Впервые это случилось, когда Диночка призналась ему в любви. Она говорила, что влюбилась сразу, как увидела. Он рисовал себе эту картину мгновенной Диночкиной страсти, не подозревая, что она простодушно заменила словом «увидела» слово «услышала» (о его великих способностях). Она говорила, что жить без него не желает, и он представлял себе ее умирающую в слезах, хотя Диночка все понимала весьма конкретно.

Но если Диночке он мог не поверить, если бы захотел, то теперь он хотел не верить — и не мог. Слишком все было наглядно и убедительно.

«Они, эти неизвестные существа, несомненно, не хотят зла людям. Иначе зачем бы четвертый раз тратили свою неведомую энергию на то, чтобы предупредить, что с их приходом взорвутся все ядерные боеголовки: в самолетах и подводных лодках, на кораблях, в ракетах, изготовленных к старту, в подземных хранилищах?...»

Вот о чем думал Грюндик, слушая своего двойника. Было отчего забыть о пылесосе.

«А вдруг они хотят обезоружить нас нашими же руками?» — мелькнула мысль. Он даже растерялся, когда она мелькнула, так не свойствен был ему скептицизм. И начал было размышлять: откуда он? Поразмышляй Грюндик хоть чуточку, понял бы, что общение с Диночкой для него не проводит бесследно. Но он отбросил эту «неглавную» мысль и повернулся к балконным дверям с готовым вопросом. Но в кресле, где только что сидел его двойник с зеленой шевелюрой, теперь покачивался совсем незнакомый человек с дежурной улыбкой и подвижными руками, в которых он вертел маленький репортерский магнитофон.

— Вы... кто? — изумился Грюндик.

— Петер-Метер к вашим услугам, репортер известной газеты «О'кэй».

— Как вы тут оказались?

— Дверь незаперта, а вы были так заняты.

— И давно... вы тут?...

— Нет, но этого зеленого черта успел разглядеть.

— Значит, все правда?! Вы понимаете?!

— Понимаю. Дело у меня было другое, но это поважней. — Он постучал пальцем по магнитофону. — Поэтому не будем откладывать. Перескажите все, о чем вы тут говорили.

— Может, потом? — заколебался Грюндик, глубоко зевая.

— Я не верю в «потом». Прошу вас.

И он поднял магнитофон и нажал на белый клавиш записи.

Начав воодушевленно, Грюндик говорил все тише и, наконец, умолк совсем, уснул. Оставив записку, что еще зайдет, Петер-Метер сунул магнитофон в карман и помчался в редакцию, чтобы успеть со своей сенсацией к вечернему выпуску.

А Грюндик спал, и губы его вздрагивали в мечтательной и загадочной улыбке...

— Эт-то что за фокусы?!.

Голос был слишком знакомым, чтобы не проснуться. Диночка пинала стулья и сыпала искры негодования. Грюндик молчал, как всегда. Железная логика его мысли рождала убеждение, что всякая семья держится на чьем-то терпении и снисходительности. С давних пор в нем занозой сидела вера, что если все время делать человеку добро, то он рано или поздно подбодрит...

— Мало, что эта бездарь не может стать магистром, так теперь он еще и перекрасился.

Грюндик бросился к зеркалу, запустил пальцы в свои зеленые волосы и, восторженный, повернулся к жене.

— Знаешь ли ты, что у человечества начинается новая история?

— Начни сперва уборку, — парировала жена.

— Я сейчас разговаривал с человеком... нет, с духом... Одним словом, я обменивался информацией с неземным существом...

— Убери пылесос! — крикнула жена, запнувшись о шланг.

— Представляешь? Они хотят общаться с нами, обещают Разрешить все наши земные проблемы, а требуют только одного — уничтожения атомного оружия...

— Слушай, ми-лый, — сказала жена с выражением. — До чего ты мне надоел. Сделай милость, уйди куда-нибудь. Только совсем.

По привычке он кинулся выполнять приказание. «Она меня назвала «милым», — ликовало его любящее сердце. — Наконец-то она становится доброй!»

Но на лестничной клетке, когда защелкнулся замок, до него дошел смысл ее слов. И ему стало очень плохо. И он упал, ударился умной головой о тупой край железобетонной

лестницы.

Петер-Метер в тот вечер так и не узнал о печальной судьбе Грюндика, Он сидел в кабаке «Последняя надежда» и вспоминал, как редактор, отобрав магнитофон, грозно кричал на него:

— Что ты принес?! Не морочь мне голову этими цвагами с их дурацкими требованиями. Такое могут хотеть только те, с другой стороны. Мне нужны репортеры, которые знают, что мне нужно. Ясно?...

Петеру все было ясно. Он хлопнул дверью так, что статуэточке-секретарше стало дурно, и напрямик направился в этот кабак.

— Погодите, — говорил он, обращаясь к пепельнице. — Вы еще вспомните Петера-Метера. Не такой дурак Петер-Метер, чтобы отдать самое главное. Самое главное вот оно где (он постучал себя по лбу). Никто не знает, что надо подергать Луну за уши. Альфа, бета, три валета! Попробуй, угадай. Только я могу спасти человечество. Вот они где, эти людишки!

Тут Петер сжал кулак и так треснул по столу, что его мигом вытолкали на улицу.

На улице полыхали рекламы, обещая красивую жизнь. Тусклым фонариком светила загнанная на крышу Луна. По тротуарам бродили грустные женщины, искали опечаленных мужчин.

В эту ночь «спасителя человечества» спасла от простуды маленькая Мелена.

КОМПАНИЯ ПОЛУЗЕЛЕНых

Случилась очень банальная история, хотя от этого она не стала менее грустной. Петера поразили неодносторонние способности маленькой Мелены, ее мягкая умная речь и серые выразительные глаза Мелену тронуло, что мужчина, и вдруг заметил цвет ее глаз.

Это могло многое значить.

И это многое значило.

Мелена уснула, так и не решив загадки, встревожившей ее, Петер не мог спать. Он лежал на спине, разглядывал молочные полосы рассвета на потолке и размышлял о человеческих странностях. Он чувствовал, как его измученное одиночеством сердце неотвратимо прирастало, к ней. Говорят же, что люди — это не цельные существа, а всего лишь половинки, обреченные искать друг друга. Они мечутся, словно частицы в броуновской суетне, сталкиваются, примеряются друг к другу. Но иногда, редко, как крупный выигрыш в лотерее, сталкиваются именно те. По инерции привычек они стремятся оттолкнуться, но у них ничего не получается. И они замирают удивленные: «Скажи, пожалуйста, оказывается, крупные выигрыши существуют!...»

Вот так и Петер боролся со своим внезапным восторгом.

«Но ты подобрал ее на улице», — твердил ему житейский опыт, разжиревший от предрассудков.

«А она тебя где подобрала?» — возражала его радость.

«Она торговала собой!»

«Господи, а что делаешь ты? Разве торговать совестью менее предосудительно?»

«Но человек не свободен от мнений света!»

В ответ на этот довод внутреннего голоса Петер повернулся на бок и обнял свою обретенную половину. «Что ж, — думал он, засыпая, — мы не так уж и далеки; моя профессия, говорят, не менее древняя. Да мало ли еще таких «древних» профессий! Пусть в меня кинет камень тот, кто ни грана собой не заработал!..»

Солнце, этот вечный спутник всех счастливых историй, уже давно ломилось сквозь плотные гардины, когда новое духовное единство Петер — Мелена изволило проснуться.

— Ай! — сказала Мелена, прикрываясь одеялом. — Отвернись же!

Он рассмеялся. Ему вспомнилась старая как мир история, когда женщина по имени Ева, щеголявшая перед Адамом в чем бог создал, после того как съела яблоко, стала стесняться мужчин.

Это многое могло значить.

И это многое значило.

Начинался день, чистый, как экран перед киносеансом, начинался новый век, уверенный и смелый.

Полдня они сидели друг против друга, тихо смеялись, пьянея от каждого слова и взгляда. Это был тот случай, когда только мешали счастью его суррогаты в пучеглазых бутылках и когда для того, чтобы закружилась голова, достаточно было чашки кофе, протянутой на маленькой ладошке.

День казался вечностью, вечность казалась одним днем.

И когда они совсем уверовали, что обрели рай, у дверей послышались бесцеремонный гогот и стук. Петер пошел открывать, сразу поняв, зачем апостолу Петру был нужен большой ключ.

В комнату ввалились двое: разбитной мужчина в моднейшем полупальто и яркая особа с многообещающим взглядом больших глаз на смуглом лице мулатки.

— Петер-Метер? — спросил мужчина. — Трудно же вас найти.

А дальше произошло ни на что не похожее: он и его спутница сдернули шапчонки и склонили головы, показав свои затылки.

«Хоть я и в раю, но еще не святой, чтобы мне кланялись», — весело подумал Петер. И тут заметил на затылке у женщины ярко-зеленую прядь.

— Вы поняли? — спросил мужчина и протянул руку. — Штангель, журналист, а это Барбара, вроде моей домохозяйки.

— Петер-Метер. А это Мелена, вроде моей жены.

Штангель взглянул на Мелену с улыбкой и любопытством, Барбара — с высокомерной брезгливостью. Она презирала «уличных» считая их слишком прямолинейными, как, впрочем, и «порядочных», считая их лицемерками.

— Насколько я знаю, полузеленых на Земле только три человека — вы двое да еще один

святой отец, которого Барбара не захотела приглашать в компанию, — сказал Штангель. Надежда на зеленых не оправдалась, и спасти мир должны полужелтые. Я с трудом нашел Барбару на Всемирном конкурсе оболъстительниц. Но и вас найти было не легче. Однако теперь мы вместе и должны объединиться.

Петер пожал плечами. Мелена мило улыбнулась и поглядела на Петера.

— Итак, коллеги, — торжественно продолжал Штангель, — объявляю: Компания полужелтых спасителей человечества создана, сокращенно — Композел. Торжественный момент — семь минут двенадцатого, четвертого июня. Когда-нибудь эти цифры будут золотом выбиты на пьедесталах. Жанна д'Арк, — при этом он указал на Барбару, — и ее рыцари встанут в рост на всех площадях...

— Их руки побелеют от птичьего помета, и бронзовые головы позеленеют от дождя. И тогда они будут удивительно похожи на самих себя, — сказал Петер.

Этот день они просидели допоздна, обдумывая будущее. Беседа текла тихо и плавно, как река по равнине, и Мелене не раз приходилось бегать в соседний магазин за источниками для этой реки. И к ночи раздобревший от приятельских объятий Петер рассказал друзьям секрет «Альфы и Беты», о котором рассказал ему Грюндик уже после того, как в магнитофоне кончилась пленка.

— Надо подергать Луну за уши: Альфа — левый край видимого диска Луны, Бета — правый. Если направить на них две параболические антенны и на любой ультракороткой волне подавать по три сдвоенных сигнала, то можно достучаться до зеленых и выйти с ними на связь.

— Что же ты молчал! — вскричал Штангель. — Мы потеряли целых полдня.

— У нас все равно нет параболических антенн.

— На этот источник, — он похрустел банкнотами, — любая антенна настроится.

Они устремились к окну, распахнули гардины. На крыше соседнего дома, примостившись между трубами, словно кошка, дремала полная Луна. И вся Компания полужелтых в полном составе замерла замороженная. Барбара жестко вцепилась в Штангеля, Мелена уперлась кулачками, прижатыми к груди, в спину Петера, горячо и щекотно дышала ему в шею. Так они и стояли, с любопытством и тревогой рассматривая Луну, пока светлый диск ее не спрятался за трубу.

— Значит, так, — сказал Штангель. — Вы сидите тут, не отлучаясь. Думаю, что вам это будет нетрудно. А мы отправимся искать антенны.

— Но, может, сначала подумаем, что скажем цвагам?

— Скажем, что люди не такие умники, как они там думают. Скажем: пусть поищут какого-нибудь более действенного средства для устрашения или все равно для чего. Бог был не дурак, когда являлся на Землю. Он понимал: людям нужно чудо. Вот пусть они и сотворят чудо. Только не слишком непонятное... * * *

Штангель позвонил на другой день, сказал, что договорился в одной лаборатории, что времени в обрез и что надо торопиться.

В дверях лаборатории, куда Петер и Мелена прибыли с опозданием, их едва не сбила с ног обезумевшая Барбара. Ухватившись за Петера мертвой хваткой, она начала что-то часто и сбивчиво рассказывать. Петер только и разобрал три слова: «зеленоголовый», «полужелтоголовый», «безголовый». Потом она втолкнула его в лабораторию, и Петер

увидел такое, от его впору обезуметь не только впечатлительной Барбаре. У большого мерцающего пульта сидел Штангель, точнее, не он, а лишь его тело. На том месте, где у большинства людей находится голова, у Штангеля был зеленый люминесцирующий туман. Два проводника с двух сторон втыкались в этот туман и таяли в нем.

— Не так надо было! — крикнул Петер. — Выключите антенны!

Но прежде, чем успели это сделать, из глубины тумана послышался странный чмокающий звук, напоминающий полуобморочный поцелуй, и Петер увидел голову Штангеля в наушниках сидящую там, где ей и полагается, но только задом наперед.

Штангель с перевернутой головой встал со стула, похлопал себя точно так, как хлопают по животу чревоугодники после мощного обеда, и сказал удовлетворенно:

— Ну вот, теперь всё на месте...

Он не успел продолжить свою оригинальную мысль, ибо голова его снова превратилась в туман. Потом еще раз послышался глубокий поцелуй, и все увидели Штангеля живым и невредимым. Только теперь у него были совершенно зеленые волосы.

— З-зачем человек-ку з-затылок? — спросил он, заикаясь. — В д-другой раз п-попрошу у них два лица. Чтобы вперед и н-назад, к-как у Януса...

Он вдруг умолк, словно наскочил на стену, оглядел всех невидящим взглядом и упал в обморок.

«АЛЬФА, БЕТА, ТРИ ВАЛЕТА...»

Компания полужеленых распалась в тот же день. Первой взбунтовалась Барбара. Заявив, что, поскольку Штангель теперь полностью зеленый, да к тому же еще и заикается, она предложила Петеру заключить новый союз, в который входили бы только он и она. Предложение не было принято, и Барбара ушла, вконец обиженная вероломством союзников.

— Вы еще обо мне услышите! — крикнула Барбара перед тем, как хлопнуть дверью. — Я сама займусь этими лунатиками. Они от меня не уйдут, если там есть хоть один мужчина!..

Штангеля после эксперимента словно подменили. Он на все махнул рукой и даже Петеру не стал ничего рассказывать.

— Решишься повторить опыт, сам все узнаешь.

В глубине души Штангель надеялся, что никто не последует его примеру, ибо по себе знал, какая малоприятная перспектива оказаться совсем без головы.

Но он не знал великих возможностей, открывающихся перед людьми, нашедшими свою половину.

Вся предыдущая жизнь теперь казалась Петеру кувырканием клочка газеты на ветру. Он и сам не мог объяснить себе, что с ним такое произошло, но чувствовал: стоит на ногах, как

никогда. То ли это была ее способность, то ли его особенность, но он не замечал Мелену, как не замечал самого себя. Она жила не рядом, а словно в нем самом. Странное фантастическое единство, о каких он даже не слыхивал.

«Что такое любовь? — рассуждал Петер. — Это когда где-то поблизости бродит равнодушие. Ревность? Когда есть опасность обмана. Все понимается от противоположного. Разве бы мы знали что-нибудь о дне, если бы всегда был день и не существовало ночи. Отсутствие противоположности — первый примак смерти... Почему же я люблю Мелену? Ведь она никакая не противоположность, она — это я?...»

Так или иначе рассуждал Петер, но мысли его всегда возвращались к одному и тому же. Поэтому он и не удивился вовсе, когда Мелена однажды сообщила ему, что все сама устроила и что следующей ночью они смогут повторить опыт.

— Где ты взяла денег?

— Их не понадобилось. Я просто рассказала ученым, чего мы хотим. Все наслышаны о Зеленом призраке и сами готовы сунуть головы в наушники.

— Ну нет, — сказал Петер. — Голову я совать не буду...

На подготовку эксперимента понадобилось несколько дней. Много времени ушло на подыскание емкости, о которой также говорил Грюндик. К сожалению, он ничего не сказал о том, какой она должна быть. Ученые посоветовали металлическую. Трудно сказать, чем они руководствовались: своим глубокомыслием или тем, что во дворе с давних времен ржавел старый котел, неизвестно когда и зачем сюда привезенный и изрядно всем надоевший. На всякий случай решили положить внутрь резиновый коврик, а в отверстие вставить стекло для наблюдений.

Петер торопился. Ему казалось, что какая-нибудь непредвиденность сорвет опыт. Вдруг да нагрянет ответственное начальство? Тогда пиши пропало: решат, что надо брать на себя ответственность, и замучают согласованиями. Кто захочет с таким трудом добытое конкретное служебное место поставить на карту в игре за абстрактную судьбу человечества?

— Не беспокойтесь, — успокаивал его белобородый старичок с молодо сияющими очками и девичьей фамилией Вонани. — Если бы ученые не умели рисковать, они до сих пор согласовывали бы колесо и закон Архимеда...

Поздней ночью серый от бессонницы Петер собственноручно закрепил на баке проводники, идущие к антеннам, последний раз взглянул на ущербную Луну и полез в люк. Уже оттуда изнутри он помахал рукой профессору Вонани, сгоравшему от любопытства и жажды самопожертвования, похлопал по щеке Мелену, сказав ей на прощание какую-то пошлость, не то «о'кэй!», не то «ауфвидерзейн!».

— Не волнуйся, — сказала Мелена. — Я буду здесь.

И удивительно: он перестал волноваться. Сел на стул и в ожидании необычного уставился в светлый кружочек иллюминатора. Вдруг ему показалось, что свет в иллюминаторе стал слабеть. Петер вскочил, чтобы взглянуть, не случилось ли чего, но почувствовал, что будто оторвался от пола и петит куда-то. «Невесомость», — подумал он и втянул голову, боясь удариться головой о стенку бака. Но ни обо что не ударился, а все летел и летел в темноте, не зная ни верха, ни низа.

Потом вдруг стало светлеть, и он увидел ночное небо, усыпанное блестками звезд.

— Повернитесь! — услышал свой собственный голос.

Петер оглянулся через плечо и задохнулся от удивления. Перед ним было нагорье с острыми пиками скал, похожее на Эстамп. Белые полосы света лежали на камнях. Черные тени перечеркивали их. А над всем этим висело плоское черное небо, усыпанное неподвижными звездами, как бархатный шлейф театральной королевы. Сияло ослепительное белое солнце. На близком горизонте поднимался темный диск, окруженный голубым ореолом.

«Да ведь это я на Луне!» — мысленно воскликнул Петер.

— Совершенно верно, — сказал кто-то рядом.

— Кто вы? — спросил Петер и не услышал своего голоса.

— Мы цваги, — ответили ему. — Вы нас не можете увидеть. Но это и не нужно. Говорите...

«Хорошенькое дело, — подумал Петер. — Что можно говорить в таких условиях, когда я едва в состоянии спрашивать?»

— Спрашивайте.

И Петер понял, что говорить с цвагами совсем не обязательно: они сами читают мысли.

«Как я тут оказался?» — подумал он.

— Основы беспристрастности вам не понять. Земная цивилизация еще далека от этого.

— Если я на Луне, то как обхожусь без скафандра?

— Вы по-прежнему на Земле. Здесь ваша копия.

«Этого мне только и не доставало», — подумал Петер.

— Вы хотите прервать сеанс? — тотчас откликнулся таинственный голос.

— Нет, нет! — испугался Петер. Он подумал, что эти цваги, должно быть, начисто лишены юмора. И почувствовал себя не пай-мальчиком, глядящим в рот учителю, а забиякой, у которого всегда припасена очередная проделка.

— Вы думаете нелогично, — сказал голос.

Петер растерялся. Тут, оказывается, надо знать, что говорить. Он сосредоточился и спросил:

— Изложите ваши условия?

— Через сорок восемь земных суток мы войдем в атмосферу Земли. В тот миг взорвутся запасы расщепляющихся материалов, независимо от того, где они находятся; в океанских глубинах, под землей или в космосе. Реакция, понять которую вы не в состоянии, неизбежна. Нам это не повредит, но ваша цивилизация будет уничтожена. Мы предлагаем выход: рассейте расщепляющиеся материалы. Тогда взрыва не будет, мы высадимся на Земле и дадим вам все, что вы захотите.

— Заманчиво, — сказал Петер. — Но на Земле слишком много было посулов будущего блаженства в обмен на лишения в настоящем.

— У вас нет другого выхода.

— Может, и так, но кто в это поверит?

— Вы должны объяснить.

— Э-э, — сказал Петер. — У нас не слишком верят даже президентским речам...

И вдруг его осенило:

— А вы не могли бы дать какое-нибудь знамение?

— Что это такое?

— Ну чудо. Чтобы удивить всех.

— Разве зеленоволосые не чудо? У вас ни у кого не было зеленых волос.

— Их никто не принимает всерьез.

— Мы можем заставить замолчать все радиостанции вашего мира.

— Это слишком непонятно.

— А разве чудо должно быть понятным?

— В какой-то мере. Чтобы люди ничего не поняли и в то же время, чтобы поняли, что это чудо.

— Вы предлагаете нам опуститься до ваших примитивных понятий?

— Что делать? Иначе мы не найдем общего языка. Ведь вы сами говорите, что нам не понять ваш уровень знаний.

— Опустить не менее трудно, чем подняться...

Голос осекся. Так бывает, когда выдергиваешь штепсель репродуктора. Петер минуту напрягал слух, потом снова стал оглядываться. Все те же черно-белые скалы лежали перед ним, все то же солнце начищенной бляхой сверкало над головой. По-прежнему стояло над горизонтом неподвижное полукружие голубой земной атмосферы. И была мертвая могильная тишина.

«Красив лунный мир, но уж больно неподвижен, — подумал Петер. — С нашими привычками к земному непостоянству он может быстро наскучить».

— Земная цивилизация недалеко ушла за четыреста лет, — снова услышал Петер. — Тогда мы последний раз посетили Землю. И тоже слышали просьбы о чуде. Мы показывали фейерверки из комет, устраивали гром среди ясного неба. И ничего не помогло. Люди, с которыми мы выходили на связь, все погибли на кострах. Ваши жрецы обвинили их в том, что они с нашей помощью научились быстро передвигаться, понимать чужие языки... Вы сомневаетесь? Посмотрите ваши земные архивы и убедитесь. Это называлось «бороться с дьяволом».

— А, так то была инквизиция, — догадался Петер. — Что вы сравниваете? Тогда все искали веры, а теперь никто ни во что не верит.

— Не вижу разницы. Изменились формы предрассудков, но они не перестали господствовать над вами.

«Может, он и прав, — подумал Петер. — Все дело в масштабе времени. Разве мы замечаем прогресс, скажем, в промежутке между десятитысячным и девятитысячным годами до нашей эры? Время ускоряет прогресс, и нам кажется, что в двадцатом веке сделано почти все. Но ведь и тысячи лет назад было свое ускорение, и оно лежит фундаментом нынешнего прогресса. Какими же, должно быть, медленными кажутся наши сегодняшние темпы этим

существам с иных звезд?...»

— Четыреста лет назад мы едва не пренебрегли вашей цивилизацией. Теперь мы хотим поднять ее.

— С помощью ультиматума? А вам что-нибудь известно о самолюбии? Люди иногда калечат друг друга только из-за невежливых ответов. А вдруг они попытаются защищаться?

— Бессмысленно. Даже неразумные звери не сопротивляются, когда мы идем к ним, чтобы выручить из беды.

— Но надо еще представить себе эту беду.

— Что ж, вы ее сейчас увидите, — сказал голос.

И сразу исчез лунный ландшафт, и слабые зеленоватые лучи заструились из далекой точки, образовав странный пульсирующий туннель. Какая-то сила будто подтолкнула Петера, понесла, как пылинку, по туннелю. Он понял, что падает в пропасть закричал беззвучно, как во сне, стараясь проснуться и не в силах сделать этого. Потом послышался грохот. Тяжкий, низкий долгий, выворачивающий душу ужасом, неотвратимостью страшной беды...

СОН О КАТАСТРОФЕ

Петер проснулся среди ночи с непонятным тревожным чувством. По потолку елозили светлые блики: на улице гулял ветер. Мелены рядом не было.

«Куда она ушла?» — подумал Петер. Зажег свет, закурил и стал ждать. Спать не хотелось. Он протянул руку, взял со стола журнал, купленный накануне вечером, открыл наугад. Сразу увидел крупный заголовок — «Обезумевший мир» — и рисунок на всю полосу: земной шар в коросте атомных взрывов.

«Обывательская фатальность — вот ваш рок, люди, — читал Петер.

— Тысячелетия рабства сделали вас пассивными. Когда-то, покрытые шкурами, вы верили в роковую неизбежность громов и молний, лесных пожаров, наводнений. Когда-то, одетые в медные панцири, воинственно гремя оружием, вы ждали вражеских нашествий, измен, эпидемий и молились, не веря в свои силы. А потом? Вооруженные до ушей, сильные, способные мигом укротить обнаглевших и озверевших, вы все же робко ждали будущего, моля лишь об одном: «Пронеси, господи!»

Сидя в уютном зале кино, вы спокойно глядели на бомбардировки, красиво снятые с воздуха, а потом шли в бар, пили пиво и лениво обсуждали ошибки любимых регбистов.

И вот пришло. Уже не лесным пожаром или локальным мором грозит вам судьба — всеобщим уничтожением. Но вы по-прежнему пассивно ждете, лицемерно повторяя в свое утешение: «Авось пронесет».

Не пронесет! Как никогда не проносило в прошлом.

Вы говорите: килотонна в тысячу раз меньше мегатонны, и утешаете себя этой «малой» величиной. Вы научились для удобства даже сокращенному счету смертей. «Мегатруп», — спокойно говорите вы, забывая, что речь идет о миллионе убитых, сожженных, отравленных. Единица в миллионе — какой пустяк! Но этой единицей может стать каждый из вас.

Рабы случая, трусливые апологеты фатальности, знаете ли вы, что вас ждет?

Смотрите!

Я покажу вам, что значит взрыв одной «средненькой», всего лишь десятимегатонной, ядерной бомбы.

Огненный шар в тысячу раз ярче солнца выжжет глаза всем, оказавшимся на открытой местности на расстоянии 40 миль. Ослепнут пешеходы, машинисты, пилоты. А через секунды тяжелый, как стена, воздух уложит дома, искорежит самолеты и паровозы, словно сухие листья, сдует с дорог автомобили.

И вспыхнет пожар. И поднимется столб огня в милю высотой и двадцать миль диаметром. Словно мыльные пузыри лопнут и бездымно вспыхнут нефтебаки, взорвутся подземные газохранилища, мгновенно займется все, способное гореть.

Вы, как всегда, лицемерите, утешая себя подлой формулой: «Отсидимся в убежищах».

Напрасно!

Страшный пожар высосет из воздуха весь кислород, и вы задохнетесь в своих норах. И, умирая, будете проклинать свою былую пассивность. Будете жалеть, что прежде, когда ваш голос мог что-то значить, вы сидели у телевизоров, а не шли на митинг протеста, пугались официального шавканья полицейских и заработанную бумажку отдавали бармену, а не в фонд борьбы за уничтожение атомного оружия. Вы не уцелеете в этом пожаре, разве только те из вас, кто заберется в глубокие убежища с автономным запасом кислорода. Но рано или поздно и оттуда придется выбираться в хаос радиоактивных развалин, из которого нет ни выхода, ни выезда.

А потом начнется самое страшное: белый пепел ляжет окрест, и те, кто считал себя спасенным, будут умирать в муках...

Я знаю: вас раздражают эти строки. Вы готовы отбросить их, чтобы снова окунуться в лицемерие газет, внушающих подлую надежду, что это может случиться не с вами и вам удастся только на экране видеть чужие ужасы.

Не удастся!

Потому, что таких бомб хватает на все города, городки и селения мира!..»

Петер поймал себя на том, что и ему хочется отбросить журнал, изорвать, сжечь. Срабатывал дремучий инстинкт самосохранения, принимающий вестник опасности за самую опасность. Понадобилось усилие, чтобы подавить в себе это чувство. Он встал, накинул пиджак и распахнул окно. Сумерки вползали в улицу. Небо очерчивало силуэты крыш. Там, за неровными крышами, светилось бело-желтое зарево, ясное, как заря.

«Солнце всходит на западе?» — подумал он. И похолодел от страшной догадки.

«Какое сегодня число?»

Петер кинулся к календарю, схватил со стола часы. Было три минуты седьмого. Тот самый день и час, о котором предупреждали цваги...

Он сел на кровать, растерянный и апатичный. Потом снова вспомнил о Мелене, кинулся ее искать. Небо над улицей затягивала серая хмарь, и оттуда, с высоты, сыпался мелкий снежок. Он подставил ладонь, поймал несколько снежинок: они не таяли.

Петер пробежал по соседним улицам, недоумевая, вернулся Домой, включил радио. Далекие дикторы исступленно обвиняли друг друга. О цвагах никто не вспоминал: обстановка была слишком серьезной, чтобы их деликатные предупреждения принимать всерьез.

Уже через несколько дней город стал напоминать потусторонний мир. Исчез румянец с девичьих щек, серые физиономии замельтешили в витринах магазинов, в зеркалах переполненных Ресторанов. Больницы выдерживали настоящие осады. Иногда Штурмующие врывались в белые коридоры, устраивали самосуд над медицинскими сестрами: по древней привычке все искали виноватых.

В моду вводили большие береты. Теперь их не снимали даже за столом. На каждом углу можно было увидеть сумасшедших. Они глядели в небо и грозили ему кулаками. Образовывались странные сообщества сумасшедших. Они противопоставляли себя нормальным людям, и порой трудно было понять, кто есть кто.

— Совсем как прежде, — говорил Петер в редкие минуты, когда напитки возвращали ему юмор.

Исчезновение Мелены страшило Петера и в то же время приносило непонятную, смутную надежду, что все это только жуткий сон.

На Петера оглядывались все девушки: почему-то он, единственный в городе, сохранил нормальный цвет лица. Иногда его останавливали на улице грустные бледные женщины и, еще больше бледнея, предлагали себя. Им казалось, что здоровый мужчина может вернуть здоровье.

Никому не хотелось умирать. Но люди умирали от радиации. И наконец, наступил день, когда город затих.

Это очень страшно остаться одному. Как-то утром Петер вышел из дому с намерением никогда не возвращаться. Ветер скрипел распахнутыми дверьми, загонял в щели белую радиоактивную пыль.

Он входил в дома, смотрел фотографии счастливых семейств, бродил вдоль магазинных прилавков, заваленных никому не нужными товарами, с особым злорадством срывал вывески «Посторонним вход запрещен».

В переулке Петер набрел на полицейский участок. За оградкой, положив голову на стол, «спал» дежурный. Петер открыл сейфы, выкинул в окно на ветер розовые папки с секретными списками. В глубине участка в маленькой комнатке нашел пирамиду с автоматическими пистолетами. Поднял один, нажал на спуск и с удовольствием послушал грохот очередей. Он взял с собой автомат, набил карманы заряженными магазинами: не для самозащиты, для того, чтобы убивать тишину, когда она начнет сводить с ума.

Потом он нашел машину с полными баками, сел за руль и помчался по пустому шоссе.

Через полчаса в опавшем по-осеннему мелкоколесье он увидел ряды проволочных заграждений. Проехал в ворота мимо мертвого часового и оказался возле длинной высоких бараков.

Даже теперь в пустоте мира Петер робко оглядывался, когда срывал пломбы, — так крепко засели в нем занозы былых ограничений. В бараках оказались штабеля ящиков с бомбами, снарядами, гранатами. Безукоризненные желтые песчаные дорожки, аккуратно зарешеченные окошечки. И повсюду на равных, промеренных до сантиметра расстояниях каплями крови краснели пузатые огнетушители. Сколько надо было любви и терпения для этой аккуратности?!

Петер нашел кусок бикфордова шнура, растянул его до самого входа, поджег и помчал машину на предельной скорости. Он уже был на пустой окраине другого незнакомого городища, когда позади раскололось небо. Черный дым взрыва гигантским зверем поднимался над дальними лесами.

«Вот как красиво взрывать, — думал Петер, проезжая по пустым улицам. — Люди всегда предпочитали фейерверки медленному огню. Тщеславные люди! У пусковых кнопок они казались себе богами. «Кнопочники» были кумирами, на них молились газеты, их имена баюкали радиоволны. Но от кумиров ничего не зависело. Они были такими же рабами общественных предрассудков, как и все другие. Когда понадобилось отбросить предрассудки и смело шагнуть навстречу неизвестному, чтобы понять его, они оказались бессильными. Ни «великие», ни «малые» не смогли преодолеть собственного тщеславия. «Мы умные, нам ли слушать глупых», — говорили и те и другие. И не хотели слушать друг друга. Пока не пришло время, когда уже некому стало ни говорить, ни слушать...»

Машина заглохла, и это заставило Петера опомниться. Впереди, заслоняя улицу от стены до стены, шевелилась темная масса. Он понял опасность, когда масса поползла на капот, превратившись в мириады обыкновенных черных тараканов. Похоже было, что в условиях убийственной радиации они фантастически размножались.

«Уцелеть, чтобы быть съеденным тараканами?» — от этой мысли похолодели ноги. Петер включил задний ход, и машина, визжа колесами на тараканьей жиже, медленно поползла по улице...

Несколько дней он гнал машину, сам не зная куда. Магистраль с односторонним движением сменялась гравийными проселками. Временами он подъезжал к центрам недавних взрывов. О них предупреждали свалки автомобилей вдоль чистых, словно подметенных, шоссе. Иногда издали Петер видел завалы бывших городов. Он далеко объезжал их, зная, что через эти гигантские многокилометровые «каменоломни» невозможно ни пройти, ни проехать.

Как-то он остановился на ночь в пустой придорожной гостинице. В ней выглядело все так, будто хозяева и жильцы только вчера покинули дом. Стойка в баре ломилась от бутылок, кровати в номерах были аккуратно застелены чистым бельем. С тяжелой головой от вин и новой тоски Петер повалился на постель и уснул глубоко и бездумно.

Утром, едва открыв глаза, он увидел возле себя двух серых людей. Протянул руку за оружием — его на месте не оказалось.

— Одевайтесь! — сухо сказали ему. И только тут Петер заметил в руках у них наручники, а на головах форменные фуражки.

— Я так и знал, — сказал Петер. — Кто кто, а полиция уцелеет.

— Одевайтесь, — повторил человек в фуражке. — Разве еще существуют законы?

— Это нас не касается.

— Я арестован за бесплатное оскорбление чужого ложа? Но у меня есть индульгенции.

Он выложил из кармана горсть золотых колец, взятых в пустом ювелирном магазине.

— Одевайтесь.

— Нет, мир все-таки перевернулся, раз полиция перестала интересоваться золотом.

Ему хотелось шутить. Несмотря ни на что, он был рад живым людям.

Петера привезли в роскошный старинный особняк. Несколько прехорошеньких, только слишком бледных горничных ухаживали за ним, стараясь угодить ему во всем. Целый консилиум врачей следил за здоровьем, ежедневно выстукивая его и унося многочисленные анализы с такими улыбками, словно это были крупные чаевые.

«Мир явно изменился, — думал Петер. — За арестантами теперь ухаживают как за президентами...»

Однажды бледнолицые доктора с особой торжественностью расселись вокруг него и объявили, что Петер феномен.

— Приятно слышать, — сказал он, не предвидя от комплиментов ничего хорошего.

Из толпы белых халатов поднялся человечек, самый маленький, бледный и лысый, и произнес вдохновенную речь. Он говорил о том, что рад добровольному участию Петера-Метера в великой исторической миссии спасения человечества, что отныне долг каждого отдавать всего себя, вплоть до спинного мозга, на оздоровление людей, что человечество не забудет своих спасителей и поставит им золотые памятники на всех площадях, что наука требует жертв, и в том числе от тех, кто далек от науки...

«Нет, ничего не изменилось, — подумал Петер, содрогаясь от старичковой проповеди, — по-прежнему одни делают ошибки, другие за них расплачиваются...»

Чем дольше говорил старик, тем холоднее становилось Петеру. Он понял, что ему уготована роль подопытной свинки для спасения новых властвующих персон, умирающих от страха и белокровия. Петер уже не сомневался, что сообщество, в которое он попал, основано на лицемерии, жестокости и тирании. Иначе не могло быть в условиях массовых смертей и невообразимых лишений. Человечество начинало сначала. Оно не могло обойти закономерностей исторических дорог: власть грубой силы, восстания, мистическую демагогию, презрение к инакомыслящим, всплески глупости и гениальности, страх успокоившихся привычек перед неудержимым натиском разума...

Человечество начинало сначала. И мог ли он, человек, не протянуть руку своим братьям?

Врет этот лысый. Не будет никакой золотой памяти. Монументы снова будут восхвалять королей и президентов. Так уж устроены люди, что маленькая сегодняшняя услуга кажется им значительнее вчерашнего спасения...

Петер закрыл глаза и вдруг потерял монотонный голосок старика и снова почувствовал, что летит в странной невесомости в какую-то бездну, куда тянутся, сходясь в точку, зеленые нити света.

И снова он увидел лунный пейзаж, сияющий диск Солнца черной пустоте и голубой ореол вокруг восходящей Земли.

— Вот что вас ждет, — услышал Петер металлический голо, и обрадовался ему. Стало хорошо, как бывает после кошмаров, из которых единственный выход — проснуться.

— Что это было? Сон?

— Вроде этого.

— Я чуть с ума не сошел.

— Вполне возможно, если учесть вашу неподготовленность. Это недавнее наше изобретение. Полная иллюзия реальности, плод логики и знаний. С помощью таких снов нам удается предвидеть будущее.

Петер уловил в голосе нотку гордости. «Эти цваги тоже не прочь похвастать», — подумал он, несколько удивленный новой интонацией. Ему понравился этот оттенок чувств. Ведь откровенничают, только когда доверяют.

— Люди тоже умеют предвидеть будущее, обдумывая возможные ситуации.

— Ваши предвидения субъективны, Самим вам не скоро удастся преодолеть этот барьер.

— Ас вашей помощью?

— Ваши мечты осуществить просто. Они примитивны,

— Хотел бы я знать, как это вам удастся?

— Пожалуйста. Сейчас вы узнаете и это тоже, — услышал Петер. И снова почувствовал, что падает в невесомость зеленых лучей, сходящихся в бесконечности.

«Черт бы их побрел! — подумал он гаснущим сознанием, — Они меня замучают снами...»

Он не мог проснуться, как бывало дома, не мог ни просить, ни кричать. Надвигался новый сон, реальный, как сама жизнь, страшный неизвестностью. Его нельзя было предотвратить. Он был неизбежен, как завтрашний день...

ОБЕЩАННЫЙ РАЙ

Петер проснулся от странной радости в сердце. Он сел на кровати, прислушался. Тишина была не мертвой, как всегда, а словно бы звенела неведомой, умиротворяющей мелодией. С новой для себя нежностью Петер коснулся плеча Мелены. Она потянулась и открыла глаза.

— Что это?

— Ты тоже слышишь?

Он оделся и вышел на улицу. Видные издалека большие часы на городской башне показывали начало седьмого. В глубине длинной улицы занималась заря. Словно огоньки большого пульта электронной машины, вспыхивали окна домов. Люди толпились у подъездов, счастливо улыбались, сами не зная чему. Какой-то человек судорожно чихал, опираясь на стекло шикарной магазинной витрины. По-ночному закутанный старичок, должно быть сторож, совал ему в нос какие-то пузырьки и чуть не плакал от того, что они не помогали.

— Не простудитесь, утро холодное, — услышал Петер и не узнал старуху соседку, еще вчера изводившую его беспричинной руганью.

Петер прошелся до угла по влажному от росы тротуару. За это время ему восемь раз предложили закурить, одиннадцать раз справились о здоровье, двадцать девять раз сказали «Доброе утро».

Он возвращался домой в полной уверенности, что в мире случилось что-то очень важное и что отныне жизнь пойдет совсем иначе. В подъезде вынул из ящика вчерашнюю газету и сразу все понял: на первой полосе сообщалось, что последний теплоход возвратился в порт из последнего рейса в центральную часть океана. Последние десять тысяч тонн урановых растворов рассеяны на пятикилометровых глубинах. Газета давала интервью с

политическими деятелями, бизнесменами, домохозяйками.

«Мы выполнили условия, — писала газета.

— Очередь за цвагами...»

«Ну что ж, — подумал Петер, тщетно стараясь побороть свой беспричинный восторг. — Утешать цваги умеют. Посмотрим, как они справятся с мириадами человеческих проблем — общественных и частных, крупных и мелких, тех, что были и что появятся потом...»

Мелена уже приготовила кофе и ждала Петера с мягкой, мечтательной улыбкой.

«Все будет хорошо, — подумал Петер, целуя Мелену. — Люди не захотят расстаться с обретенной радостью».

Они распахнули окна в прохладу улицы и пили кофе, не зажигая света. Стекла в домах напротив разгорались отраженным золотом восхода. Снизу, с улицы доносился гул голосов, какой бывает по большим праздникам.

Из долгого странного шока неги и доброты их вывел резкий стук в дверь. И еще до того, как они успели ответить, на пороге появился репортер Штангель.

— Поздравляю! — крикнул он. — Ты назначен редактором!

— Час от часу не легче, — сказал Петер, не слишком, впрочем, удивляясь. В это чудесное утро должно же было случиться какое-то чудо.

— Я так много рассказывал о тебе, что там, наверху, не выдержали.

— Благодарю. Хочешь кофе?

— Какой кофе! — взревел Штангель. — Ты знаешь, что творится за городом?

— А что творится за городом?

— Я не ошибся, — рассмеялся Штангель. — Ты еще не в кресле, а уже с руководящими интонациями.

— Подумаешь! Руководящих интонаций всегда было больше, чем кресел... Так что там за городом?

— Не знаю.

— Чего ж ты так возбужден?

— Именно потому, что не знаю. И никто не знает. Рассказывают, будто на окрестные холмы лег зеленый туман. И в нем что-то сверкает. И все это в полной тишине...

Они помчались на машине Штангеля, непрерывно сигналив пешеходам. Толпа текла в том же направлении, густая, торопливая, радостно возбужденная. Еще издали в просвете улиц увидели что-то сверкающее в косых лучах восходящего солнца. Зеленый туман опадал, как полотнище, с высокого пьедестала, открывая сказочный город. Он был весь белый и сверкал, как единый кристалл. Широкие провалы улиц пересекали его во всех направлениях. Вспыхивали на солнце бесчисленные окна. Башни и купола непонятного назначения тянулись к утреннему небу. Многотысячная толпа восторженно гудела вокруг как орда, жаждущая штурма.

— Внимание, внимание! — услышал Петер и повернулся к Штангелю.

— Это ты?

Мелена засмеялась.

— Как он мог говорить женским голосом?

— Я слышал мужской.

— Да, да, и я тоже, — подтвердил полненький мужчина, стоявший рядом.

— Ах, ты вечно споришь! — Спутница полного мужчины закатила глаза. — Я ясно слышала женщину.

— Внимание, внимание! — снова повторил голос.

— Что я говорила! — сказала женщина.

— Что я говорил! — сказал мужчина.

Женщина глотнула воздуха для длинной и страстной тирады, но лишь пошевелила губами, потому что женско-мужской голос сказал такое, от чего впору перестать спорить не то что мужу и жене, а даже и политическим деятелям.

— Перед вами город — первый подарок цвагов. Идите и живите в нем, как вам хочется...

И тут толпа словно опомнилась, кинулась через пустырь к сверкающим стенам. Мчались разбитные парни, таща за руку стократно перекрашенных девчонок. Пыхтя, как локомотивы, бежали степенные отцы семейств, обвешанные детишками, с женами на прицепе. Семенили тихие старушки, активно работая локтями. А таинственный голос, не отставая, все гремел в ушах торжественно и спокойно:

— ...Никакого чуда в этом нет. Мы заложили ваши запрограммированные мечты в основу кристаллической решетки, и кристаллы-дома выросли точно такими, какими вы их хотите видеть. Материалом для них послужили камни холмов...

— О боже! — воскликнул кто-то в толпе бегущих. — У меня ж там зарыто...

Что зарывал в холмах несчастный скупец, Петер не расслышал: толпа увлекла его в сверкающее ущелье первой улицы. Он крепко держал Мелену за руку, опасаясь, что в этой стадной истерии никто не заметит оступившегося, упавшего человека.

Но цваги, видно, неплохо знали свое дело. Как потом Петер писал в газете, «заселение новых квартир прошло организованно». Было лишь два несчастных случая: умер от разрыва сердца тот самый человек, чье золотишко, спрятанное в холмах, пошло на постройку домов, да еще поссорились муж с женой, потому что он хотел взять квартиру окнами на запад, а она на восток.

Сотрудники местной газеты не удивились неожиданной трансформации, случившейся в редакторском кабинете. Куда делся старый редактор и откуда взялся новый, никто этим не интересовался. Они давно усвоили: это не их ума дело. И оставались невозмутимыми, если, придя в редакцию, слышали вдруг за обитой пластиком дверью незнакомый голос. Тем более что с редакторами им все равно почти не приходилось встречаться: какую роль играли редакторы в редакции — это для всех оставалось тайной.

Петер оказался исключением: он любил работать сам. Полдня он метался по городу, наблюдая за толпами, ошалевшими от свалившегося на них счастья. Другие полдня уходили на чтение материалов, каждый из которых в былое время явился бы сенсацией.

Счастье, принесенное цвагами, было слишком окончательным. Люди стали превращаться в свою противоположность. Вчерашние скряги переродились в первейших транжир, эгоисты в добряков. Бандиты и поджигатели воспылали желанием изучать пожарное дело, а полицейские приобрели страсть залезать в чужие карманы. Но это им было совсем ни к чему, потому что последний бедняк превратился в богача, готового и так отдать свои драгоценности. А поскольку бедняков прежде было большинство, то полиция просто растерялась, не зная, кого теперь хватать. Да и зачем было хватать? Чтобы привести в участок, напоить чаем, вручить сувенирный блокнот с авторучкой и отпустить с миром? «Одна срамота!» — как говорил Петеру бывший торговец папиросами, который прежде больше всего боялся воров, если не считать полицейских.

Вначале Петер думал, что цваги не так уж и хитроумны и просто перевернули мир. И поскольку прежде на Земле всегда было больше зла, чем добра, то теперь стало как раз наоборот. Однако вскоре он убедился, что цваги дальновиднее. После знаменательного дня Пришествия то там, то тут начали вспыхивать странные эпидемии: отдельных людей и даже целые группы без всякой видимой причины вдруг охватывало неудержимое желание чихать. Это случалось где угодно: на улице, в трамвае, на пляже, реже дома и чаще в гостях. Не помогали ни патентованные пилюли, ни иглоукалывание.

Ответ на загадку нашел пронырливый Штангель. Откуда-то он узнал, что чаще всего чихают в военных ведомствах. Стоило только штабу собраться, разложить на столах карты соседнего государства и начать обсуждение очередного плана «обороны», как штабистов охватывал неудержимый чих. От натуги рвались кожаные портупеи, багровели лица, как на парадах, а на праздничные мундиры, стыдно сказать, падали непристойные брызги.

Штангель написал фельетон, в котором высказал невероятную гипотезу, что цваги каким-то образом связали в человеческих мозгах центры чихания с центрами недоброжелательства. Стоило убийце или бандиту задумать очередной план, как они попадали в самый центр эпидемии.

Наверное, еще никогда ни один газетчик так точно не угадывал истину. Фельетон, опубликованный в газете, привел к неожиданным последствиям: на другой день чихало полгорода. Ведь это же очень трудно — удержаться и не думать «о белой обезьяне», когда надо о ней не думать. Газету перестали покупать. Но Петер не унывал, он понимал: лучшая реклама, когда читатели знают, почему не читают. И не ошибся. Скоро его газета в глазах читателей стала самой авторитетной газетой.

Петер все больше убеждался, что если бы репортерам ставили памятники, то Штангель был бы первой кандидатурой. Он улавливал новое общественное мнение не менее безошибочно и быстро, чем «свободное мнение» былой конъюнктуры. Это он пустил в обиход шумный лозунг «Даешь рекорды!».

Гениальное, как известно, всегда просто. Человечество, освобожденное от материальных забот и погони за свободным временем, должно было что-то для себя придумать. И оно придумало. Пышными букетами стали расцветать скрытые таланты людей. Нередко случалось, что какой-нибудь министр забывал о своем высоком долге и принимался раскрашивать картинки в книжках, да так искусно, что ахали бывалые ретушеры. Выяснялось, что раскрашивание-то и есть самый главный его талант, долгие годы мучивший министра тоской по детским радостям. Находились ученые и писатели, которые, наплевав на свои пробирки и рукописи, уходили на тихие берега и там с увлечением плевали на червяков, полностью отдаваясь своей единственной и главной страсти — рыбной ловле.

Но большинство за долгие годы самообмана растеряли свои призвания и теперь не знали, как убить время. Люди искали себя в различных видах творчества. Некий мистер решил на вдоль и поперек изъезженном Ла-Манше поставить новый рекорд. Это было непросто, ибо

Ла-Манш уже переплывали по-всякому: и в лодке, и в ванне, и даже в гробу. Но мистер не растерялся перед этим обилием рекордов, он придумал то, чего еще никто не делал, — переплыл пролив задом наперед.

Штангель первым пронюхал об этом, и с его легкой руки началась эра рекордов, открывшая величайшие потенциальные способности человеческого рода. Цваги получили полную возможность убедиться, что и люди «не лыком шиты». Один побился об заклад, что, не вставая, проползет по-пластунски 25 километров, и выиграл пари, другой 850 часов подряд играл на рояле. Женщины ставили рекорды по плачу и болтовне. Некая Эдит Уиллер, стоя на пьедестале, заливалась слезами три часа подряд, ее соотечественница Зела Хингли доказала, что женщина в состоянии ругаться со скоростью 300 слов в минуту. Как и следовало ожидать, женщины во многом оказались слабее мужчин. Олтон Клепп болтала на соревнованиях 97 часов кряду. Но ее оставил позади некий Шихин. Его время — 133 часа. Одна леди заявила о своем рекорде по разводам: она имела 16 законных мужей. Но над ней только посмеялись, когда пришло сообщение от доверенных лиц Мохаммеда Ахмеда Иссы. Они представили документы на 60 разводов. Говорили, что знатная леди едва не умерла от злости и поклялась побить рекорд.

Самыми популярными оказались так называемые «желудочные рекорды». Карол Герри меньше чем за два часа умудрился съесть 10 метров колбасы, а Уолтеру Пинчелу понадобилось всего полминуты, чтобы сжевать огромную луковицу. Сотни претендентов на первенство в этом виде спорта отделались слезами и изжогой.

Жажда первенства охватила человечество. Многочисленные соревнования показали, что даже цваги не смогли изменить традиционных увлечений людей. Сыпались каскады рекордов по выжиманию гирь, по свисту, по танцам. Некий Вальнер, несмотря на преклонный возраст, протанцевал тысячу километров. У него хватило сил подойти к финишу быстрым фокстротом. Карлос Гимнес установил «рекорд мертвеца» — повесился и провисел в петле целых пятнадцать минут. «Рекорд утопленника» побил человек, пробывший под водой целый час. К сожалению, родственники рекордсмена не пожелали назвать его имя.

Сказывались и профессиональные навыки. Бывший общественный деятель за один только день пожал свыше девяти тысяч рук. Бывший дипломат протанцевал на проволоке 175 часов. Неизвестным остался рекорд бывшего помощника президента. Он забрался в бочку, установленную на 16-метровом шесте, и заявил, что пересидит там всех и бывших, и настоящих, и будущих претендентов. Ему бросил вызов Альфред Хэли, в свое время просидевший в тюрьмах 29 лет. Но публика по привычке больше верила бывшему помощнику президента, чем бывшему уголовнику.

Не побитым остался также рекорд Финиса Кастадимаса. Переодетый в тигровую шкуру, он пробыл в клетке с тиграми три с половиной минуты. Никому не удавалось увеличить этот срок, потому что цваги по недосмотру не наделили тигров способностью чихать...

Но даже в раю всему приходит конец. О его приближении пронюхал все тот же проницательный Штангель. Он раньше других понял, что эра рекордов подходит к концу: людям стали надоедать глупости, и они затосковали по былой деловитости.

Для прессы наступила новая эпоха: репортеры бросились искать в людях человеческие черты. Как и прежде, на первых полосах газет стали появляться фотографии знатных невест, улыбающихся боксеров, задумчивых бывших королей. Однако в новом перевернутом мире знатность оказалась понятием растяжимым. Прежде знатность переплеталась со знаменитостью, а знаменитость с богатством и популярностью. Это были гангстеры, совершившие какой-либо особый грабеж, бедные девочки, сумевшие соблазнить осторожных богачей, дельцы, сделавшие что-то из ничего. Теперь деньги никого не интересовали. Злоумышленники исчезли за стенами «чихоточных» клиник, а бывшие миллионерши вместе с

толпами простых девчонок тщетно добивались автографов своих кинокумиров.

И Штангель сделал ставку на единственное сохранившееся без изменений — на человеческое тщеславие. Он разыскивал завистливых актеров, мужей, брошенных женами и потому особенно ревнивых, бывших генералов, живущих отшельниками, чтобы не нервничать при виде нижних чинов, не желавших отдавать честь. А однажды Штангель разузнал о человеке, которого вездесущие цваги, как видно, просто обошли. Этот человек занимался тем, что коллекционировал золото. Он набивал мешки монетами, слитками, водопроводными кранами, которые с приходом цвагов стали золотыми.

Но проинтервьюировать нового «скупого рыцаря» не удавалось. Единственная дельная мысль, которую Штангелю удалось вытянуть из соседей, сводилась к тому, что будто бы когда-то скупец сказал, что цваги приходят и уходят, а золото остается.

Чтобы выманить «паучка» из норы, была предпринята операция под кодовым названием «Самосвал». Целую неделю сотрудники газеты носили в редакцию тяжелые свертки с золотом, которого с приходом цвагов на всех свалках было предостаточно. Когда свертков накопилось много, их ссыпали в кузов самосвала и повезли к дому «скупца». Вся редакция пошла поглядеть на представление. Самосвал шумно подъехал к дверям и с грохотом высыпал целую гору золота. Тут было все: слитки, бунты проволоки, подсвечники, даже почему-то тоже ставшие золотыми оконные шпингалеты. Было все кроме женских украшений. Их в городе по-прежнему не хватало. Как видно, цвагам было не под силу справиться со страстью женщин к безделушкам.

Самосвал уехал, и тишина повисла над улицей. Такая тишь падает на землю, когда грозовая туча готовится перейти от громовых угроз к действию ветром, дождем, градом...

В этой тишине все услышали, как скрипнула дверь. Выглянувший человек был невысок, некрасив и узкогруд и вполне соответствовал представлениям Петера, сложившимся под влиянием некогда прочитанных книг. «Естественно, — подумал Петер, — человек всегда стремится к самоутверждению. Никто не согласен считать себя последним, каждый желает хоть в маленьком, но все же быть единственным, непохожим на других. Ибо человеку надо чем-то оправдывать свое существование. Не ценности сами по себе делают человека злым, а злые люди особенно крепко хватаются за «соломинку» искусственных ценностей. Не деньги порождают зло, а злое и недостойное упорно стремится превратить деньги в единственное мерило всего и в том числе самого Добра. Так Добро, оцениваемое деньгами, приобретает Зло в качестве судьи...»

Пока Петер так рассуждал, человечек выволок мешок и стал набивать его даровым золотишком.

— Эй, приятель, не надорвись! — крикнули ему.

Человечек присел от неожиданности, потом резко кинул мешок на спину, шагнул к двери. Но тотчас будто переломился, уронил мешок, схватился за поясницу и упал на тротуар. Grimаса жестокой боли вывернула его лицо. И вдруг в эту чужую боль со всех сторон покотился веселый хохот, понесся по булыжнику, словно обезумевшая лошадь, впряженная в пустую подводу.

Оказывается, это может быть смешным, когда в руку нищему кладут камень, когда человеку, умирающему от жажды, дают ложку уксуса. Оказывается, это весело — подталкивать падающего...

Впервые за дни всеобщего счастья Петеру стало нехорошо. «Не предстоит ли Штангелю открыть новую эпоху? — подумал он. — Не начнут ли обалдевшие от достатка и безделья люди гасить равнодушие созерцанием страданий ближнего?...»

И полезло в душу совсем уж несусветное для этого мира, где «я» и «мое» всегда было на первом плане. «Могут ли принести счастье человеку блага, не заработанные своим трудом, доставшиеся задарма?» — думал Петер и удивлялся своим думам. Такое было под стать тем, кто живет на другой стороне планеты, но никак не ему, свободному репортеру свободного общества. Общества «полной демократии». «Разнузданной демократии», — вдруг подумал Петер и снова удивился сам себе.

Его душу неостановимой волной начала заливать смутная тревога, предчувствие какой-то неизвестной опасности...

И в этот момент небо над улицей погасло, словно кто-то внезапно выключил солнце, и в крошечной тьме с далеким разбойничьим свистом заструились к неведомому центру тонкие зеленые лучи...

СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Снова перед ним расстился лунный пейзаж, похожий на гигантскую, резко контрастную фотографию. И Земля ничуть не сдвинулась с места, и солнечный диск все так же сверкал в вышине, будто был лишь деталью неподвижной декорации, нарисованной раз и навсегда на все спектакли.

«Опять сон?» — устало подумал Петер.

— Вы недовольны? — услышал он знакомый металлический голос.

— Радоваться нечему. Кроме того, пора бы уж и домой. На Земле меня, наверное, похоронили.

— На Земле вас ждут. Связь продолжается семнадцать земных минут.

— За семнадцать минут побывать и в аду и в раю?...

— В своих снах вы успеваете не меньше.

— Сны произвольны.

— И эти произвольны. Мы лишь помогаем логике вашей фантазии.

— Но зачем?

— Чтобы вы яснее представили себе перспективы и рассказали о них людям.

«Каким образом?» — усмехнулся Петер. Он хотел сказать своему таинственному собеседнику, что от тех, кого он знает, ничего не зависит, а кто кое-что может, того не просто увидеть. Но голос опередил:

— Вы сможете увидеть всех, кого захотите. Для этого там, на Земле, проглотите шарик, закройте глаза и положите руки на живот...

— Какой шарик? — спросил Петер.

Но ответа не последовало. Голубой ореол вокруг Земли начал гаснуть, исчезли густые тени лунного ландшафта, а сияющий диск Солнца стал падать и превратился в освещенный снаружи светлый люк иллюминатора.

Петер услышал голоса снаружи бака, встал со стула, шагнул к иллюминатору. И тут почувствовал в руке что-то холодное и круглое, напоминающее голубиное яйцо, только со свинцовой тяжестью.

«Проглотите шарик», — вспомнил он последнее напутствие цвагов, сунул его в рот, погладил языком странно податливую скорлупу и, борясь с желанием куснуть, проглотил. Мелодичный звон поплыл издалека. Так звенит в ушах полная тишина, когда тщетно напрягаешь слух. Звон приближался, звучал свирелью, скрипкой, флейтой, контрабасом, наконец ударил громом и оборвался. И снова Петер услышал голоса снаружи бака. В распахнутом иллюминаторе виднелось лицо Мелены в потеках слез и круглые от любопытства глаза Вонани.

Петер высунул голову в люк и стал вылезать. Был момент, когда он, лежа животом на краю люка, вдруг почувствовал, что смертельно устал, и закрыл глаза, представив себе маленькую комнатку Мелены, где так хорошо отдыхалось от всех сует...

Когда он открыл глаза, то увидел, что лежит на кровати в комнате, о которой только что подумал. Минуту он оглядывал стены, не веря видению. Потом встал, прошел к окну, потрогал тяжелую гардину.

«С ума можно сойти от всех этих превращений!» — подумал он. И вдруг вспомнил голос в тишине лунного мира: «Вы можете увидеть всех, кого захотите».

И внезапная радость охватила его. Стало быть, яичко-то непростое! Оно делает мечту реальностью!

Петер закрыл глаза и снова представил себе сумрачную лабораторию с большим старым баком посередине. И тотчас услышал голос Мелены:

— Хватит... не пушу... не могу больше! Тебя не было целую вечность и опять ты как умер!..

Она вцепилась в него и повисла, обхватив плечи и руки.

Подошел белобородый Вонани, сверкнул какими-то бездонными, почти безумными глазами.

— Опыт продолжался восемнадцать минут, — сказал он.

— Семнадцать, — поправил Петер.

— Мы надеемся услышать подробный отчет.

— Непременно...

Они вышли с Меленой в тихую ночь. Шептались липы над улицей. Луна бросала мягкие тени. Где-то далеко с завыванием брехала собака. Земля катилась своей вечной дорогой, и жизнь шла своим чередом. И никто не знал, что очень скоро взорвется эта монотонность жизни и сенсации, каких не было с сотворения, завалят мир развалинами или вознесутся башнями невиданных городов. Никто еще не подозревал, что тихой жизни приходит конец.

...Помните ли вы, читатель, свой первый барабан? Мама просила: «Перестань барабанить, дай отдохнуть». А вы все не могли, в сотый раз пробовали, как он звучит...

Вот и Петер, оказавшись дома, тотчас лег на кровать, зажмурился и нажал себе на живот, как на пусковой клавиш. И очутился на городской площади. Часы на башне показывали семь двадцать девять. Полицейский, как всегда, ходил вокруг большой клумбы левкоев, помахивал дубинкой.

— Эй ты! — крикнул Петер. — Сорви цветочек!

Полицейский наклонил голову, как бык перед атакой.

— А то я сам сорву!

И он пошел по цветам на середину клумбы. Трели свистков тотчас собрали толпу любопытных. Люди хохотали, любуясь, как полицейский бегал по цветам за странным зеленым парнем, вытаптывая запретную клумбу.

Петеру это скоро надоело. Он закрыл глаза, вновь открыл их и увидел знакомую люстру, шторы, встревоженное лицо Мелены.

— Что с тобой? Ты бредил, — сказала она.

— Ничего, дорогая, свари-ка кофе, а потом я тебе все расскажу. Мне понадобится твоя помощь.

Мелена ушла на кухню, а Петер подумал, что теперь самая пора начать выполнять миссию, возложенную на него цвагами. Он снова положил руку на живот, закрыл глаза и очутился... в спальне самого главного босса.

— Как вы сюда попали? — испуганно спросил босс и будто случайно наступил на кнопку сигнала.

Тотчас вбежали двое дюжих молодцов, замерли у двери.

— Возьмите его, — сказал босс. — Выясните и доложите.

«Молодцы» кинулись на Петера, с деревянным стуком налетели друг на друга и завертелись, стараясь схватить то, что им казалось Петером. Босс выхватил из-под подушки дамский пистолетик и принялся стрелять во все стороны. Вскоре один из телохранителей упал, а другой, наконец-то найдя для себя настоящее дело, уволок его за дверь.

— Что будет дальше? — спросил Петер, снова оставшись наедине с боссом. — Не дурите голову ни себе, ни другим. Со мной ничего не поделаете. Меня не убить и атомной бомбой.

Последнее он придумал, ибо и сам не знал пределов своих возможностей. Но простим ему эту маленькую ложь. Ведь он был газетчиком и, случалось, даже не в таких чудесных ситуациях изображал живого слона там, где была лишь одна дохлая муха. Он и прежде знал, что если желаешь в чем-то убедить другого, хотя бы и в ложном, говори увереннее.

— Да, да, запомните хорошенько, вам от меня не избавиться даже с помощью атомной бомбы. Так что лучше слушайте и запоминайте. Мое требование: сегодня же вы официально призовете мир к уничтожению атомного оружия. Не выполните — пеняйте на себя...

И он исчез. Но прежде чем вернуться к своей Мелене, Петер заглянул к редактору бывшей своей газеты.

— Вам нужна информация, мне нужны деньги...

Но редактор был дока в своих делах. Он привык иметь дело с призраками всякого рода, поэтому ничуть не удивился предложению.

— Если вы такой вездесущий, скажите, что сейчас делает моя дорогая жена?

— Лежит в постели и пьет кофе с ликером.

Редактор снял телефонную трубку, позвонил жене и выяснил, что она действительно еще лежит в постели и пьет кофе.

— Беру! — воскликнул редактор, обрадованный не столько уникальной способностью Петера, сколько преданностью своей молодой жены. — Что вы можете предложить для начала?

— Репортаж из интимной жизни первого босса.

Еще до того, как подпрыгнувший от изумления редактор успел опуститься в свое кресло, Петер вернулся под теплое крылышко Мелены. Первое, что он увидел, были ее большие испуганные глаза.

— Я не могла тебя добудиться. Ты был такой бледный и бредил.

— Поняла что-нибудь?

— Смеялся, говорил с кем-то. Что тебе снилось?

— Это не сон.

И Петер рассказал ей все о цвагах, о чудесном яйце, которое он проглотил, и о новой способности путешествовать.

— Теперь я сам могу быть Зеленым призраком, — хвастался он. — Я буду лежать тут и, не сходя с места, летать по миру в своем зеленом облике. Я покажу людям их безрассудность и спасу человечество от катастрофы. А ты будешь охранять меня тут и никого не впускать в комнату, пока я не проснусь.

— А если ты будешь там, а что-то случится тут?

— Ты меня вызовешь. Сбросишь руку с живота, и все. Но не делай этого без крайней надобности. Поняла?

Он похлопал себя по животу и услышал в ответ глухое ворчание. Будто сидел там какой зверь и сердился за то, что его беспокоят.

— Ой! — испугалась Мелена.

— Не бойся, это у меня и прежде бывало...

Ей пришлось вызвать Петера из таинственного сна в тот же день. Как только он после обеда отправился в очередное свое путешествие, в дверь забарабанили с полицейской вежливостью. Ворвались четверо, скрутили Петера и увезли.

Его бросили в глухую камеру без окон и с дверью о четырех запорах. Он лег на топчан, положил руку на живот и сразу отправился с визитом к первому боссу. Тот сидел в своем великолепном кабинете и грелся чаем в обществе молоденькой секретарши.

— Вам, кажется, не хочется жить! — развязно сказал Петер. Он знал, что такой тон больше всего действует на обывателей, привыкших надеяться только на закон. — Почему вы приказали арестовать журналиста Петера-Метера? Только потому, что я похож на него?

— Это сделано без моего ведома, — пролепетал босс.

— Старо. Начальники ссылаются на самоволие подчиненных, подчиненные — на приказы выше. Есть преступления и нет преступников... Немедленно освободите журналиста.

Через десять минут в камеру к Петеру ворвались надзиратели, раздели его догола и унесли

всю одежду на исследование.

С этого момента босс потерял покой. Петер преследовал его всюду: в кабинете, на заседаниях, в бронированных авто, в спальнях и даже в шкафу, куда тот залез было, прячась от Зеленого призрака.

На другой день газета вышла с сенсационным репортажем о личной жизни первого босса. Репортаж содержал такие подробности, что босс сдался. Петеру вернули одежду и отвезли домой.

А через четверть часа в городе началась паника. Виданное ли дело, чтобы по улицам со скоростью такси носился зеленый человек, исчезал в одном месте и внезапно появлялся в другом. То он ехал на крыше автобуса, то шагал по банковским столам, заваленным деньгами, то легко, не разрушая конфетных сооружений, проходил по витринам гастрономических магазинов. И часто, не рассчитав, влетал с разгону в комнаты, куда входить совсем было ни к чему. Представьте, читатель, что в окно вашей квартиры где-нибудь на 49-м этаже в самый неподходящий момент вдруг заглядывает незнакомый мужчина с растрепанной зеленой шевелюрой, и вы поймете, какого страху нагнал Петер на своих сограждан...

Вечером, уставший от долгой скачки по городским улицам, Петер лежал на своей кровати и думал о сложностях мира. Уж на что велика и поистине вездесуща способность, подаренная ему цвагами, а и она может оказаться бессильной. Петер убедился, что никак не успеть заглянуть во все закутки города, куда может спрятаться человек. А ведь есть еще закутки душ. И первая иголочка сомнения уколола его: смогут ли цваги контролировать всю множественность людского мира?...

Тихая ночь, причудливо расцвеченная уличными рекламами, вползала в комнату. «Спаситель человечества» крепко спал, не видя ни людей, ни стран, ни даже обычных снов. А Мелене не спалось. Держа Петера за руки, она глядела в темный потолок и напряженно прислушивалась к тихому пощелкиванию цваговского шарика у него в животе. По привычке ей все казалось, что это от сухомятки.

СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

Наконец-то Петер обрел покой. Исправно пошли гонорары, и хозяева соседних магазинов стали кланяться вдвое ниже. Мелена хлопотала по дому и старалась никуда не отлучаться, зорко охраняя Петера. Хотя в этом не было надобности: дом охранялся тайной агентурой. Петер только усмехался, наблюдая за «мальчиками», гулявшими у подъезда. Это даже льстило: ведь ни один гангстер не удостоивался такого внимания.

Некоторое время Петер надоедал «первому боссу», требуя хотя бы официального заявления, осуждающего атомное оружие. Но тот признался, что от него ничего не зависит, что он связан круговой порукой с семнадцатью другими высокопоставленными господами, а кто из них главней, он и сам не знает.

И Петер решил «выяснить отношения» со всеми семнадцатью, начав с самого толстого из них. Для этого ему не нужно было больших сборов: лег на кровать, положил руку на живот и...

Был вечер — веселое время суток. Косматыми чудищами метались над улицами рекламы. Дома-великаны сверкали огнями, как солдаты начищенными пуговицами. Люди прятались в коробки автомобилей, уносились куда-то на край великого города. А те, кому некуда было спрятаться, робко жались к стенам домов, словно молящие о пощаде побежденные к сапогам победителей, и, жаждущие иллюзий, прятались в норы ночных баров, уходили в истерику джазов, в мутный блеск дешевых витражей и бутылок.

А там, где жил самый толстый, была тишина. Полицейские глядела в оба на все движущееся, готовые в любую минуту сорваться с места, догнать, остановить.

Петер без труда нашел тихий особняк, вспорхнул на подоконник, огляделся, неслышно сел в глубокое кресло. Самый толстый играл с детьми в войну. Три мальчика и две девочки подкрадывались с игрушечными автоматами к доброму папеньке, спрятавшемуся за широкий стол.

— Папочка, я тебя убил! — радостно кричал старшенький.

— Нет, это я тебя убил!..

Петер кашлянул, и все юное воинство вмиг исчезло, побросав оружие. И папочка пополз было к дверям, по пути нажимая на все кнопки, спрятанные под ковром.

— Не пугайте охрану, — сказал Петер. — Я не убийца.

— Не обманываешь? — спросил самый толстый, отряхивая штаны. — А то ведь у нас все так говорят.

— Я дома не принимаю.

— На этот раз придется.

— А кто вы такой?

— Посланец цвагов.

— Их не существует, — сказал самый толстый, пятясь к двери. Вдруг он, как молодой спринтер, сорвался с места, выскочил в другую комнату и захлопнул дверь.

— Ай-я-яй! — сказал Петер, появляясь у него за спиной. — Такая прыть при вашей комплекции?

— Что вы хотите?! — взвыл «самый толстый».

Петер сказал, что через три месяца мир взлетит на воздух, что надо немедленно начать уничтожение ядерного оружия. Не жалея красок, он обрисовал картину ада, который ждет людей, если они ослушаются. Но то ли самый толстый не поверил, то ли был приучен к сгущенным краскам, но он не удивился, не испугался и не обрадовался. Только спросил занудливо:

— Ну и что?

— Как это? — удивился Петер. — Надо действовать.

— Вы рассуждаете как последний булочник. Впрочем, где уж чужакам разобраться в тонкостях нашей политики, если мы сами в ней не можем разобраться. Я, по-вашему, бог? Да я свободен меньше, чем рядовой полицейский. Если я хоть пальцем пошевелию самостоятельно, Джеймс меня тут же и похоронит.

— Кто этот Джеймс?

— Первый человек в государстве. Если чего хотите добиться, начинайте с него...

Джеймс произвел на Петера хорошее впечатление: этакий красавец-мужчина, не робкий и понятливый.

— Да, человечество надо спасать, — твердо сказал он, — и мы готовы это делать... Атомное оружие? Да, пора за него взяться. Действуйте.

— Это вы должны действовать.

— Не будем обманывать себя, — сказал Джеймс. — Я лишь исполнитель. Есть и поглавнее. Например, Касс...

Судя по габаритам, Касс был действительно солидной фигурой. Он выпучил на Петера глаза и вызвал секретаршу.

— Откуда взялся этот черт?

— Я его не пропускала! — испугалась секретарша.

— Я от цвагов, — сказал Петер.

— Не помню такой фамилии. Кто они?

— Посланцы иных миров.

— А, эти чудаки, которые думают, что с уничтожением атомного оружия наступят мир и благодать? Да мы и без атомных бомб можем перекусить всех цвагов поодиночке и оптом. Вместе со всеми людишками, если кто помешает. Да, мы... Впрочем, это же военная тайна.

— От меня нет тайн.

— Неужели? А ну-ка скажите, что делается вон в том доме?

— Какой ужас! — воскликнул Петер. — Что вы сделали с человеком?

— Неплохо, а? Он смертник, ему все равно на тот свет, так пусть сначала послужит науке.

— Разве это наука?

— О, у нас лучшие профессора. Ваши цваги умрут от зависти, когда узнают, что мы умеем. — Касс махнул рукой. — Раз уж вы все можете, так лучше я сам расскажу. Сколько, к примеру, нужно ядерных бомб, чтобы перебить всех людей? То-то, что много. А у меня есть одна вот такая пробирочка, и в ней достаточно яда, чтобы отравить все человечество. Разве это не поражает воображение? «Мелиондоза», «Лихорадка Кью»! Не правда ли, звучит как песня? Да и старушка чума у нас переродилась. Теперь ее ничем не вылечить. А психические газы! Пролетел самолет над городом, и все люди веселятся, ни политика им не нужна, ни работа, только бы плясать да целоваться. И умирать с улыбкой. Разве это не гуманно?... А можем и такой туманчик пустить, что враги сами себя перебьют до единого. Как в сказке... Мы все можем. Даже сделать зиму среди лета. Побрызгаем деревья «дефолиантиком», и они осыпятся, осыпятся...

Касс закрыл глаза от удовольствия. Петер молчал, потрясенный новыми перспективами.

— Ну стоит ли, скажите, хлопотать о каких-то атомных бомбах? Это же вчерашний день, что-то вроде лука и стрел. — Касс хохотнул, довольный собой.

— И вы можете пустить в ход свои «гуманные средства»? Я сейчас же сообщу об этом в газеты.

— Валяйте, — рассмеялся Касс. — В газетах сочиняют и не такие страхи. В них никто не верит.

Это была правда. Сам газетчик, Петер отлично знал, как трудно ориентироваться в каменоломнях противоречивой информации. Ему впервые пришла мысль, что, может быть, это делается сознательно, чтобы читатель не смог сделать вывода о действительном положении дел и, не дай бог, не начал бы думать самостоятельно.

— И все же давайте уничтожать атомное оружие. — Петер решил оставаться верным своей миссии.

— Ну зачем же? Мгновенная смерть от бомбы, согласитесь, куда гуманнее кровавой рвоты от ядов.

— Вы же человек, черт возьми! — разозлился Петер. — Должны же вы думать о будущем!

— Будущее — это забота Бухелы. Мое дело — настоящее.

— Кто эта Бухела?

— Прорицательница. Мудрейшая женщина. На десять лет вперед видит. Мы с ней всегда советуемся...

Через секунду Петер стоял возле шикарного двухэтажного особняка в конце улицы. На железных витых решетках ворот висела вспыхивающая реклама с огромной надписью: «Предсказываю все, кроме погоды».

В большой угловой комнате второго этажа, обитой черным бархатом, был полумрак. У светящегося изнутри столика сидели двое — пожилая дама в черном и сморщенный старичок, одетый как на официальный прием. Дама, не мигая, глядела в глаза старичка. Потом она быстро опустила взгляд к столику и сказала так, будто ее душили:

— Скажи мне, дух Абадонны, должны ли мы вкладывать капитал в производство дамских бюстгальтеров?

Столик вдруг вспыхнул ярко, осветив лица.

— Я так и знала! — воскликнула женщина. — Абадонна говорит, что мода на лифчики падает, и что капитал нужно помещать в производство ракет...

— Врет он, ваш Абадонна, — сказал Петер, появляясь на потухшем столике.

Женщина завизжала и мигом исчезла из комнаты, словно тоже обладала способностью цвагов. Старичок повесил челюсть на грудь и вывалил глаза на переносицу.

— Ты, папаша, посиди пока, а я пойду поговорю с гадалкой.

Он нашел ее не сразу: не вдруг догадался, что женщины с испуга обычно залезают под кровать.

— Не бойтесь! — крикнул он ее вздрагивающим ногам. — Я хочу поговорить с вами о том, как поднять авторитет вашей фирмы.

— А вы не обидите бедную женщину?

— Слово джентльмена.

— Как вы меня напугали, — сказала она, выползая из-под кровати. — Вы в самом деле дух?

— Вроде этого.

— Хорошо, что вы возникли прямо из столика. Мой клиент сделает мне рекламу.

— Я вам сделаю рекламу, о какой вы и не мечтали.

И он рассказал ей все о пришествии цвагов, о близком конце света, о необходимости уничтожить ядерное оружие.

— Ну нет, — сказала Бухела, едва он кончил. — На это я не пойду. Я же потеряю всех клиентов...

И Петер снова решил начать с «первого босса».

На этот раз перед домом «первого босса» было шумно. Клоуноподобные юнцы лезли на фонари и кричали что-то непонятное. Другие хохотали, свистели, обнимались с девчонками, целовались, дрались.

— Что здесь происходит? — спросил Петер, появляясь возле полицейского, безучастно стоявшего в стороне.

— Забавляются балбесы. У нас же свободная страна.

— Даже слишком.

— А ты, собственно, кто такой?...

Но Петера рядом уже не было. Он появился на верхушке столба и крикнул сверху в осатаневшую толпу.

— Боритесь за уничтожение атомного оружия! Иначе все вы погибнете!

Дикий хохот и гвалт были ответом.

— Ай да ловкач!

— Ты как туда залез?...

В соседних переулках, как по команде, заревели полицейские сирены, и черные мундиры начали пробиваться к столбу. Но Петера там уже не было. Он стоял на другом конце площади возле паренька, тренькавшего на гитаре.

Привет тебе, мамуля,

Твой сын забрит в солдаты,

Поэтому не жди его пока...

Вокруг кольцом стояли люди, молча слушали.

— Через три месяца все вы погибнете! — крикнул Петер, когда гитарист умолк и стихли аплодисменты. — И все человечество погибнет. Если за это время не будет уничтожено атомное оружие!

— С чего ты взял?

— У него жена рожает через три месяца!

— Не мешай слушать! — кричали Петеру со всех сторон.

Паренек с гитарой наклонился к нему, сказал тихо:

— Вы слишком прямо. Они так не привыкли.

И запел, откинувшись к черной коре липы:

Богатым бедные — бельмо в глазах,

Голодным сытые — как боль в зубах,

И так из года в год,

Из рода в род...

Вот анекдот...

Завыли сирены. Из толпы вынырнул полицейский, взмахнул дубинкой, ударил по гитаре. Разноголосый стон вскинулся и умер, утонул в реве толпы.

— Как вы смеете! — крикнул Петер.

— У нас свобода, — оскалился полицейский. — Вы смеете петь, а я смею вас лупить.

Он замахнулся на Петера и выпучил глаза. Бить было некого...

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

После нескольких дней мотаний по свету в поисках здравого смысла Петер решил вернуться к «первому боссу» и во что бы то ни стало добиться от него толку. Но босс к этому времени успел опомниться. Едва он увидел Петера, как изобразил на лице величайшую радость и пошел к нему навстречу с протянутыми руками.

— Куда вы пропали? Я всю полицию поднял на ноги!

— Неужели понадобился?

— Представьте себе. Мне пришла в голову гениальная идея. Правда, пока я «первый», они у меня все гениальные. Но эта в особенности... Знаете ли вы, у кого больше всего врагов? Конечно, у «первого». Ибо его деяния касаются всех. А всем, как известно, не угодишь. Вот и погибают боссы во цвете лет. Ведь у нас свобода, каждый может купить хоть пулемет... Вы понимаете, что я с вами до конца откровенен? — Тут он попытался похлопать Петера по плечу, но рука его упала, не найдя опоры. — Простите, никак не могу привыкнуть к вашему облику. То ли вы есть, то ли вас нет. Но ведь это и хорошо, и отлично! Вас же нельзя убить! Берите все полномочия, поезжайте вместо меня, выступайте с предвыборными речами, обещайте избирателям что хотите и делайте, делайте свое благородное дело...

Идея была неплохой: не через чьи-то руки, а самому лично обратиться к людям, убедить их, пользуясь привлекательным мандатом представителя «первого босса». А уж людей только разозлить, напугать как следует, зажечь только — не погаснут. Толпа — стихия, шарахнется — никакие стены не удержат...

Так думал Петер. А босс, не дожидаясь ответа, уже звонил куда-то.

— Алло, Пат? Тут к тебе явится... Именно явится, а не приедет... Это он умеет. Увидишь как. Жди через пару минут... Он будет действовать от моего имени. Да, да, пусть выступает где хочет и говорит что хочет. Он от цвагов. От тех, что будто бы собираются прийти на Землю... Да, да, зеленый, совсем зеленый и немного прозрачный. Можешь сообщить газетам, что, мол, представитель зеленых цвагов выступает... Впрочем, ему реклама тоже не помешает.

«Первый босс» положил трубку, повернулся к Петеру.

— Сделал все, что в моих силах. Поезжайте... то есть отправляйтесь... Ха-ха!.. Поработайте пока, а я отдохну. Совсем выдохся от речей... — И он помахал ручкой, как это всегда делал перед избирателями.

Петер на мгновение закрыл глаза и очутился в другом кабинете. Перед ним сидел молодой улыбчивый человек в сером костюме и с короткой прической рыжевато-волос.

— Привет! — сказал он, ничуть не удивившись появлению Петера. — Меня зовут Пат. Репортеры сейчас будут, вы им все сами и расскажете. Не хотите ли пока рюмочку?

— Спасибо. Я лучше пройду по городу, — сказал Петер. И исчез.

Это был всем городам город. По широченным магистралям неслись толпы автомобилей. Длинноволосые юноши, нанятые автомобильными кампаниями, задирали на перекрестках прохожих, предпочитавших ходить пешком. Рыжие блондинки выглядывали из лакированных лимузинов, зазывали мужчин. Рекламы свисали с крыш до самых тротуаров и снова возносились в темное небо.

«Приобретайте наши товары заблаговременно», — звали рекламы.

«Приятное с полезным. Томики стихов лучших поэтов для чтения в туалете!»

«Самые короткие ночные рубашки для спящих царевен!»

«Покупайте новый бестселлер: «Как стать счастливым без денег»!..

Всюду чувствовал комфорт, довольство и беззаботность. Казалось, люди достигли всего, чего хотели, и теперь изощряются, тешат свои прихоти.

А репортеры уже ждали его, шумели в тесном зале. Ничуть не удивившись неожиданному появлению Петера, забежали, отталкивая друг друга, ошетились сотней объективов, ослепили вспышками.

Добрых полчаса Петер рисовал перед ними страшную картину конца света. Почти час рассказывал о том, что могут приобрести люди, если не ослушаются. Накаленный злостью на равнодушие властей, он кидал в зал фельетонный сарказм, сыпал афоризмами, метался по залу в своем зеленом ореоле и сам будто со стороны любовался своим мессианским величием. И замирал от предчувствия завтрашних сенсационных заголовков. Он мысленно уже видел толпы взбудораженных горожан, митинги, демонстрации «антиатомных бунтарей».

Когда он кончил, в зале на минуту наступила тишина. И тотчас словно взорвалась: репортеры кинулись к телефонам. Пришлось объявить перерыв. За это время Петер успел заглянуть в редакции, постоять у взбесившихся телетайпов. Дело, кажется, началось неплохо.

А после перерыва посыпались вопросы:

— Как цваги относятся к крику женской моды — вырезу на животе?

— Если цваги против атомного оружия, то что они думают об использовании в войне летучих мышей?

— Есть ли у цвагов женщины и каков у них бюст?

— Известен ли пришельцам новый фильм «Мои милашки» и признают ли они его секс-бомбой?

— На верном ли пути омфалопсики? Те самые, что ищут истину в созерцании собственного пупа?...

Сначала Петер пытался отвечать, потом возмутился.

— На карте судьба человечества! — крикнул он.

И снова со всей страстью принялся расписывать ужасы, которые видел в полуреальном сне, навеянном цвагами. И осекся, заметив, что репортеры начали зевать и потихоньку расходиться. Они это уже слышали, они спешили за новеньким.

Вскоре в зале осталось лишь несколько человек, совавших Петеру банковские чеки.

— Мы понимаем, фирма индивидуальных атомоубежищ очень богата, — твердил один из оставшихся. — Но и мы можем хорошо заплатить. Только упомяните в проповедях о спасительных свойствах нового пластика для надувных матрацев...

«Что ж, этого следовало ожидать, — подумал Петер. — Люди есть люди. Каждого интересует только то, что его интересует».

Даже в своей бестелесности Петер почувствовал тяжкую усталость. Но он все же заглянул в зал, где его дожидались чекодержатели.

— Мне бы ваши заботы, — сказал Петер. И добавил равнодушно: — Беззаботные вы идиоты!..

Если бы он знал, как опрометчиво для знаменитости говорить в рифму. Эти его последние слова вызвали особый восторг прессы. Их потом обсасывали все газетные поэты. Композиторы сочиняли на них модные песенки. Эстрадники, выбивавшие «атомные чечетки»,

непрерывно вставляли «стишок» в свои куплеты...

А Петер вернулся к своей Мелене и... запил. Стоит ли удивляться? Ведь это такое обыденное явление в обществе, где иными средствами так трудно добиться цели!

Время от времени он снабжал газеты скандальной информацией, накопил «утешительного» и, подталкиваемый «зеленым змием», метался по миру в своих чудесных зеленых снах. Он пугал главнокомандующих, уличных девочек, футбольных кумиров своими неожиданными явлениями и непонятными требованиями. Иногда он попадал на высокие научные собрания, слушал премудрых мужей, тешивших свое тщеславие заумными дискуссиями. Там ему казалось, что перед ним вовсе и не люди, а некие далекие от мира существа вроде цвагов, только менее терпеливые. Он лез на трибуны со своими антиатомными заявлениями, но его не слушали, ибо в научных дискуссиях существовала давным-давно расписанная очередь и всякая внеочередность воспринималась присутствующими как личное оскорбление.

Однажды ему пришло в голову навестить Штангеля.

— Ну и пусть все к черту взрывается! — крикнул Штангель, выслушав Петера. — Кто-то мудро заметил: если умного человека можно ударить так, что он ополоумеет, то почему полумного нельзя ударить так, чтобы он поумнел? Людям нужны удары судьбы, люди без них не могут... Ну а лучше всего, если цваги уберутся ко всем чертям...

Петер не согласился, сказал, что людям для прогресса непременно нужно искать контакты с инопланетными цивилизациями.

— Не хочу никаких контактов, — вскричал Штангель. — Не желаю превращаться в очередного профессора Псишку!

— Кто это?

— Один чудаков. Вбил себе в голову, что муравьи тоже цивилизация.

— Ну и что же?

— Ищет контактов. Газеты им читает, книжки показывает с картинками. Муравьи, конечно, чихать хотели на его уроки. А Псишка одно твердит: главное — непрерывность посылаемой информации. Говорит, что рано или поздно они догадаются. Ты сходи к нему, тебе это полезно.

— И схожу.

Петер закрыл глаза и сразу услышал слоновий топот и далеко не научные словечки.

— Я вам покажу цивилизацию! Варвары, людоеды проклятые! — скрипел астматический голос.

Петер увидел седовласого старца, сплошь облепленного рыжими муравьями. Старец пинал муравейник, бил его, как хлыстом, тонкой указкой.

— Профессор Псишка?

— Ну я, ну и что? У каждого бывают ошибки. Если хотите знать, в научной работе отрицательный результат тоже результат.

Профессор подпрыгнул, поджал ножки и с размаху сел на муравейник.

— Я к ним и так и этак, а они кусаться! Дождались, когда уснул, залезли под одежду да ка-ак

куснут все разом!.. А вы кто такой?

— Ваш друг. Вы говорите, что они вас куснули все разом? Одновременно?

— Э... видите ли... я спал...

— Так это же величайшее открытие! Они откликнулись! А поскольку челюсти у них — единственный известный нам способ общения, то они и пустили его в ход.

— Вы полагаете?...

— Терпите, профессор. Терпите и старайтесь понять, что они хотят сказать, кусая вас. Терпите, мученик от науки. Не обижайте ваших братьев по эволюции...

Петер шутил, но ему было не до шуток. Иногда по утрам, когда рассеивался туман спиртного и кошмарных снов, он с тоской смотрел на календарь и считал часы до катастрофы. Тогда он распахивал окно, глядел на город и плакал от бессилия. Как в детстве, когда тверда была вера, что на слезы слетаются добрые ангелы.

Однажды это протрезвление пришло поздно вечером. Петер взглянул на календарь и ужаснулся: до пришествия цвагов, а стало быть и до катастрофы, которая за этим последует, оставалось восемь часов.

— Нет! — закричал он, перепугав Мелену. — Не может быть!

Он накинул плащ и выбежал на улицу. Тихий дождь сгонял в канализационные трубы дневной зной, оживлял полузадушенных жарой горожан. Люди шли пестрые в свете реклам и улыбались дождю. А Петер бежал мимо них, думая о том, что завтра, всего лишь завтра такие дожди будут вызывать ужас.

Мелена едва поспевала за ним, ни за что не желая отпускать Петера одного. Ночью они вломились в квартиру белобородого Вонани.

— Вы же обещали рассказать... — начал ученый.

— К черту счеты! — раздраженно перебил его Петер. — В шесть утра мир взлетит на воздух!

К счастью, Вонани относился к той редкой категории людей, которые, несмотря ни на что, предпочитали верить другим. Он провел ночных гостей в лабораторию, где все еще стоял старый ржавый котел. Петер забрался в люк. Мелена решительно полезла за ним.

— Я буду с тобой, — заявила она.

Он не стал спорить. Теперь ему было все равно.

Цваги заставили долго ждать. С полчаса Петер видел перед собой только светлый круг люка-иллюминатора и за ним белый халат Вонани. И когда нервы готовы были лопнуть от нетерпения, он почувствовал невесомость и услышал далекий свист в зеленом трепетании тонких лучей.

На этот раз все было как-то иначе. Петеру даже показалось, что он чувствует холод. Так во сне идешь босиком по снегу и знаешь, что это не реальность, и знаешь также, что за этим какая-то реальная основа. И просыпаешься и находишь, что сон не фантазия, что ногам действительно холодно, потому что во сне ты их высунул из-под одеяла. Вот и теперь был словно сон, только такой, от которого нельзя самому проснуться.

Мелена раскрыла рот, пытаясь что-то сказать, но Петер ее не услышал. Он взял Мелену за

руку и стоял так, переступая по серому лунному гравию.

— Что вы хотите?

Мелена вздрогнула и оглянулась.

— Вы не должны этого делать! — крикнул Петер в черную пустоту.

— Мы давали вам время.

— Что нам ваше время? Мы же совсем другие. Вы приходите как диктаторы, предъявляете ультиматум, сулите золотые горы. А мы не умеем, понимаете, еще не можем ничего принять. Если ваша цивилизация так высока, то она должна быть доброй. Как же иначе?!

Петер умолк, не слыша возражений. Ему показалось, что он говорит сам с собой. Так бывает на больших митингах, когда теряется неуловимая ниточка-связь между оратором и толпой. Оратор все еще говорит, накаляет себя, а вокруг уже космический холод равнодушия.

— ...Давайте нам то, что мы можем взять. Укажите для начала хотя бы лекарства от наших болезней. Вы молчите? Вы понимаете, что для этого вам понадобится изучить болезни, а стало быть, и всего человека со всеми его историческими, биологическими, психическими противоречиями и сложностями. Для этого вам пришлось бы повторить нашу жизнь, начав все сначала. Но в этом случае еще неизвестно, сумеете ли вы указать лекарства раньше, чем мы найдем их сами...

— Что же вы не возражаете? — раздраженно крикнул Петер.

И снова ему не ответили.

— ...Нельзя ребенка сделать сразу большим. Он должен сам пройти все стадии роста. У нас тоже бывают резкие скачки, мы их называем революциями. Но они закономерный, необходимый этап эволюции. А вы предлагаете взрыв. Чтобы ничего старого и все новое. Это гибель эволюции. Это не наш мир. Человечество погибнет сразу или выродится. Возможно, вы нас будете кормить и баловать, как мы наших кошек и собак. Но не думаете же вы, что нам понравится такая перспектива? Неужели вы не понимаете, что вся суть социальной эволюции в праве самим разрешать свои трудности. Помощь? Давайте нам помощь, которую мы в состоянии принять. Решение наших проблем без нас и за нас — это гибель...

— Что же вы предлагаете? — услышал Петер и обрадовался блеснувшей надежде.

— Выход есть, — быстро заговорил он. — Живите себе на Луне, на Марсе, где хотите, но оставьте нас в покое. И давайте общаться в тех пределах, в каких мы можем вас понять. Наши ученые найдут пути к вашим знаниям. Будьте учителями, а не фельдфебелями. И не надо ни отметок, ни розог. Пусть мы сделаем не все так, как вам нравится, но мы не покусимся на ваш покой. А со своими дураками мы сами справимся. И атомные бомбы уничтожим, и глупость обезоружим. Нужно только время. В конце концов мы же разумные существа...

И вдруг упало густое черное небо. Беззвучно рухнули, провалились белые острые скалы. И розовый свет стал заливать черную ночь. Петеру показалось, что свет пахнет. Он потянул носом, уловил запах левкоев. И в тот же миг почувствовал, что лежит на чем-то неровном и колючем. Открыл глаза, увидел бело-розовые цветы и за ними густое рассветное небо.

Петер приподнялся, опираясь рукой о рыхлую влажную землю. И увидел, что сидит посреди цветов на большой клумбе городской площади, той самой, по которой за ним бегал полицейский. Мелена лежала рядом в неудобной позе неожиданно упавшего человека. Он наклонился над ней, расстегнул блузку и обрадовался, увидев живую пульсирующую кожу в

ложбинке под горлом.

— Который час? — спросила Мелена, открывая глаза.

Внезапный страх придавил ему плечи. Может, именно теперь большая стрелка часов подходит к цифре шесть, может, уже через секунду прогремит над миром триллионоглоточный глас накопленных водородных бомб — страшный вестник конца рода человеческого.

Петер заметался глазами, не сразу нашел большой циферблат на башне. Часы показывали двенадцать минут седьмого. Белый гаснущий диск Луны висел над башней, а внизу, на залитой ранним солнцем площади, уже шумели первые зеленщики.

Мелена прижалась к нему и вдруг нервно и судорожно разрыдалась.

— Что ты, глупая, — уговаривал Петер. — Теперь только радоваться, теперь все будет хорошо.

Он не видел, что с другой стороны, нетерпеливо поигрывая дубинками, к ним спешили двое полицейских...

ОБ АВТОРЕ

22 июня 1941 года улицы старинного русского города Костромы заливало щедрое солнце, Волга сияла под обрывами чистым серебром. В полдень Владимир Рыбин получил свидетельство об окончании школы-семилетки. И в тот же час радио принесло страшную весть — началась война. Тем же тревожным летом началась трудовая биография автора этой книги.

В 15 лет он уже работает слесарем, затем электромонтером на оборонном заводе, выпускавшем снаряды для знаменитой сорокапятки.

В 16 лет он — комсомолец, в 18 лет — солдат, в 22 — офицер Советской Армии, в 25 — член КПСС.

Теперь, вспоминая свою юность, Владимир Рыбин говорит, что трудности военной и послевоенной поры, ускоряя гражданское созревание, давали закалку на всю жизнь. Эта закалка помогла впоследствии совмещать работу с учебой. И среднюю школу, и Московский университет он оканчивал без отрыва от основной работы, занимаясь по вечерам.

Затем много лет было отдано журналистике.

В литературу он пришел поздно, только к 50 годам.

В своем творчестве участник войны, член Союза писателей СССР Владимир Алексеевич Рыбин верен взаимопроникающему триединству литературных жанров — путешествиям, приключениям, фантастике. Долгие годы работая корреспондентом в журнале «Советский Союз», В. Рыбин объехал всю страну.

Было множество корреспонденций, очерков, опубликованных в разных газетах и журналах. Но главный итог журналистского периода — три книги путешествий.

«По древнему пути «Из варяг в греки», «Путешествие в страну миражей» (о Туркмении),

«Навстречу рассвету» (путешествие по Амуру).

Одна за другой выходят книги В. Рыбина о героях войны и послевоенной Советской Армии. Даже рассказывающие о подлинных событиях, книги эти читаются как чисто приключенческие: «Звездный час майора Кузнецова», «Бастионы в огне», «Встречный бой», «Седьмая звезда», «Взорванная тишина».

И в своих фантастических рассказах и повестях В. Рыбин остается верен приключенческому направлению. «Дело об убегающих звездах», «Иллюзион» и другие произведения, вошедшие в его первую книгу фантастики «Здравствуй, Галактика!», отличаются прежде всего сюжетной остротой. Уже в этой книге намечается и новое направление в творчестве автора — исследование психологии человека, попавшего в исключительно сложную ситуацию, оказавшегося один на один с проблемами общечеловеческого плана. Таковы рассказы «Земля зовет», «Голубой цветок», «Дверь в иной мир», «Ошибка профессора Громова».

Многие из героев произведений Владимира Алексеевича — дети, подростки. Рассказы о них проникнуты особым лиризмом. Таков «Открой глаза, малыш!», неоднократно переиздававшийся в Советском Союзе, переведенный на многие языки мира.

В предлагаемой читателям новой книге фантастики В. Рыбина «Гипотеза о сотворении» — почти половина рассказов и повестей посвящена детям.

Извечное стремление фантастов «заглянуть за горизонт» в рассказах, где герои — дети, приобретает как бы новое качество, своего рода «дальнодействие». Ведь дети — это будущее. А исследование психологии детей — это похоже на попытку заглянуть за тот горизонт, который за горизонтом.

И в то же время фантастика В. Рыбина очень современна, даже злободневна, свидетельство тому — рассказы «Живая связь», «Зодчие» и другие произведения.

Представлена в этой книге и типичная для творчества автора приключенческая фантастика «Что мы Пандоре?», и такая, в которой делается попытка смелого научного прогнозирования — «Гипотеза о сотворении», и так называемая «бытовая фантастика», где вроде бы все реалистично, все нам знакомо, где лишь намекается на неведомое и таинственное. Л. ПОСПЕЛОВ

О ХУДОЖНИКЕ

Издания с рисунками Юрия Макарова знакомы нескольким поколениям любителей фантастики. Он неизменный оформитель книг А. П. Казанцева.

Сейчас даже трудно представить произведения Александра Петровича в чьем-либо другом оформлении. Настолько рисунки художника органично слились в сознании читателей с книгами старейшего советского фантаста.

Художник рисует в характерной, присущей ему манере. Его иллюстрации к книгам остросюжетны, полны динамизма и потому, наверное, так привлекательны для читателя.

Юрий Макаров — человек сложной судьбы. Родился он в 1921 году в городе Бийске на Алтае, в крестьянской семье. В зимние вечера мать шила шапки, а маленький Юра принаровился вырезать из лоскутиков фигурки лошадей. Получалось вроде неплохо. Родителям нравилось.

Когда семья переехала в Омск, то Юра наряду с посещением обычной школы ходил заниматься вольнослушателем в художественный техникум имени М. А. Врубеля. Способного мальчика заметили. По направлению Омского обкома тринадцатилетний Юра приехал в Москву в Дом художественного воспитания детей при Наркомпросе. Располагался Дом на Чистых прудах. А в Ленинграде в ту пору была открыта Школа юных дарований при Академии художеств...

Сохранился у Юрия Георгиевича интересный документ — письмо к директору Академии художеств И. Бродскому от заместителя народного комиссара просвещения, датированное 19 ноября 1935 года:

«Прошу принять Юру Макарова и рассмотреть его работы на предмет определения его в школу изобразительных искусств для особо одаренных детей при Академии художеств. По заключению специалистов Юра Макаров обладает исключительными дарованиями в области рисунка».

Юрий был принят в эту школу. На втором году обучения на выставке детского рисунка в Париже его работа на чапаевскую тему получила вторую премию, а в следующем, 1937 году на выставке детского рисунка у нас в стране он получил первую премию за панораму Полтавской битвы.

Перспективы на будущее вроде бы вырисовывались четкие, и все было хорошо, да, видно, проявилась излишняя живость Юриного характера, которая не раз вредила ему и в дальнейшем. За проступок — подрался он со сверстником, а его заступника Бродского не было в то время в городе — исключили Юрия из школы.

И начались скитания. Работал в Эрмитаже, в цирковой труппе Донато. Рисовал афиши, выступал на арене. После травмы, полученной во время выступления, стал эстрадным танцором. Его выход громко объявляли:

«Ритмический вальс исполнит для вас Юрий Макаров и джаз».

Подошло время призыва в армию. Попал Юрий в школу младших авиационных специалистов. Но окончить ее не успел. Началась война. В первом вылете летающую лодку, на которой он был стрелком, сбили в неравном бою. Потом воевал в морской пехоте, был ранен, лежал в госпитале.

После госпиталя получил направление на Тихоокеанский флот. Был художником флотского театра, военным художником-корреспондентом. Участвовал в перегоне морских транспортов типа «Либерти» с грузами, поставлявшимися по ленд-лизу из Америки в наши порты. Рейсы эти были опасные. «Либерти» строились из расчета на один рейс. В 1944 году в одном из рейсов транспорт был потоплен, а Юрий ранен. Сорок минут пробыл он в студеном море. Последствия этого ранения скажутся через многие годы. Приведут к инвалидности...

Окончилась война с Японией. Некоторое время Макаров служил в Корее, Маньчжурии, Китае. В 1946 году демобилизовался. И снова поиски своего творческого пути. Работал художником театра...

Как-то случай свел его с Валентином Катаевым. Писателю понравились рисунки Юрия, и он предложил ему оформить недавно написанную рукопись «За власть Советов». Эта книга и стала первой работой Макарова на новом для него поприще. С той поры Макаровым оформлено около двух тысяч изданий.

1986 год — юбилейный как для автора, так и для художника этой книги.

Им исполняется по 60 лет. Л. ПОСПЕЛОВ